

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ ХХІІІ.

М О С К В А, 1805.

ВЪ Университетской Типографіи

у Любя, Гаріянъ

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ 1805.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА В СМѢСЬ.

I.

Принцесса Урсинская.

(Историческая новость.)

Филиппъ V — побѣдивши всѣхъ своихъ непріятелей, и уже два года спокойно владея Испаніею — тщетно въ забавахъ Двора, въ прелестныхъ садахъ Сенип - Ильдефонса спарался найти пошъ сладостной ошдыхъ, по вождельнное спокойствіе, которое за долговременные труды служить

(*) Не лвъя написать повѣсти — говоривъ Г-жа Жанлисъ — въ которой съ строжайшею точностію была бы сохранена историческая истина. Большая часть обстоятельствъ, характеры, почти всѣ подробности и основа развязки взяты изъ Исторіи.

№ 17. 2

прѣятною наградою, и копорымъ воишели
 рѣдко наслаждающся. Надобно имѣть чув-
 ствительную душу, просвѣщенный разумъ,
 чшобы, проведя нѣсколько лѣтъ среди
 грома оружій, въ вихрѣ дѣлъ обществен-
 ныхъ, находить счастье въ жизни тихой,
 однообразной. Вся пышность придворная
 ничего не значить въ сравненіи съ блестя-
 щеею славою храбраго юнаго Монарха, на-
 чальствующаго многочисленнымъ войскомъ.
 Только среди безпокойствъ и опасностей
 военныхъ Государь имѣетъ возможность
 узнавать, до какой степени простирается
 верховная власть его — власть почти
 сверхъестественная одного человека надъ
 множествомъ людей, ему подобныхъ. Жи-
 вучи въ своихъ чертогахъ, онъ часно дол-
 женъ бояться ласкательства, иногда бы-
 ваетъ принужденъ не довѣрять усердію,
 истинной дружбѣ; но въ полѣ, подъ воен-
 ными наметами, его окружаютъ люди,
 изъ копорыхъ каждой готовъ умереть за
 Государя. Офицеры и солдаты не похо-
 дятъ на придворныхъ; они не говорятъ:
жертвую вамъ свою жизнь — не говорятъ,
 но всегда за него подвергаютъ жизнь свою
 очевидной опасности. Всѣ повинуются его
 слову. Куда летятъ они съ такою стре-
 мительностію? на смерть. За чѣмъ, для
 какихъ выгодъ? за славою, чшобы дока-

Запъ послушаніе свое повелителю. Кто сряду нѣсколько лѣтъ смотрѣлъ на опыты споль неограниченной преданности, тому должны казаться холодными и сомнительными всѣ увѣренія, обыкновенно при Дворахъ разпочаемыя.

Филиппъ V былъ отъ природы важенъ, а важность весьма невыгодна для бездѣйствія, особливо когда оно соединено съ невѣжествомъ. Онъ жалѣлъ о Франціи, но жалѣлъ болѣе по предразсудку, нежели по чувству; Французская любезность не сполько приличесствовала его характеру, дикому и желанному, какъ Испанская важность. Онъ скучалъ, и скуку евою приписывалъ любви къ отечеству; могъ бы занятіемъ въ дѣлахъ избавишься отъ сей шягостной непріятели, но былъ чрезвычайно лѣнивъ. Сей Государь, прозванный Храбрымъ, въ самомъ дѣлѣ опличился на войнѣ знаменистыми подвигами. Не было въ немъ той возвышенности духа, которою удивлялъ всѣхъ дѣдъ его, — за то имѣлъ онъ благородныя чувства и прямодушіе; былъ добръ, но не весьма чувствителенъ; не имѣлъ сильныхъ спраспей, и, подобно всѣмъ безвѣрнымъ Государямъ, былъ слабъ, пощому что всегда имѣлъ нужду въ чужомъ умѣ, въ чужихъ совѣсахъ. Прекрасная При-

цесса Урсинская присвоила себѣ верховную
 власть если не надъ сердцемъ, но крайней
 мѣрѣ надъ умомъ его, и уже восемь лѣтъ
 деспотически управляла Филиппомъ и
 всею Испаніею. Она была природная Фрэн-
 дуженка, производила отъ знатнаго дома
 Тремуильскаго, отличалась прелестями и
 красою, имѣла умъ тонкой и проница-
 тельной, характеръ вкрадчивой, гибкой и
 скрышной; слѣдственно и умъ и харак-
 теръ соотвѣтствовали занимаемому ею
 мѣсту. Честнолюбіе было единственною въ
 ней страстію; она хотѣла нравиться и
 быть любимою только по тому, что счи-
 тала то и другое средствами господство-
 вать. Если бы Небо опредѣлило ей си-
 дѣть на тронѣ, она была бы женщиною
 строжайшаго благонравія; но въ настоя-
 щемъ положеніи своемъ любовныхъ слабо-
 стей не считала великимъ грѣхомъ, и рѣ-
 шилась соблазнить, чтобы царствовать.
 Женщина съ такимъ характеромъ мо-
 жетъ долго казаться прелестною своему
 любовнику. Она никогда не обнаруживаетъ
 тѣхъ безпокойствъ, тѣхъ прихотей,
 которыя обыкновенно производятъ отъ
 истинной чувствительности; никогда не
 видно въ ней того охладѣнія, которое
 терпитъ любовь рано или поздно отъ вре-
 мени; всегда одинакова, потому что всегда

спокойна; угождаетъ, не дѣлая себѣ
 никакого принужденія. Принцесса, подоб-
 но всѣмъ любимицамъ, долго пользова-
 лась неограниченною довѣренностію, и
 власнѣ свою почиала непоколебимою; она
 думала, что Филиппъ не можетъ безъ нее
 обойтись, не можетъ быть счастливъ.
 Филиппъ день ото дня спановился без-
 печнѣе; Принцесса день ото дня спано-
 вилась сильнѣе. Она внутренне гордилась
 своими достоинствами, и приписывала
 счастью то, что было естественнымъ
 слѣдствіемъ чрезмѣрной безпечности; не
 пропускала ни одного средства для удер-
 жанія при себѣ высокой милости Королев-
 ской. Впрочемъ, не нужно было много о
 томъ стараться: главная трудность со-
 стояла въ присвоеніи себѣ власти столь
 неограниченной, а удержаніе ее гораздо
 легче; надобно только умѣть казаться,
 будио скучаешь ею. Принцесса Урсин-
 ская располагала по своему произволу всѣ-
 ми важными мѣстами; Министры без-
 пререстанно работали въ ея кабинетѣ. Ка-
 залось, что она знала, какъ должно упра-
 влять дѣлами, и не одинъ разъ давала
 полезныя совѣты. Она для сего выбрала
 себѣ въ наставники человека совершенно
 неизвѣстнаго, коимъ училъ ее, какъ
 поступать въ Государственномъ Совѣтѣ.

Этотъ человекъ былъ Аббатъ Альберони, сынъ Тосканскаго креспянина, впрочемъ весьма ученый. Имѣя предприимчивый духъ, пылкое честолюбіе, проницательный умъ и лукавой характеръ, онъ нашелъ средство войти въ довѣренность Королевской любимицы. Простая, даже грубая наружность и почти крутой нравъ хитрому пролазѣ часто бывающъ полезнѣе, нежели вѣжливость въ обхожденіи и пріятныя поступки, обыкновенно навлекающіе на себя подозрѣніе, а особливо при Дворахъ. Альберони былъ грубъ по наружности, но грубость свою прикрывалъ вѣжливостію, чтобы не казаться ни смѣшнымъ, ни отвращительнымъ. Въ короткомъ обхожденіи между двумя особами высшей и низшей степени, послѣдняя имѣетъ на своей сторонѣ ту выгоду, что удобнѣе можешь узнать свойства другой; одна болѣе говоритъ, другая болѣе слушаетъ.

Аббату извѣстны были всѣ намѣренія, всѣ планы Принцессы, хотя она и почитала его человекомъ *простодушнымъ*. Она видѣла, что Аббатъ способенъ къ дѣламъ, но всѣмъ не предполагала въ немъ честолюбія. Хитрый Альберони, замѣтивши, что въ немъ имѣютъ нужду, просилъ неотступно Принцессу о пожалованіи ему одного неваж-

наго мѣста внѣ столицы; но онъ былъ весьма увѣренъ, что прозьба его не исполнится.

Принцесса являлась въ обществѣ съ царскимъ великолѣпїемъ. Будучи щедрою, даже расточительною, она не была сребролюбива и совсѣмъ не думала о собиранїи сокровищъ. Суетная пышность поселяла благоговѣнїе въ придворныхъ; но народъ ненавидѣлъ ее, зная, что чѣмъ болѣе пышности при Дворѣ, тѣмъ тяжоснѣе подаши. Блескъ великолѣпїя не удовлетворилъ Принцессы, но еще болѣе раздражилъ ея честолюбїе. Она со вздохомъ обращала взоры свои ко Франціи; тамъ вдова Скарронова сдѣлалась супругою Лудовика Великаго. Принцесса, будучи моложе и прекраснѣе Госпожи Менпенонъ, будучи знатнѣе по званїю и по породѣ, не могла не видѣшь своихъ преимуществъ передъ нею. Дѣлая сіе сраженїе, она забыла, что добродѣтель также имѣетъ свою цѣну, что Государи не женятся на своихъ любовницахъ, и что любовь, только основанная на логтении, заставляетъ ихъ вступать въ брачное сочепанїе съ особами низшаго состоянїя. Прошелъ одинъ годъ, какъ Филиппъ лишился супруги; надїя хопѣла имѣть Королеву, Полипика пребыла вѣнчанаго бракосочепанїя; самъ Король не скрывалъ, что имѣетъ намѣренїе же-

нитъся. Принцесса Урсинская думала, что должно, не теряя времени, склонить Короля на свою сторону; но всѣ ея хитроспириты были бесполезны. Король слушалъ ея предложенія если не съ отвращеніемъ, по крайней мѣрѣ безъ вниманія. Государи часто употребляютъ сіе средство, весьма безпокойное для придворнаго честолюбца, коимъ въ такомъ случаѣ не знаетъ, поняли ли его, или онъ лишился довѣрія. Въ другое время Принцесса нашла способъ похвалить поступокъ Лудовика XIV, вразсужденіи тайнаго бракосочетанія. „Да — отвѣчалъ Филиппъ — его извиняютъ только потому, что Госпожа Меншенонъ была его другомъ, и имѣетъ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.“

Отвѣтъ былъ ясенъ; Принцесса поняла его значеніе; но, слѣдуя обыкновенію, скрыла свое негодованіе, и отвѣчала съ прищворнымъ спокойствіемъ: „Надобно признаться, что дѣвица Обинье, вдова Скарронова, не рождена занимать степеней, до которой нынѣ достигла.“ Съ того времени Принцесса переспала сама себя обманывать; она увидѣла, что самая слабость Короля, на которой основывались ея надежды, препятствовала ему рѣшиться на дѣло чрезвычайное. Слабыми людьми управляешь не спрудно; ихъ можно ко всему

принудишь, только не вдруг, а постепенно и съ помощію привычки; одинъ страхъ можетъ заславишь ихъ рѣшишься на поступокъ необычайной. Принцесса хотѣла-было сдѣлать Филиппа набожнымъ; но сіе средство опасно для любимицы. Благочестіе могло бы вдохнуть рѣшимость на важное пожертвованіе, но вмѣсто бракосочетанія скорѣе довело бы до разрыва. И такъ она бросила и сіе средство, и приняла намѣреніе женить Короля, чтобы удержатъ при себѣ власнѣ надъ нимъ; рѣшилась выбрать для него супругу, которая, не имѣя ни ума, ни пріятностей, не могла бы овладѣть сердцемъ Государя! Альберони путешествовалъ по Европѣ и жилъ два года при Дворѣ Пармскомъ. Принцесса вздумала посоветоваться съ нимъ о новомъ своемъ предпріятіи, и не упала отъ него своихъ видовъ политическихъ. Аббатъ крайне обрадовался сему общительству, но умѣлъ скрыть свою радость. Бывъ учителемъ Елисаветы, Принцессы Пармской, онъ замѣтилъ въ ней превосходной умъ и швердой, рѣшительной характеръ. Альберони давно уже хотѣлъ видѣть Елисавету на престолѣ Испанскомъ; но зная намѣреніе любимицы Филиппа, не считалъ нужнымъ говорить ей объ этомъ; теперь князи онъ вспо-

мнилъ объ Елисаветѣ, и описалъ ее Принцессѣ робкою, слабою, просподушною, — словомъ, такою, которою можно управлять по своей волѣ. Аббатъ и душу и тѣло Елисаветы представилъ совсѣмъ въ другомъ видѣ: она была прекрасна; Альберони увѣрилъ, что въ ней нѣтъ ни прелестей, ни пригожства. — „Сколько ей лѣтъ?“ спросила Принцесса. — Осмнадцать; отвѣчалъ Альберони. — „Чему вы учили ее?“ — Исторіи и Географіи. — „Какъ она училась?“ — Очень дурно; въ ней нѣтъ ни памяти, ни разсудка; при томъ лѣнива до крайности. — „Умѣетъ ли она чтонибудь написать оцѣ себя?“ — Совсѣмъ ничего; она пишетъ по чужимъ словамъ даже записки. — „Это очень хорошо; она не будетъ ни во что мѣшаться; дѣла пойдутъ своимъ порядкомъ, и Король успокоится въ покоѣ. Вы говорите, что она не хороша? мнѣ хвалили спанъ ея.“ — Она велика ростомъ и спанъ имѣетъ прекрасной; но въ лицѣ ея нѣтъ ничего пріятнаго. — „Кажется, она подарила вамъ свой портретъ.“ — Точно, въ пабакеркѣ. Я не давно разбилъ ее; масперъ, которому пабакерка отдана для починки, на эту пору куда-то уѣхалъ и скоро возвратится. Я вамъ покажу портретъ; онъ очень похожъ, не смотря на то, что въ немъ

много лишнихъ прелесшей, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. — Альберони въ самомъ дѣлѣ имѣлъ табакерку съ портретомъ Елисаветы; разставшись съ Принцессою, онъ тотчасъ послалъ за Живописцемъ, и заказалъ ему на - скоро сдѣлать при себѣ другой портретъ гораздо хуже перваго; вспавилъ его въ табакерку и отнесъ къ Принцессѣ. Лицо Елисаветы понравилось любимицѣ Королевекой. Она разсмапривала его улыбаясь; и сказала: „Тутъ видно какое - то добросердечіе, которое мнѣ весьма нравится; такая Королева намъ надобна. Любезной Альберони! мы должны употребить маленькую хитрость; дѣло состоишь въ томъ, чтобы склонить Короля на нашу сторону, а этотъ портретъ вѣрно не прельститъ его. Постарайтесь сдѣлать другой, гораздо красивѣе; мы покажемъ его Королю.“ — Признаюсь вамъ, я не могу рѣшиться. . . . — „Вашъ прекрасно! чего бояться?“ — Но Король увидитъ Елисавету; тогда. . . — „Онъ увидитъ Королеву и возьметъ свои мѣры. Впрочемъ, я все беру на себя.“ — Повинуюсь вашей волѣ; но съ обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ смѣю вамъ донести, что хитрость сія мнѣ не нравится. — „Вы всегда удивляли меня своимъ простодушіемъ.“ — Что дѣлать! вы

не исправите меня. — „Подумайте, если дѣло наше окончится съ успѣхомъ, то Епископская митра будетъ наградою за ваше усердіе. . .“ — Епископская митра! сохрани Боже! . . . Нѣтъ, милосивая государыня! уже годъ я добиваюсь получить себѣ священническое мѣсто въ деревнѣ; болѣе ничего не желаю. — „Я хочу, чтобы вы жили при мнѣ; особа, удостоенная моею довѣренностію, должна занимать степень блестящую. Оставьте мнѣ заботиться о вашемъ состояніи; этого опѣ меня требуетъ не только усердіе къ вамъ, но и самая приличности моего званія. Велице же списать портретъ; потомъ явишь у меня; я представлю васъ Государю.“

Альберони, вставивши въ табакерку наспоющій портретъ Елисаветы, черезъ нѣсколько дней показалъ его Принцессѣ, и спросилъ, довольна ли она симъ *подложнымъ* *личикомъ*. — „Очень довольна; отвѣчала Принцесса: — лицо прекрасное!“ — Но вымышленное — сказалъ Альберони, улыбаясь. — „Мнѣ этого — то и хотѣлось; сею дня ввечеру будьте у меня.“ — Король, бывъ уже предувѣдомленъ о достоинствахъ Аббата, сдѣлалъ ему два или три вопроса о Дворѣ Пармскомъ и о Елисаветѣ. — „У него есть прекрасной портретъ Елисаветы,“ сказала Принцесса съ

пришворнымъ простодушїемъ. Филиппъ захотѣлъ его видѣть и, разсмотрѣвши внимательно, спросилъ : „не польстилъ ли Живописецъ подлиннику?“ — Принцесса Урсинская съ улыбкою взглянула на Альберони, которой отвѣчалъ равнодушно : я не знатокъ ни въ красавицахъ, ни въ Живописи.

Принцесса наединѣ побранила Аббата, что онъ не умѣлъ воспользоваться симъ первымъ случаемъ и ничего не сказалъ въ похвалу Елисаветы. Альберони просилъ извинить въ немъ сію *недогадли-
вость*. — „Вы можете загладить эту ошибку — отвѣчала Принцесса : Король всегда будетъ говорить съ вами о Дворѣ Пармскомъ. Государи съ людьми мало знакомыми обыкновенно при всякомъ свиданїи говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ.“ — Хорошо ! стану выхвалять красоту Пармской Принцессы ; но когда Король увидитъ ее , то я пропалъ. — „Не бойтись ничего ; я увѣрю его, что она прекрасна ; онъ со мною долженъ будетъ согласишься, хотя бы и не нашелъ ее такою.“ — Хвалишь ли ея разумъ ? — „Не надобно ; это могло бы испортить наше дѣло. Государи не любятъ, когда хотятъ удивить ихъ превосходствомъ разума , которое приводитъ ихъ въ робость и поражаетъ своимъ блескомъ. Привыкнувъ съ

младенческаго возраста къ оказываемому почтенію, они не могутъ одобрять того, что не сообразно съ принятымъ о себѣ выгоднымъ мнѣніемъ. Государи любящъ умъ въ другихъ только въ такомъ случаѣ, когда онъ бываетъ прикрытъ легкомысліемъ или совершенною просотою.“

Такимъ образомъ Принцесса Урсинская наединѣ съ Аббатомъ тщеславилась своею остроумною полишикою. Она не подозрѣвала, что даетъ наставленія своему учителю.

Альберони опять былъ представленъ Филиппу; онъ говорилъ о Принцессѣ Пармской съ умѣренностію, безъ усиленныхъ похвалъ, но далъ достапочное понятіе объ ея достоинствахъ. Принцесса Урсинская, выбравъ удобный случай, еще болѣе разхвалила ихъ Филиппу. Король обрадовался, что Принцесса Урсинская оспавила прежнее свое намѣреніе, котораго онъ не могъ не замѣтить, и что избавился отъ труда выводить ее изъ заблужденія. Впрочемъ, онъ непремѣнно хотѣлъ жениться, и имѣлъ въ виду извѣстную невѣсту, но не открывалъ о томъ Принцессѣ Урсинской. Король съ холодностію выслушалъ ея слова, и не обнаружилъ опвращенія; а этого было довольно для Принцессы, ко-

порая не сомнѣвалась уже въ удачномъ успѣхѣ. Привыкнувши все дѣлать съ осмопришельносцію, она оспановилась на сей почкѣ, а между тѣмъ рѣшилась послать Аббата Альберони въ Парму для предварительнаго увѣдомленія Принцессы о томъ, что готовится для нее въ Мадридѣ. Альберони обѣщался всячески постараться представить Герцогу Пармскому и Елисаветѣ, съ какою ревностію Принцесса Урсинская печется объ ихъ выгодахъ. — Принцесса написала письмо о семъ важномъ дѣлѣ на имя Альберони, и велѣла показать его Елисаветѣ; въ немъ было изъявлено желаніе, чтобы Елисавета сама описала къ Принцессѣ Урсинской, благодарила бы ее за участіе, и обѣщала бы ей свою дружбу. „Вы непременно должны — продолжала Принцесса — уговорить ее, чтобы она сдѣлала это; иначе, я не возьму на себя труда склонять Короля на сіе бракосочетаніе; онъ можетъ найти для себя невѣсту съ большими выгодами.

Хотя грамота на довѣренность, которую столь сильно хотѣла получить Принцесса Урсинская, не могла быть вѣрною порукою на будущее время; но честолюбіе, подобно всѣмъ другимъ страстямъ, полагаетъ надежду свою на мечпы, когда не

имѣетъ другой опоры. Альберони обѣщался все исполнить и отправился въ дорогу. По прибытіи въ Парму, онъ разсказалъ Елисаветѣ о всѣхъ обстоятельствѣхъ, и не скрылъ отъ нее умысловъ Принцессы Урсинской. Аббатъ имѣлъ къ тому причины: онъ зналъ, что здѣсь много можетъ выиграть своею искренностію, и что весь успѣхъ зависитъ отъ его усердія. Принцесса улыбалась, слушая Аббата; но когда дошло дѣло до письма, приняла на себя важной видъ и сказала: „Не уже ли думаете, что я напишу такое письмо къ женщинѣ, которой свойства вы теперь только мнѣ изобразили?“ Сей вопросъ привелъ въ замѣшательство Аббата; онъ думалъ, что бракосочетаніе не исполнится, если Принцесса будетъ упорствовать; употребилъ всѣ хитрости ума своего, чтобы склонить ее на свое предложеніе, и даже объявилъ ей, что если Принцесса Урсинская не получитъ желаемого письма, то перестанетъ стараться о супружествѣ, и Король женился на другой невѣстѣ. „Развѣ она имѣетъ большую власть надъ умомъ Государя?“ спросила Принцесса. — Безпредѣльную, отвѣчалъ Альберони. — „Очень жаль, что Государь, ошличившійся споль знаменитыми подвигами, Герой дозволяетъ управлять собою коварной жен-

щинѣ!... Понимаю всю важность такого союза, и признаюсь, что предпочла бы его всякому другому.“ — Если такъ, по напишите нѣсколько спрочекъ къ Урсинской Принцессѣ, и не сомнѣвайтесь, что непременно получите престолъ Испанской. — „За эту цѣну не хочу Испанскаго престола — прервала Елисавета; не могу обѣщать довѣренности моей и дружбы такой женщинѣ, которую презираю; не хочу подлымъ поступкомъ пріобрѣсти корону: перестанемъ говорить объ этомъ.“

Альберони, будучи въ крайнемъ смятеніи, не смѣлъ болѣе настаивать, и удался съ крайнею досадою. Ему казалось, что Принцесса упрямится безъ причины; онъ не видѣлъ возвышенности въ образѣ ея мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, какой честолюбецъ можетъ удивляться добродѣтели, когда она разрушаетъ его планы и опровергаетъ его надежды? Альберони, запершись въ своемъ кабинетѣ, выдумывалъ, какимъ образомъ поправить сіе дѣло. Онъ зналъ, что если Королевская любимица не получитъ отъ Елисаветы увѣреній въ признательности, то должна будетъ заключить, что не легко управлять молодою Принцессою. Проницательный Альберони по сему догадался и о прочемъ; видѣлъ самъ, что погибнетъ, если не выпутается. Наконецъ,

собравъ все силы изобрѣтательнаго ума своего, попалъ на одну мысль, впрочемъ довольно запруднительную; остановился на ней, какъ на единственномъ способѣ поправить разсвоенный планъ свой.

Надобно знать, что Принцесса Урсинская, говоря о письмѣ, сама сочинила его, и согласилась съ Аббапомъ, чтобы Елисавета написала по собственнымъ словамъ его, ничего не перемѣняя. Когда Альберони уѣхалъ изъ Мадрида, Принцесса дала ему одного изъ своихъ слугъ, и приказала немедленно отправить его назадъ съ письмомъ Елисаветы. Альберони велѣлъ слугѣ излопотвиться къ конюшдѣ. Спустя попомѣ два дни, отдалъ ему большой запечатанной пакетъ — въ копоромъ ничего не было, кромѣ бѣлой бумаги — съ надписью на имя Принцессы Урсинской, и велѣлъ отправить въ Мадридъ, упомянувъ, будто ненарочно, что самъ на другой день предпринимаеиъ путь въ Тоскану, свое отечество. Посланной уѣхалъ. Альберони въ слѣдъ за нимъ послалъ прехъ подкупленныхъ удалцовъ, которые на третій день догнали его, остановили, ограбили и скрылись. Аббапъ зналъ, что слуга имѣлъ при себѣ деньги на поясѣ: подъ рубашкою; воры, по данному имъ приказу, не пронувши денегъ, ошмяли шолько па-

кетъ, часы и платье. Гонецъ, оставшись
 на дорогѣ въ одной рубашкѣ, весьма радъ
 былъ, что уцѣлѣли деньги. Онъ слышалъ,
 что Аббатъ хотѣлъ уѣхать изъ Пармы,
 и не почелъ нужнымъ возвращаться на-
 задъ, но купивъ для себя въ ближней де-
 ревнѣ крестьянское платье, поѣхалъ въ
 Испанію. Аббатъ, на третій день по
 отправленіи гонца, будто воспользовавшись
 случаемъ, написалъ письмо къ Урсинской
 Принцессѣ; увѣдомилъ ее, что посланный
 съ *известными* бумагами уже три дни
 находится въ дорогѣ; что *известная* особа
 писала письмо съ радостію; что сія особа
 исполнена благодарности; что при
 первомъ свиданіи бросится въ объятія Прин-
 цессы Урсинской, и прольетъ обильныя
 токи слезъ. Принцесса получила письмо сіе
 въ самой той день, когда посланной прі-
 ѣхалъ въ Мадридъ. Какая несносная досада,
 что воры лишили ее письма Елисаветина!
 Принцесса, желая дать знать Елисаветъ,
 что свидѣтельство ея благодарности до-
 шло до рукъ ея, выдумала такой способъ,
 котораго Аббатъ совсѣмъ не могъ предви-
 дѣть; она притворилась, будто письмо
 получено исправно, и слѣдственно запре-
 щала слугѣ разглашать о разбойникахъ.
 Рѣшившись на это, Принцесса Урсинская
 опять завела рѣчь съ Королемъ объ Ели-

советъ, и говорила съ великимъ жаромъ въ
 ея пользу. Но что должна была она почув-
 ствовать, когда Король объявилъ, что
 думаешь совсѣмъ о другой невѣстѣ, и что
 переговоры о бракосочетаніи скоро будутъ
 окончаны! „Какъ! безъ моего вѣдома?“
 вскричала Принцесса. За симъ восклицаніемъ
 послѣдовали горькія жалобы и укоризны,
 за жалобами — слезы. Разпроганный и
 приведенный въ замѣшательство Филиппъ
 винилъ во всемъ своего Министра, который
 велъ тайные переговоры о бракѣ. Принцесса
 напомнила о множествѣ дурныхъ поступ-
 ковъ сего Министра. Филиппъ, чтобы
 помириться съ любимицею, во всемъ ей
 повѣрилъ, обѣщавшись отставить Министра
 и жениться на Елисаветѣ. Принцесса пре-
 бовала, чтобы это было исполнено какъ
 можно скорѣе; немедленно отправленъ въ
 Парму Посланникъ съ письмами отъ
 Короля и отъ Принцессы Урсинской.
 Альберони не могъ безъ крайняго удивле-
 нія читать письмо отъ Принцессы, въ
 которомъ она увѣдомляла, что посланной
 благополучно доѣхалъ до Мадрида, и что
 она исправно получила *пріятнѣйшее письмо*
 Елисаветы. Надобно знать, что Урсинская
 Принцесса, изъ предосторожности, весьма
 обыкновенной между придворными друзь-
 ями, почла нужнымъ обмануть самаго
 Альберони.

Хотя Принцесса и условилась съ Аббатомъ, что письма свои къ Елисаветѣ будетъ пересылать черезъ его руки; однакожь въ семъ случаѣ тщеславіе — которое не чуждо и первокласснымъ честолюбцамъ — заставило ее отдать письмо Посланнику въ присутствіи множества постороннихъ, давъ знать при томъ, что это *ответъ Пармской Принцессы*. Кроме того, она открыла тайну свою пяти или шести пріятелямъ.

Елисавета съ своей стороны весьма удивилась, прочитавъ письмо, въ которомъ Принцесса Урсинская изъясляетъ ей свою благодарность. Она послала за Аббатомъ, и встрѣтила его самымъ строгимъ образомъ, сказавъ: „Что это значитъ, Господинъ Альберони? не вы ли обмѣлились писать отъ меня къ Урсинской Принцессѣ? она благодаритъ за *ласковое письмо*, которое отъ меня будто бы получила!“ — Совсѣмъ нѣтъ, милосердная Государыня! — отвѣчалъ Альберони: я дозволилъ себѣ употребить хитрость, а Принцесса Урсинская дозволяетъ себѣ выдумывать, чего не было. — Аббатъ рассказалъ все дѣло. После этого не трудно было отгадать, что заставило Принцессу Урсинскую рѣшиться на сей поступокъ. — „Я прощаю васъ, Альберони — сказала Принцесса

улыбаясь, — и не забуду, что безъ васъ я не получила бы Испанской короны: однако жъ вы слишкомъ отважны; вы могли бы потерять очень много.“ — Нѣтъ, милостивая Государыня! я не сомнѣвался въ успѣхѣ. У меня было на умѣ во всемъ передъ вами признаюсь, когда вы сдѣлаешесъ Королевою; я предварительно полагалъ надежду на доброту сердца, которое шеперь извиняетъ безразсудное мое усердіе. И такъ, чего мнѣ бояшся, жопя бы вы и захошѣли вывести изъ заблужденія Принцессу Урсинскую? — „О! конечно выведу; она не должна думать, чтобы я имѣла поспыдную слабость *слисывать* письмо, ею сочиненное. — Однакожъ лучше поступить осторожно; Король такъ уважаетъ ее...“ — Что нужды! узелъ, связанный привычкою, надобно разрывать, а не развязывать.

Этотъ отвѣтъ привелъ въ ужасъ Аббата. Коварные люди обыкновенно любятъ откладывать до удобнѣйшаго случая; они бываюиъ отважны, когда употребляютъ хитрость и когда наспоитъ нужда; не смотря на то, открытая сила всегда для нихъ страшна.

Договорныя статьи о бракѣ Елисаветы были сочинены и подписаны. Посланникъ Испанскій обвинчался на Принцессѣ.

представляя лице Короля, своего Государя; новая Королева, не откладывая времени, отправилась в Испанию, а в слѣдъ за нею и Аббатъ Альберони. Филиппъ, узнавъ, что Елисавета находится в дорогѣ, поѣхалъ къ ней на встрѣчу вмѣстѣ съ Принцессою Урсинскою и съ многочисленною свитою; онъ рѣшился ожидать ее в Гвадаласарѣ. Принцесса Урсинская, нетерпѣливо желая пользоваться благосклонностію новой Королевы, поѣхала еще далѣе. Филиппъ послалъ съ нею къ Королевѣ письмо, в которомъ ничего другаго не содержалось, кромѣ похвалъ на счетъ вручительницы. Принцесса передъ отъѣздомъ своимъ долго разговаривала съ Государемъ, и получила новые знаки особливой его милости. Чтобъ утвердиться еще болѣе на блестящей степени любимицы Короля и Королевы, Принцесса отправилась в Шадракъ, и взяла съ собою многихъ Придворныхъ, желая имѣть ихъ свидѣтелями прѣема, которой надѣялась получить отъ Королевы. Она полагала, что молодая, робкая, признашельная Государыня при первомъ свиданіи бросится въ ее объятія, и спанетъ просить ея наставленій для будущаго своего поведенія. Принцесса заблаговременно уже придумала, какіе подать совѣты Государынѣ; надѣя-

лась очернить предъ нею всѣхъ своихъ непріятелей, и изходатайствовать милостивое расположеніе къ своимъ друзьямъ и поклонникамъ. Такими и подобными мыслями пѣшилась Принцесса. Не лъзя всего описатьъ, что она себѣ обѣщала. Кто не имѣлъ случая дѣлать наблюденій надъ сердцемъ придворнаго честолюбца, шотѣ не въ состояніи себѣ представить, какимъ образомъ женщина умная въ предданіи лѣшѣ, управлявшая великимъ Королевствомъ споль долгое время, можетъ быти способною къ такому ребячеству.

По прибытіи въ Шадракъ, Принцесса Урсинская съ удовольствіемъ узнала, что Королева пріѣхала туда не задолго передъ нею. Немедленно со всею свитою она отправилась въ домъ, гдѣ основилась Елисавета; входящѣ въ комнаты со всею пышностію; докладывающѣ Королевѣ. Между тѣмъ Принцесса Урсинская вынимаетъ изъ кармана письмо отъ Филиппа и въ полголоса увѣряетъ окружающихъ, что въ семъ письмѣ *нигего не пропущено*, то есть, что она не только читала его, но даже сама сочиняла. Отворяющѣ двери и просящѣ все собраніе идти къ Королевѣ. Принцессѣ безъ сомнѣнія не побился бы никакой прѣемъ, если бы ей не пришло въ голову, что Королева хочетъ шор-

жеспвенно изъявишь ей первые знака своего опличнаго благоволенія. Будучи въ сихъ мысляхъ, она поспѣшно двинулась впередъ, а за нею вся свита. Королева приняла ихъ споя противъ дверей на другомъ концѣ комнаты. Принцесса крайне изумилась, увидя прелестной видъ ея, величественной санъ и благородную гордость, написанную на лицѣ ея. Королева, не прѣгаясь съ мѣста и не перемѣняя важнаго вида, на поклоны Принцессы Урсинской отвѣчала легкимъ движеніемъ головы. Принцесса, будучи въ крайнемъ замѣшательствѣ, терзаясь отъ досады и негодованія, съ трепетомъ подходитъ ближе, снимаетъ перчатку, дрожащею рукою подаетъ письмо отъ Филиппа, и произноситъ нѣсколько словъ несвязныхъ. Королева начинаетъ разговоръ слѣдующими словами: „Намъ надобно изъясниться съ вами, сударыня! Говорятъ, будто вы утверждаете, что получили отъ меня какое-то письмо; а я увѣряю васъ, что никогда къ вамъ не писала.“ — Такое непріятное начало заставило блѣднѣть и краснѣть Принцессу; наконецъ, собравшись съ силами, она отвѣчала: „если Ваше Величество не изволили писать ко мнѣ, то Аббатъ Альберони бездѣльникъ...“ — Дѣло идетъ не объ Аббатѣ; — прервала

Королева: — но о помѣ, чіо можеть объяснитья двумя словами. Говорилиль вы, сударыня! чіо получили опѣ меня письмо? Подумайте, прежде нежели спанете отвѣчать, и знайте, чіо мнѣ все извѣстно, слѣдственно и то, чіо вы не могли получить *подложного письма*. — Принцесса, вышедѣ изъ себя, вскричала: „пустѣ Король будеть моимѣ судьей; онѣ одинѣ можеть меня спрашивать; ему одному отвѣчать буду.“ — Какѣ! — сказала Королева — вы смѣете выѣшивать сюда Короля, и мнѣ угрожать! Я должна вступишья за честь его и моего характера; удалишесь, и никогда на глаза ко мнѣ не являйтесь. — Лишь только произнесла Королева сіи слова, Принцесса Урсинская, задыхаясь опѣ бѣшенства, вышла съ поспѣшностію, вѣ намѣреніи потчасѣ ѣхать вѣ Гвадалахару, и увѣдомить Короля о семѣ спраннымѣ приключеніи; но чіо она должна была почувствовать, когда, идучи черезѣ караульную залу, указали ей, чіо по приказанію Королевы она находится подѣ стражею. . . . — „Какѣ! вскричала Принцесса. — посягаютъ на мою свободу! . . .“ — Нѣтъ, сударыня! — отвѣчали ей — пожалуйте только съ нами. — „Куда?“ — За границу. — „За границу Испаніи?“ — Точно такѣ, сударыня! —

Споль самовласной поступокъ юной Государыни, коюрая не успѣла еще увидѣться съ Королемъ, своимъ супругомъ, показался высокомерной Принцессѣ Урсинской самымъ безразсуднымъ; она была увѣрена, что Король навсегда поссорится съ Елисаветою, и сія мысль ободрила Принцессу. — „Хорошо! — сказала она съ улыбкою негодованія — я готова ѣхать; однакожъ думаю, что это сдѣлано слишкомъ поспѣшно. . .“ —

Ее посадили въ карету, шестью лошадьми запряженную, выпроводили подъ прикрытіемъ спражи въ небольшой городокъ Французскій, за милю отъ границы, и объявили ей повелѣніе Королевы никогда не вѣзжать въ Испанію. Лошадей и карету оставили къ ея услугамъ; она приняла то и другое; но деньги, коюрыя Королева приказала вручить ей, отослала обратно. Принцессѣ было сказано, что все ея имѣніе и пансіоны остаются по прежнему въ ея распоряженіи, и что сама-Королева беретъ на себя имѣть попеченіе объ исполненіи сего обѣщанія. Принцесса отвѣчала насмѣшками и негодованіемъ. Избавившись отъ своихъ спутниковъ, она тотчасъ принялась писать къ Государю; облегчила сердце свое излитіемъ на бумагу всей желчи и гнѣва;

которыми пылала противъ Королевы и противъ коварнаго Аббата ; описала самыми черными красками , такъ ею называемую , неблагодарность Королевы и вѣроломство Альберони ; наконецъ ничего не пропустила для увѣренія Филиппа , что столь дерзновенной поступокъ Королевы есть не иное что , какъ непрощительное преступленіе противу власни супруга и Государя . Написавши письмо , Принцесса прочитала его нѣсколько разъ сряду и нашла столь сильнымъ , столь убѣдительнымъ , столь спрашнымъ для Королевы и Альберони , что никакъ не сомнѣвалась въ полученіи скораго удовлетворенія , а особливо приводя себѣ на память послѣдній разговоръ съ Филиппомъ . Письмо послано съ нарочнымъ , но Королева успѣла прѣхватъ прежде , потому что , выпроводивъ Принцессу изъ Шадрака , немедленно отправилась въ Гвадалашару . Елизавета знала , какъ нужно увидѣться съ Филиппомъ , прежде нежели онъ получитъ извѣстіе объ изгнаніи Принцессы Урениской — знала , и оставивъ назади изумленныхъ Придворныхъ , со свитою своею на перемѣнныхъ лошадахъ поспѣшно отправилась въ Гвадалашару , куда и прибыла въ томъ же вечерѣ . Филиппъ пораженъ былъ ея красотою и прелестями ; а Королева, пол-

зуюсь случаемъ благопріятнаго расположе-
 нія, шотчасъ разсказала ему обо всемъ
 случившемся; увѣряла въ своей предан-
 ности и покорности волѣ Государя, и
 прибавила, что самое почтеніе къ его
 особѣ заспавило ее рѣшиться на сей по-
 сипупокъ, потому что Принцесса Урсин-
 ская вышла изъ себя, и явно угрожала
 ей именемъ Государя... — „Вѣрно —
 перервалъ Король — Принцесса Урсинская
 пошеряла весь умъ; я одобряю вашъ
 посипупокъ.“ — Таково было первое дви-
 женіе Филиппа, когда онъ узналъ о
 приключеніи, которое навсегда лишило
 его любимицы, управлявшей имъ за день
 передъ тѣмъ съ неограниченною власпію.

Посланной опъ Принцессы Урсинской
 пріѣхалъ на другой день. Король, безъ
 вниманія просмотрѣвъ письмо, изорвалъ
 его, не отвѣчалъ ни слова, и поручилъ
 одному изъ Придворныхъ доставить Прин-
 цессѣ за Королевскимъ подписаніемъ повелѣ-
 ніе никогда не вѣзжашъ въ Испанію.
 Что должна была чувствовать Принцесса,
 читая письмо, и смотря на подпись!...
 всякой легко отгадаетъ это, но никто
 не будетъ тронуть ея состояніемъ. Гореспъ
 честолюбцевъ ни въ комъ не возбуждаетъ
 соспрадапельности, потому что самая
 гореспъ ихъ распворена бываетъ досадою

и злопамятствомъ. Но что было бы съ Урсинскою Принцессою, если бь она любила того, кто поступилъ съ нею такъ жестоко?

Жанлисъ.

II.

О причинахъ низложенія Никона, Московского Патріарха.

(Продолженіе.)

Никонъ, славнѣйшій въ Россійской Истории — послѣ Филарета Никипича — Патріархъ, родился въ 1605мъ (*) году въ Маѣ мѣсяцѣ, отъ поселянина, въ окрестностяхъ Нижняго Новагорода. Его называли при крещеніи Никитою. Научившись въ малолѣтствѣ грамотѣ, онъ ушелъ изъ дому родительскаго, и провелъ нѣскольکو лѣтъ въ монастырѣ Св. Макарія Желтоводскаго, гдѣ съ особливимъ прилѣжаніемъ

(*) Къ ошибкѣ Миллера, Левека и другихъ, которые назначаютъ рожденіе Никона въ 1613мъ году, вѣроятно подало поводъ сходство въ цифрахъ. Никонъ родился въ 7113мъ году отъ сотворенія міра, слѣдственно по нашему лѣтосчисленію въ 1605мъ.

занимался изученіемъ Священнаго Писанія. По неопсптупной прозббѣ родспвенниковъ, возврапьясь въ домъ, онъ не могъ уже изпребитъ въ сердцѣ своемъ привязанности къ жизни монашеской. Послѣ смерти отца своего, Никонъ рѣшился - было оставитъ мїрскую жизнь, и снова предаться любимому уединенію; но склонясь на прозбы и совѣты родспвенниковъ, сочепался, бракомъ съ предложенною невѣстою. Скоро попомъ опредѣлился въ причепники къ церкви, и получилъ санъ Терейскій.

Трое дѣшей, родившихся отъ сего супружества, скончались во младенчествѣ. Можеть быть, потеря столь чувствительная для сердца родительскаго, или отдаленные виды чесплюбія, или безпокойной, ничѣмъ недовольной характеръ, или отвращеніе отъ суепы и непосноянства мїра — пробудили въ Никонѣ склонность къ уединенію. Съ нѣкопорого времени онъ переселился уже въ Москву; здѣсь посшарался уговоритъ жену свою къ разводу; проживъ съ нею десять лѣтъ въ супружескомъ союзѣ. Мѣсто ея пребыванія назначено въ Алексіевскомъ монастырѣ, въ копоромъ она, спустя нѣсколько времени, и посшриглась.

Никонъ, разторгнувъ связи свои съ мїромъ, удалился въ Анзерской Скипъ;

находящійся на островѣ Бѣлаго Моря въ Архангелогородской Губерніи. Сей монастырь — если только можно назвать монастыремъ разбросанныя въ дальнемъ отъ церкви разстояніи хижины — не обнесенъ оградою; море служило ему вмѣсто ограды. На островѣ считалось двенадцать келій, въ разстояніи одна отъ другой около двухъ верстѣ. Монахи видѣлись другъ съ другомъ только во время церковнаго Богослуженія; всѣ они питались отъ подаенія хлѣбомъ и рыбою, копорыя съ твердой земли присылали къ нимъ, или рыбаки привозили. Церковь находилась на самой срединѣ острова въ равномъ разстояніи отъ каждой кельи. Монахи въ субботніе дни и въ навечерія праздниковъ собирались въ церковь, провождали въ ней цѣлыя ночи и до половины слѣдующаго дня, потомъ опять уходили въ свои безмолвныя жилища. Сполъ строга я жизнь — удобная однихъ устрашить, въ другихъ разгорячить пылкое воображеніе — понравилась новому опшнелънику. Онъ поспригся и нареченъ Никономъ.

Монастырская церковь была деревянная. Люди, опрекшись суешной пышности міра, но крайней мѣрѣ хотѣли украшать храмы въ честь Того, чей храмъ есть — вся вселенная. Монахи Анзерскаго

Скипша чувствововали сіе побужденіе. Они отпра-
правили въ Москву Начальника своего Елі-
азара вмѣстѣ съ Никономъ для собранія
денегъ на построеніе каменной церкви (*).
Духъ господствованія не всегда побѣж-
дается благочестіемъ; подъ покровомъ на-
божности, онъ часто пріобрѣтаетъ новыя
силы. Никонъ, возвращаясь въ Скипъ, по-
ссорился съ Начальникомъ, и принужденъ
былъ для себя искать другаго убѣжища.
Тогда монашесквующіе могли еще пере-
ходить изъ монастыря въ монастырь по
своей волѣ, могли жить гдѣ хотѣли и пока
хотѣли. Никонъ пустился въ открытое
море на лодкѣ, управляемой однимъ чело-
вѣкомъ, и по пренерпѣннн многихъ опас-
ностей отъ бури, присталъ прошивъ
устья Онеги къ острову Кій. Тамъ, на
память своего избавленія, онъ водрузилъ
деревянный крестъ, и послѣ, бывъ уже
Папріархомъ, создалъ монастырь, копорой
и е перъ называется Крестнымъ.

(*) Деньги были собраны и долго хранились
въ ризницѣ; но каменная церковь постро-
ена черезъ сто лѣтъ, въ 1744мъ году
на сумму, пожалованную отъ Императрицы
АННЫ ІОАННОВНЫ и Царевны Маріи Алѣ-
ксіевны.

Никонъ пришелъ въ Кожеозерскую Пустыню. Тамъ, будучи принявъ въ число братій, началъ жить по правиламъ Анзерскаго Скипа, удалился на ближайшій островъ, построилъ себѣ келію, питался рыбою, которую самъ ловилъ, ходилъ въ монастырь только для отправленія или слушанія Божіей службы, и проводилъ все прочее время въ безмолвномъ уединеніи. Такая строгая жизнь обратила на себя вниманіе монаховъ, которые послѣ смерти Игумена единодушно выбрали на его мѣсто Никона. Новгородскій Митрополитъ Афоній посвятилъ его въ сіе достоинство. Черезъ три года по прибытіи Никона въ Кожеозерскую пустыню, дѣла монастырскія заставили его отправиться въ Столицу. Тутъ сдѣлавшись извѣстнымъ Царю Алексію Михайловичу, Никонъ посвященъ былъ Архимандритомъ въ Монастырь Новоспасскій. Съ сего времени начинается политическая жизнь Никона, которой по особой милости Государевой въ 1649мъ году произведенъ Митрополитомъ въ Новгородъ, а въ 1652мъ возведенъ на Патриаршій престолъ Всероссійскій.

Цѣлые десять лѣтъ Никонъ трудился неутомимо для блага Церкви и Отечества, для пользы Монарха, для славы своего имени. Можетъ быть, съ меньшею

пылкостию , съ большимъ постоянствомъ ,
 Никонъ дѣйствовалъ бы умереннѣе , и въ
 самую пору доспигъ бы блестящей своей
 цѣли; можешь быть, онъ очень скоро полу-
 чилъ *все* , чего ищетъ честолюбіе самое не-
 насыпное. Человѣкъ безпреспанно *желаетъ*.
 Горе тому, кто въ умѣ своемъ заблаговре-
 менно не сберегъ предметовъ , для удовле-
 творенія будущихъ желаній сердца. . . .
 Посмотримъ на дѣла Никона , любимца и
 друга Государева , прежде нежели обра-
 тимъ вниманіе на поведеніе Первосвящен-
 ника высокоумнаго , причинившаго Благо-
 дѣтелю своему неслыханныя огорченія.

Никонъ отъ природы былъ одаренъ
 прѣгающимъ краснорѣчіемъ. Его дарованія
 и добродѣтели столько понравились Госу-
 дарю , что Онъ приказалъ Никону , быв-
 шему еще Архимандритомъ , прѣзжать
 къ Себѣ во Дворецъ къ заупренѣ каждую
 пятницу. Никонъ воспользовался отлич-
 ною милостию Царскою для защиты вдовъ,
 сиротъ и припѣснемыхъ. Ему поручена
 была должность — пріятная сердцу доб-
 раго Государя и добраго любимца — прини-
 мать прошенія отъ бѣдныхъ и угнетае-
 мыхъ , и докладывать о нихъ Государю.
 Человѣколюбивый Монархъ , по окончаніи
 заупрени , не выходя изъ церкви , выслу-
 шивалъ челобитныя , приказывалъ ~~над-~~

иссывать свои Царскіе Указы и для исполненія отдавалъ Архимандриту Никону.

Суровой характеръ не препяшпвовалъ ему бытъ сострадашельнымъ. Управляя Митрополіею Новгородскою, по случаю неурожая въ хлѣбѣ, онъ питалъ неимущихъ гражданъ ежедневно по двѣсипи, по триста человекъ и болѣе; каждой день раздавалъ милоспыню деньгами и хлѣбомъ; поспроилъ чепыре дома для спраннопріимства вдовъ, сиротъ и преспарѣлыхъ; посѣщалъ шемницы и богадѣльни, освобождалъ невинныхъ, утѣшалъ преступниковъ и прощалъ вины ихъ, если онѣ могли бытъ прощаемы безъ нарушенія общественнаго порядка. Дѣвѣренность Царская къ Митрополиту Никону, казалось, выходила изъ предѣловъ. Ему поручено было имѣть смотрѣніе за градоправителемъ и судьями, входить въ производсво судебныхъ дѣлъ, и обо всемъ доносить Государю. Никонъ пріѣзжалъ въ Столицу каждую зиму для свиданія съ Царемъ, которой чрезвычайно любилъ слушать его краснорѣчивую бесѣду. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ жишели Новагорода спекались внимать сладкому, убѣждающему его поученію, которымъ — говорилъ описатель Никоновой жизни — какъ огнемъ онъ разпалалъ сердца слушапелей. — Онъ первой

ввелъ въ Россіи доброгласное партесное пѣніе, взявъ примѣръ съ Кіевскаго, и учредилъ порядокъ чтенія (*) по древнему церковному уставу. Папріарху Іосифу не нравились вводимыя перемѣны; но Никонъ уже не боялся Папріарха, и всякой разъ, пріѣхавши въ Москву, служилъ въ придворной церкви съ новыми своими пѣвчими и по новому порядку чтенія въ присутствіи Государя, которой находилъ удовольствіе слушать партесную музыку, и одобрялъ полезную перемѣну въ ошправленіи Богослуженія.

Подвигъ Никоновъ во время народнаго смятенія въ Новгородѣ, подвигъ самый лучшій въ его жизни, сіяетъ въ Исторіи не менѣе ходатайства Флавіанова за возмупившихся жителей Антіохіи. Мятежъ, укрощенный въ Сполитѣ, оказался въ провинціяхъ. Народъ стоналъ подъ бременемъ податей, поборовъ и исключительной тор-

(*) По вкравшемуся злоупотребленію, два или три чтеца для поспѣшности читали въ одно время, одинъ на примѣръ Псалмы Давидовы, другой Тропари и проч. Митрополитъ Никонъ, съ дозволенія Государя, установилъ порядокъ въ чтеніи, желая, чтобы каждой могъ слышать и понимать Божіе слово.

гоели въ пользу боярина Морозова. Имя сего вельможи сдѣлалось ненавистнымъ для гражданъ. Моженъ быше, спокойствіе не было бы нарушено, если бы коварный Волкъ, купецъ Новгородскій, не посѣялъ вражды въ народѣ. Онъ постарался пріобрѣсши довѣренность торгующихъ Нѣмцовъ, и открылъ главнѣйшимъ изъ нихъ за тайну, что имъ всѣмъ угрожаешъ крайняя опасность; что граждане почитаютъ ихъ сообщниками въ монополіи Морозова; что положено непременно всѣхъ ихъ перебить, а имѣнія разграбить, и что наконецъ остающаискапъ спасенія въ бѣгствѣ. Нѣмцы не могли не повѣрить словамъ Волка; они знали, что пламя возмущенія гошова было вспыхнуло въ народѣ; знали, что доспашочные люди, иностранцы и ихъ имѣнія весьма часто въ подобныхъ случаяхъ бывають жертвою неистовства мяшежниковъ — и съ великою поспѣшностію ночью уѣхали изъ города, забравши съ собою деньги свои и товары. Волку это было и надобно: онъ разгласилъ въ народѣ, что Нѣмцы, сообщники Морозова, жили въ Новгородѣ по его препорученіямъ; что нынѣ для безопасности ѣдутъ они за границу съ его сокровищами, незаконно пріобрѣтенными; что Морозовъ и Нѣмцы измѣнили Царю и Госу-

дарснву, и что долгъ требуетъ догнапъ клеверповъ предательства, опняпъ у нихъ сокровища и наказатъ преснупниковъ. Ярснный народъ пуспнлся въ погоню, настнпъ Нѣмцовъ, бнлъ ихъ безъ милосердія и разграбнлъ нмѣннѣя. Несчаснныя бѣглецы лншнлись бы жнзни, еслн бы нѣкоторыя почешнѣншіе купцы Новгородскіе не убѣднлн мяпежныхъ согражданъ своихъ опложнть казнъ до другаго времени, а между тѣмъ узнать опъ виновныхъ объ ихъ сообщннкахъ и о всѣхъ обспояпельснвахъ нзмѣны; потомъ уже всѣхъ предасть строгоспн законовъ. Народъ послушался совѣта, и посаднлъ въ пюрему нностранцевъ. Что потомъ сдѣлалось съ спнми послѣдннми, Испорія не обьявляешъ.

Это было полько поводомъ къ возмущенію. Оспервеннвшіеся мяпежннкн вездѣ видѣлн сообщннковъ Морозова, а особливо казалнсь нмъ такими люди богатые и чнновныя; сіе подозрѣннѣ нравилось нмъ по тому болѣе, что служнло предлогомъ къ грабншельспву. Спрѣльцы и Козакн, соединясь съ народомъ, обспупнлн домъ Боярнна и Воеводы Кнзя Федора Андресвнча Хнлкова; крнчали, что онъ и всѣ чнновннкн, участвуя въ нзмѣнѣ Морозова, по согласію съ ннмъ оппускающъ за границу хлѣбъ, мясо и рыбу, и нѣмъ ~~возвнша-~~

юпѣ цѣны на сѣбѣспные припасы; слѣд-
 ственно всѣ достойны смертной казни.
 Устрашенный Воевода по городской стѣнѣ
 пробрался въ домъ Митрополипа Никона,
 копорой, скрывъ Князя во внутреннихъ
 своихъ комнапахъ, приказываетъ крѣпко
 запереть ворота Архїерейскаго дома. Мя-
 тежники бьютъ въ набатъ, окружаютъ
 домъ Митрополипа, выламываютъ ворота,
 допрашиваютъ служителей, желая знать,
 гдѣ спряпался Воевода, и пребуотъ его
 выдачи. Неустрашимый Никонъ при-
 нимаетъ намѣреніе положить животъ свой
 за благо народа. Онъ выходитъ изъ чер-
 шоговъ и съ Ангельскою кропоепїю гово-
 рипѣ къ мяшежникамъ: „Любезные дѣти!
 за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? я
 всегда былъ съ вами; нынѣ стою передъ
 вами и не скрываюсь. Я пастырь вашъ и
 готовъ положить за васъ мою душу.“ Ос-
 тервенившійся народъ закричалъ въ одинъ
 голосъ: „онъ измѣнникъ! онъ защищаетъ
 измѣнниковъ!“ и съ звѣрскою люпоспїю
 бросясь на Первосвященника, началъ битъ
 его дубемъ и каменьями. Никонъ поте-
 рялъ бы жизнь при семъ несчастномъ слу-
 чаѣ, если бы самые убійцы, сжалившись
 надъ невиннымъ спрадальцемъ и вспомнивъ
 его благодѣянїя, не отвратили смертель-
 ныхъ ударовъ. Мятежники, почипая мерш-

вымъ Никона, ужаснулись, и съ отчаяніемъ въ душѣ, съ мученіемъ въ совѣснѣ разошлись по домамъ своимъ.

Дворовые служители опнесли въ келію Никона, почти бездыханнаго. Не смопрѣ на крайнюю слабость свою, онъ, пришедъ въ чувство, ни о чемъ иномъ не помышлялъ, какъ о усмиреніи обуявшаго народа, о возстановленіи порядка и объ избавленіи невинныхъ людей отъ напрасной гибели: собралъ Духовенство, исповѣдался, ошслужилъ обѣдню, и такимъ образомъ приготоуясь ко смерти, велѣлъ везти себя на саняхъ къ Избамъ земской и таможенной, въ которыхъ находились мяшежники. Приказавъ себя поднятъ и собравшись съ силами, онъ возгласилъ: „Дѣти! я говорилъ вамъ правду; нынѣ повпоряю оную тѣмъ небоязненнымъ, что по долгу Хриспїянскому сподобился приготоувиться ко смерти. Какъ Пастырь, я пришелъ спасти васъ отъ духа вражды и несогласій. Успокойтесь и лишите меня жизни, если знаете за мною вину противъ Царя и Опечества!“ Сонмище мяшежниковъ онѣмѣло. Дерзновенные отъ спраха и стыда не смѣли возвести взоровъ на Первосвященника, и мало помалу разошлись. Мипрополитъ поѣхалъ въ Соборную церковь, и тамъ въ присуствіи многочисленнаго народа предалъ проклятїю

начальниковъ возмущенія. Мятежники ужаснулись и въ отчаяніи своемъ рѣшились отдать городъ во владѣніе Швеціи или Польшѣ, послали Воеводою надъ собою, содержавшагося въ пюръмѣ служилеля Архіерейскаго дома, по имени Жеглова, и учредили по дорогамъ стражи, чшобы пресѣчь сообщеніе съ Москвою. Никонъ отправилъ къ Государю донесеніе съ нарочнымъ человекомъ, копорому тайными путями удалось пробраться до Столицы.

Между тѣмъ неисповсво мятежниковъ мало помалу утихало. Ежедневно приходили къ Митрополиту толпы сихъ несчастныхъ и просили его объ изходатайствованіи милости Царской. Когда умы были въ такомъ разположеніи, посланный, возвратясь въ Новгородъ, привезъ отъ Государя двѣ Грамоты: одну къ Митрополиту, другую въ Земскую избу ко всему народу Новгородскому. Въ сей послѣдней было написано, чшобы народъ немедленно выдалъ Никону начинщиковъ мятежа, и просилъ бы помилованія у своего Паспыря. Всѣ съ рыданіемъ раскаивались, и съ сокрушеніемъ сердца молили Митрополита о прощеніи. Добрый Паспырь принялъ ихъ раскаяніе, оплакалъ вмѣстѣ съ ними прежнее заблужденіе, бесѣдовалъ къ народу цѣлыя при часа отъ Священнаго Писанія,

прости́лъ его и разрѣшилъ отъ кляпвѣтъ, и приказалъ главныхъ начинщиковъ мятежа схвативъ заключить въ темницы. Немедленно взято было при спа человекъ и отдано подъ крѣпкую стражу.

По прибытіи въ Новгородъ Боярина и Воеводы Князя Ивана Никипича Хованскаго съ войскомъ, Волкъ былъ казненъ смертію, Жегловъ съ десятию другихъ сообщниковъ сосланы въ Сибирь, а прочіе всѣ, по большей части безъ наказанія, получили свободу. Никонъ зналъ, что казню всѣхъ пресупниковъ увеличилося бы несчастье, претерпѣнное жителями отъ возмущенія. Обвиняя Никона въ погрѣшностяхъ, не забудемъ, что онъ пощадилъ кровь народную. — Почти въ то же время Псковъ былъ позорищемъ народнаго смятенія, которое гораздо дороже стоило городу и Государству. Кровь осажденных мятежниковъ и осаждающаго воинства Царскаго лилась ручьями — Псковичи не имѣли у себя Никона!

Дорого стоили сердцу Государя блестящія побѣды, одержанныя надъ вѣнскимъ непріятелемъ, когда въ Его опустошеніе моръ два раза опустошалъ Сполиту и провинціи. Кто знаетъ, что могло бы случиться съ фамиліею Царскою безъ Никоновыхъ попеченій! Когда появилась зараза,

Папрїархъ склонилъ Царицу выѣхавъ изъ Москвы со всѣмъ Домомъ, путешествовалъ съ нею сперва въ Троицкїй Сергіевъ монастырь, потомъ въ Колязинъ, а опшуда въ Вязму, въ другой разъ, спустя годъ, въ Тверь и въ Вязму же; самъ объѣзжалъ селенія и осматривалъ на пути мѣста сомнительныя; въ то же время опечески спарался о сохраненїи народа, учреждалъ заспавы, приказывалъ зажигать большіе огни для очищенія зараженнаго воздуха, словомъ, изыскивалъ и производилъ въ дѣйство всевозможные способы для отвращенія опасности. Какія права на благодарность добраго Государя, на любовь всего народа Россійскаго!

Не смотря на возникшіе толки раскольническіе, не смотря на многія несчастія, постигшія упрямыхъ невѣждъ, исправленіе книгъ Церковныхъ должно быть почитаемо прїятнымъ для попомства свидѣтельствомъ о здравомысліи Россійскаго Духовенства въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Папрїархъ, съ давняго времени упражнясь въ чпенїи книгъ духовныхъ, примѣпилъ, что вкрались многія погрѣшности въ Библію и Служебникъ, а особливо не нравились ему правила Споглавнаго Собора, по опредѣленію котораго складываніе зерцвалъ, нынѣ употребляемое при моленїи, *жолденте*

не по солнцу, троекратное Аллилуїя, охота ѣсть колбасы и ѣздить въ коляскѣ съ дышлою, подстриганіе волосовъ и проч., объявлены дѣлами беззаконными, достойными проклятія и оплученія отъ церкви. Самъ Царь, передъ отправленіемъ въ походъ противъ Польскаго Короля, присутствовалъ на первомъ засѣданіи значнѣйшаго Россійскаго Духовенства, собраннаго для разсмотрѣнія книгъ церковныхъ, сличенія ихъ съ древними рукописями, исправленія ошибокъ и нелѣпостей. Можетъ быть, не лѣзя одобритъ одной только поспѣшности, съ которою принялись за исправленіе книгъ, не взявъ предварительныхъ мѣръ къ отвращенію ненавистныхъ слѣдствій. Какъ бы то ни было, благоразуміе требуетъ подвигъ сей отнести къ числу тѣхъ, которые дѣлаютъ память Папріарха Никона почтенною для сыновъ Церкви и Опечества.

(Продолженіе влредь.)

Письмо къ другу.

(Отъ 4 го Августа , 1805.)

Есть важныя одолженія , которыя можемъ дѣлать другъ другу , которыя оставляющъ въ душѣ глубокія впечатлѣнія и вѣчную благодарность ; но ничего нѣтъ прѣгательнѣе господствующа искренняго ; ничто не обязываетъ сердца нашего такою нѣжною признательностію , какъ сія священная добродѣтель общежитія ! Она всегда была отличительною чертою характера Рускихъ ; никакія перемѣны свѣта не могли изгладить ее ; и хлѣбъ съ солью всегда на столѣ для странника подъ благословеннымъ небомъ моего опеченна.

Не изъ Испорѣн , но по собственному опыту говорю тебѣ объ эпомѣ , другъ мой ! Выслушай :

На возвратномъ пути моемъ изъ С. Петербурга , верснѣ за двенадцать до Клина , переломилася ось нашей коляски (я ѣхалъ съ пріятелемъ). — что дѣлать ? Но , къ счастью , происшествіе , столь чувствительное для непертерливости увидѣться съ друзьями , случилось въ селеніи , и мы находимъ кузницу ; вызываемъ

Циклопа, договариваемся о дѣнѣ, и работа начинается. Между тѣмъ, посмотримъ на прохладной садикъ и березками осѣненной домикъ помѣщика, копорому принадлежала деревня. Полдневной сильной жаръ и чрезмерная усталостьъ представляли воображенію нашему сіе шихое жилище черпогами роскоши и наслажденія; любуемся и видимъ слугу, копорой подходитъ къ намъ, и проситъ оиъ имени Господина посѣтитъ его. Мы взглянули другъ на друга съ живымъ удовольствіемъ и пошли; идемъ по тѣнистой алеи сада, входимъ на чистой зеленой дворъ, напоследокъ — въ комнату. Почтенной хозяинъ встрѣчаетъ насъ, и привѣтствуетъ самымъ милымъ образомъ; топчасъ вошла, изъ другаго покоя, и хозяйка, копорая осыпала насъ ласками. — „Между тѣмъ, какъ починаюшъ вашу коляску,“ сказали оба: „покорно просимъ отдохнушъ.“ Мы съ трудомъ выражали нашу благодарность: шонъ чистосердечія, непринужденности, простоты — все требовало особеннаго вниманія къ любезнымъ страннопрімцамъ — и мы забывали о себѣ. . . . Любезностьъ ихъ простиралась до того, что они были благодарны Циклопу своему за удовольствіе, копорое онъ доставилъ имъ принимать у себя ~~дорогихъ~~ гостей. Но первое чувство, ~~изъ~~

явленное ими, было протопительное сожалѣ-
ніе о разлукѣ съ юнымъ сыномъ, котораго за
нѣсколько дней передъ тѣмъ они проводили
на службу Царю и Отечеству — въ походъ
противъ враговъ пишины и спокойствія. —

Ахъ! какъ живо, какъ глубоко чув-
ствуюшъ всѣ узы, всѣ обязанности При-
роды люди въ посредственномъ состояніи,
подъ низкимъ кровомъ смиреннаго жили-
ща!... а въ огромныхъ палатахъ, на
щпофныхъ диванахъ, подъ золотыми карни-
зами... Обращаюсь къ моимъ героямъ,
Поспавили завтракъ, и насъ просятъ
опобѣдать. Я готовъ былъ провести у нихъ
цѣлой день. Передъ обѣдомъ входятъ двѣ
дочери хозяйскія, и сцена удовольствій
нашихъ украсилась новою прелестію: одна
изъ нихъ (старшая) лицомъ, фигурою,
цвѣтомъ молодости и здоровья заспавилъ
смотрѣть на себя самаго Мизогина. За
столомъ говорили о многомъ, но это не
мѣшало внимательной хозяйкѣ подчивать
госшей усерднѣйшимъ образомъ. — Сидя
такъ близко съ миаымъ, интереснымъ
семействомъ, я вспомнилъ пріятную ме-
тту (*) твою, другъ мой! и погрузился
на минуту въ задумчивость сладкую,
очаровательную... Боже мой! когда и

(*) Сммотри Подарокъ друзьямъ моимъ,
сочиненіе А. Таушева. Ав.

для кого объяснися тайна счастья человека! Не уже ли подлинно одинъ призракъ его мелькаетъ передъ нами? что же оно само? гдѣ же, какъ же можно обладать имъ неотъемлемо? . . . Кто мнѣ скажетъ!

Почти во всѣ разговоры родительскія чувства вмѣшивали что нибудь относительное къ безцѣнному предмету ихъ — къ милому сыну, несущему жизнь свою на жертву долга. Какъ я понималъ горестное удовольствіе ихъ! какъ спарался припасть его! — Послѣ обѣда, вкуснаго, свѣжаго и сытнаго, подали десертъ и кофе; бесѣда не перерывалась, и почтенной хозяйнѣ, говоря о службѣ и соспоянїи своемъ (*), изъяснялся съ такимъ благородствомъ мыслей, что приводилъ насъ въ восхищенїе.

Напоследокъ коляска наша починилась, и мы должны были просииться съ любезными хозяевами. Могу сказать передъ судилищемъ совѣсти, что я прощался съ ними, какъ съ родными, и говорилъ,

(*) Онъ имѣетъ только пять сотъ руб. дохода — и угашиваетъ съ такимъ удовольствіемъ, люди одѣты такъ хорошо, столъ такой изобильной, въ покояхъ такъ чисто! . . . Войдите же къ богачу — и вы услышите горькія сѣшванія на трудность жизни! . . . Ахъ! они бѣдны въ самомъ дѣлѣ. *А.*

подобно Карамзину, въ сердцѣ своемъ: „Гостепрїимство, священная добродѣтель! если я когда нибудь тебя забуду, то пусть навѣки останусь бездомнымъ странникомъ на землѣ, и нигдѣ не найду впораго Пешра Алексѣевича Киреева!

К. Ш — вѣ.

IV.

* С К А З К А.

(Изъ Боккалинн.)

Нѣкошорой славной Крипикѣ, собравъ всѣ ошибки одного знамениаго Поэпа, поднесъ ихъ въ даръ Аполлону. Сей богъ принялъ даръ благосклонно и рѣшился наградишь приличнымъ образомъ Автора за трудъ его; въ шакомъ намѣренїи велѣлъ положить передъ нимъ кучу ржи, еще не молочной; попомъ приказалъ ему отдѣляшь солому отъ хлѣба, и класть ее особливо. Крипикѣ началъ работу съ великимъ искусствомъ и удовольствїемъ, и когда окончилъ ее, то Аполлонъ подарилъ его — соломою.

К. Ш — вѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Какъ опасно медлить и откладывать при нынѣшнемъ состоянїи политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Rein n'a tant perdu la plupart des Rois que le dѣsir manifeste qu'ils tѣmoignoient de la paix. —
Montesquieu ().*

Миръ есть первая потребность народовъ, есть самое твердое основаніе ихъ благоденствїя; но бывають случаи въ Полишикѣ, что явное желаніе мира означаетъ слабость Государства, и что долговременной миръ ведетъ къ гибели неминуемой.

„Когда двѣ великія націи — говорятъ Монтескїе — ведутъ войну продолжительную и упорную; въ то время думашъ, что можно оставаться спокойнымъ зрителемъ — есть знакъ дурной Полишики.“ — И Монтескїе правъ. — „Ибо —

(*) Ничто не было столь пагубно для большей части Государей, какъ желаніе мира, желаніе, которое они изъявляли. *Монтескїе*
О приц. велит. и угод. Рим. Глав. V.

„прибавляетъ онъ — народъ побѣдоносный
 „предпринимаетъ новыя войны, и нація
 „солдатъ идетъ сражаться съ націею
 „гражданъ (*).“ — Эпо говоритъ Монпекіе о долговременной войнѣ между Римомъ и Картагеною; не лзя ли по же самое сказать о нынѣшней войнѣ между Англіею и Франціею? Уроки Исторіи шѣмъ и драгоцѣнны, чпо предварительнo научаютъ насъ опытности; а когда правило политическое основано не только на разумѣ, но и на событіяхъ, тогда оно дѣлается истиною неоспоримою.

Если жребій народовъ, съ безпечностію смощрѣвшихъ на смертельной бой между Римомъ и Картагеною, служитъ важнымъ урокомъ для Государствъ, которыя надѣются, безъ малѣйшей для себя опасости, сохранить неупрадлителъ свой между Франціею и Англіею; по столь поразительный примѣръ бездѣйствія долженъ обратитъ на себя все ихъ вниманіе, особливо въ такое время, когда слѣдствія войны могутъ быть и для нихъ весьма важны.

Трудно отгадать, чѣмъ кончится нынѣшняя война. Съ чѣмъ сравнить ее? Съ первою ли Пуническою, со второю,

(*) Тамъ же.

или съ трепъею? Значили ль что нибудь неважныя мирныя предложенія? можно ли надѣяться, что предложенія сіи будутъ имѣть счастливыя слѣдствія? Миръ, заключенный подъ вліяніемъ недоверенности и вражды, не былъ ли бы вторымъ Амьенскимъ трактатомъ, то есть минувшимъ примиреніемъ, послѣ котораго оба Государства, давъ перевесу духъ народу, снова выжидали бы перваго удобнѣйшаго для себя случая поднять оружіе? — Одно время можетъ объяснить сіи вопросы; но теперь извѣстно, что старинное соперничество между обѣими Державами находится на самой высшей степени; что вражда и ненависть кипятъ съ обѣихъ сторонъ; что одна много разъ въ Совѣтахъ своихъ и публичныхъ собраніяхъ произносила спрашное: *Carthago delenda est*, Картагену изгнать должно; — а другая непрестанно спращаетъ Европу опасностію, которою угрожаетъ необузданная соперница ея всѣмъ Государствамъ; что обѣ Державы взаимно, со всѣмъ остервененіемъ, обвиняютъ одна другую въ вѣроломномъ нарушеніи договоровъ, въ неисполненіи подписанныхъ статей, въ явномъ пренебреженіи священныя правъ народныхъ и въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ покорить Европу. Однакожь не менѣе извѣстно и то, что

если одна достигнетъ возможности погубить другую, то слѣдствія должны бытъ весьма важны для всей Европы. Посмотримъ, чего должны въ такомъ случаѣ бояться неутральныя Государства: съ одной стороны Держава, которая не знаетъ предѣловъ своему честолобію, необходимо пріобрѣла бы новыя силы; съ другой — послѣдовало бы исключительное господствованіе на моряхъ и монополія въ торговлѣ, шѣмъ болѣе разорительная для народовъ, что была бы необходимою по причинѣ уничтоженія соперничества, и что силы и законы Государствъ не могли бы удержатъ ее въ границахъ умѣренности.

Но если очевидная польза Европы требуетъ, чтобы всегда одинакое было равновѣсіе между двумя Государствами, которыхъ цѣлость или разрушеніе равно полезно или вредно, то по какому праву Державы, бывъ долго спокойными зрителями, уже при окончаніи войны, въ которой онѣ не участвовали, вмѣшались, чтобы остановить конечное разрушеніе той или другой стороны? Какъ онѣ тогда принудятъ одно къ умѣреннымъ, справедливымъ требованіямъ? какъ поддержатъ другое при его паденіи? Что скажутъ онѣ, когда побѣдившее по праву меча предпишетъ побѣжденному условія,

нарушаюція равновѣсіе, и будетъ содержать его въ состояніи порабощенія, отъ котораго никогда оно не избавится, или, когда при договорѣ удержишь за собою выгоды могущества, богатства, довѣрія, рѣшительнаго перевѣса, выгоды, столь опасныя для свободы и безопасности прочихъ Государствъ Европы? Будешь ли, для удержанія его въ границахъ умеренности, дожидаться до тѣхъ поръ, пока оно совсемъ погубитъ своего противника? или объявлять ему войну уже въ то время, когда оно, ограждаясь профетями, обогащаясь пріобрѣтеніями, усилясь союзниками свободными и принужденными, прославясь побѣдами, со старыми и новыми своими ополченіями готово будетъ противустать всѣмъ усиліямъ?

По несчастію, нынѣ видимъ сей примѣръ въ Европѣ; бездѣйствіе Государствъ при настоящихъ обстоятельствахъ можно почесть загадкою, которую рѣшить весьма трудно. Чего онѣ хотятъ? чего надеются? чего ожидаютъ? Удобнѣйшаго случая, благодѣянія отъ времени, можетъ быть, внутреннихъ раздоровъ, или изпощенія въ силахъ, до котораго, по ихъ мнѣнію, должна довести нынѣшняя война? Чтобы оправдать свои надежды, Кабинеты, вѣроятно ссылаясь на обыкновенную, всѣмъ

извѣстную пословицу: *перетянутый лукъ ломается*, думающъ, что и Государство, предпринимающее подвиги выше силъ своихъ, погибаетъ отъ излишнихъ напряженій; они думающъ, что Государство, достигнувъ высочайшей степени своего величія, должно внизъ опускаться. Вотъ что усыпляетъ Совѣты Монарховъ Европейскихъ; вотъ причины ихъ пагубной безопасности; вотъ что заставляетъ ихъ опкладывать со дня на день рѣшительную минушу сопротивленія тому быспрому потоку, копорой угрожаетъ все увесипсь собою.

И такъ, Государства Европы, слѣдуя правиламъ новой Полипики, въ нынѣшнее опасное время думающъ выиграть медленностію, опкладываніемъ. А мы думаемъ, что сія медленность, сіе опкладываніе всего пагубнѣе, и что шѣмъ болѣе должно спѣшить, чѣмъ очевиднѣе опасность. Какъ! когда палящая горячка пожираетъ шѣло полипическое, можно ли надѣяться на излѣченіе, не заботясь о врачеваніи? Когда всѣ признаки болѣзни показываютъ великую опасность, можно ли полагаться на время, не думая о средствахъ? Это значило бы осудить больного на смерть преждевременную, значило бы положить во гробъ живаго спрадальца.

Не спорю, благоразуміе пребуешъ, чпо-бы въ войнѣ наступательной, при исполненіи обширнаго плана, принимаемы были мѣры опкладыванія и медленности, а особливо когда сіи мѣры обѣщаютъ великія выгоды безъ малѣйшей потери. Оба первые Короли Прусскіе не сгѣша готовили средства, копорыя Великій Фридрихъ и его преемники употребили попомъ въ свою пользу, и возвели Пруссію на ту степень могущества, на копорой нынѣ ее видимъ. ПЕТРЪ Великій не прежде началъ помышлять о разпросраненіи владѣній Своихъ въ Европѣ, какъ уже въ то время, когда неусыпными трудами Своими и мудрыми законами довелъ народъ Свой и войско до возможности спать на ряду съ народами и войсками прочихъ Государствъ Европы; Онъ прежде научился побѣждать, попомъ опважился на завоеванія. Все время правленія Филиппа и первые годы царствованія Александра, сына его, были употреблены на приготовленія къ великому походу прошивъ Персовъ. Но можно ли извинить Дарія, копорой, зная о приближеніи непріятеля, не умѣлъ встрѣтить его, гдѣ надлежало, и былъ побѣжденъ пошому, что медлилъ и опкладывалъ; былъ побѣжденъ, пошому что не почиталъ важнымъ пагубнаго для себя предпріятія,

которое придворные описывали ему дерзкимъ и безразсуднымъ, — что представилъ себѣ многія препятства, которыя, по его мнѣнію, должны были остановить шествіе Македонскаго Героя, — что оплодотворилъ до другаго времени разбитъ и разсѣять непріятельское войско, которое угрожало опроверженіемъ его престола, — что впустилъ юнаго завоевателя во внутренность своего Государства, не сдѣлавъ нужныхъ приготовленій не только для наказанія пылкаго честолюбца за безразсудную дерзость, но и для удержанія на пути его?

Можешь быть, мы теперь точно въ такомъ положеніи, не по тому, чтобы находили новаго Александра въ Наполеонѣ, котораго непоспѣвшее счастье страшно для Европы, — совсѣмъ нѣтъ! но для того, что Система медленности, погубившая Дарія, есть любимѣйшая Система большей части Кабинетовъ Европы.

Нѣтъ сомнѣнія, что гигантскія предпріятія непопулярнаго честолюбія весьма тяжкы для несчастнаго народа, которой служатъ орудіемъ исполненія сихъ предпріятій; онѣ приготовляютъ гибель его тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ скорѣе созрѣло его величье. Но какая нужда народамъ побѣжденнымъ до того, что побѣдители

ихъ несчастны, если они сами еще несчастны? Могутъ ли побѣжденные, перпя крайнее бѣдствіе, утѣшаться тѣмъ, что побѣдили рано или поздно сами погибнутъ? Какой умствователь въ соспояніи вѣрно опредѣлитъ точку величія, за которою начинается упадокъ и разрушеніе Государства, утвердившаго могущество свое на развалинахъ Государствъ сосѣдственныхъ? Исторія свидѣтельствуетъ, что всѣ колоссальныя Державы, копорыхъ чудовищное величіе основано было на опустошеніи областей, на порабощеніи народовъ независимыхъ, имѣли и должны были имѣть конецъ свой. Какаяжъ въ томъ польза для порабощенныхъ? Цари, прикованные къ поржеспвенной колесницѣ побѣдоноснаго Консула, могли ли въ несчастіи утѣшать себя тою надеждою, что, спустя нѣсколько вѣковъ, толпы варваровъ попрутъ ногами величіе Рима?

(Изъ Иностп. Журн.)

*Изображеніе нынѣшняго состоянія
Франціи (*).*

Посупки и поведеніе людей, занимающихъ разныя должности, показываютъ самое постыднѣйшее рабство. Все покорено произволу Наполеона. Во всѣхъ индальныхъ, запутанныхъ обстоятельствахъ, Генералы рѣшаютъ неудобства двумя словами: „*Бонапарте хотеть*, чтобъ такъ было.“ Судьи швердятъ: „*Кажется, что Наполеону это угодно; мы не желаемъ подпастъ его гнѣву.*“ Чиновники говорятъ: „*Надобно такъ сдѣлать; этого требуетъ Бонапарте.*“ Все повинуется только одной его волѣ. Одна-кожъ и деньги уважаются во Франціи. Полной кошелекъ преодолеваетъ всѣ препятства, если только вы просите объ исполненіи того, что не касается ни до

(*) Взято изъ новѣйшей книжки, сочиненной однимъ Англичаниномъ, которой имѣлъ случай уйти изъ Парижа въ минувшемъ Маѣ мѣсяцѣ. Книжка называется: *A Sketch of the Present State of France. By an English gentleman who escaped from Paris in the Month of May last.* Статья сія кажется болѣе любопышною, нежели справедливою.
Изданъ.

любимцевъ Наполеоновыхъ, ни до его на-
мѣреній, ни до Полиціи. Чиновники съ
особливою ревностію ищутъ случаевъ на-
живаться, и поведеніемъ своимъ показы-
ваютъ, что не полагаются на *твердость*
власти, отъ которой получили мѣста
свои, — что по сей причинѣ почитаютъ
ихъ весьма ненадежными, и что стара-
ются пользоваться, пока можно. — Вой-
ско не очень довольно было тѣмъ, что
Бонапартъ присвоилъ себѣ *императорское*.
Во время коронаціи, солдаты
подъ самыми окнами Дворца лукаво улы-
бались, говоря о *новыхъ величествахъ* и
высотствахъ. — Полиція, подъ видомъ на-
блюденія за благоустройствомъ, дѣй-
ствуетъ самымъ соблазнительнымъ обра-
зомъ. Она имѣетъ въ своемъ распоряже-
ніи повивальныхъ бабокъ, и записываетъ
имена новорожденныхъ младенцевъ. Въ Па-
рижѣ матери обыкновенно отдаютъ дѣтей
кормилицамъ, а кормилицы состоятъ
подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ По-
лиціи. Полиція смотритъ за училищами,
вписываетъ молодыхъ людей въ свои кни-
ги, и печется объ ихъ женитьбѣ. Полиція
должна знать, гдѣ вы живете, какъ вы
живете, и кто у васъ живетъ; пересматри-
ваетъ счестьныя книги нѣкоторыхъ фабри-
кантовъ и купцовъ, и ведетъ списокъ

всѣмъ ремесленникамъ. Она хочетъ знать, съ кѣмъ вы видите, кого посѣщаете; не оставляетъ гражданина и послѣ смерти, погребаешь его, гдѣ и когда за благо разсудитъ. Мудрено опредѣлить число шпионовъ Полицейскихъ — такъ оно велико! Со времени коронованія умножилось оно еще болѣе. Нѣкоторые получаютъ только по 30 су, другіе ѣздятъ въ каретахъ. Полицейскіе приставы имѣютъ повелѣніе тайно присматривать за поступками своихъ начальниковъ, а начальники — развѣдывать, что дѣлаютъ ихъ подчиненные. Бонапарте не рѣдко проводитъ цѣлыя ночи, разсматривая донесенія своихъ шпионовъ, Мамелюковъ, Янычаровъ и Инквизиторовъ. Даже частныя общеснва, даже собранія, посѣщаемыя супругами Министровъ; имѣютъ своихъ соглядатаевъ. Бонапарте, узнавши, что кто-нибудь не скромно говорилъ о немъ, тотчасъ призываетъ его и грозитъ тюрьмою. Послѣ умерщвленія Дюка Энгіенскаго, ходила по рукамъ Поэма, писанная на счетъ убійцы несчастнаго Принца; многія женщины брошены были въ тюрьму за то, что слышали, когда была читана сія Поэма. Къ чести Французовъ сказать должно, что большая часть ихъ такое же омерзѣніе чувствуетъ къ сему ненавистному

убійству, какъ и весь родъ человѣчскій. Въ Парижѣ прежнее господствованіе ужаса, свирѣпствовавшее въ революцію, отличаютъ отъ нынѣшняго: одно называется *чернымъ* ужасомъ, другое — *бѣлымъ*. Черной каждую минуту представлялъ глазамъ народа эшафоты, смерть, кровопролитіе; *бѣлой* дѣйствуетъ гораздо скрытнѣе; его оружія не видимы; пытки и мучительства производятся въ тайнѣ. По первому донесенію отъ какого нибудь шпиона, Тайное судилище немедленно даетъ повелѣніе взять подъ стражу подозрѣваемую особу, или *всѣхъ*, живущихъ съ нею въ *одномъ* домѣ, или *всѣхъ* нѣхъ людей, съ которыми найдутъ ее, и въ то же время захватить бумаги, ей принадлежащія. Сперва опводятъ арестанта въ Полицейскую Экспедицію, называемую *малое дело*; это есть пространныя наугольная комната съ небольшимъ окошкомъ. Подсудимому не дозволяютъ видѣться съ пріятелями, и держатъ его иногда цѣлой мѣсяцъ, пока дойдетъ очередь допрашивать.

(Пропустимъ непріятныя подробности о ненавистныхъ пыткахъ и допросахъ.)

Бонапарте, при всей строгости своей, долженъ или дозволить говорить о себѣ публично, или запретить въ тюрьму цѣлую половину Парижскихъ жителей, которые

нескромно оиъзывающа о несправедливомъ его присвоеніи верховной власти. Брюне, славный актеръ театра Монипансье, много разъ позволялъ себѣ шутить на счетъ гигантскихъ предпріятій Наполеоновыхъ, а особливо на счетъ его пригопвленій къ завоеванію Англїи, — и не одинъ разъ содержался въ пюррьмѣ за свои насмѣшки; но Брюне забавляетъ народъ, а Бонапарте чувствуетъ, что нація, унижаемая и пресмыкающаяся въ порабощеніи, имѣетъ нужду въ забавахъ. — Рѣшительныя опредѣленія Наполеоновы, которыя онъ иногда бросаетъ изъ кареты, исполняются въ спрожайшей точности, къ явному пренебреженію законовъ, содержащихся въ гражданскихъ уложеніяхъ. *Опредѣленіе* въ трехъ строчкахъ такую имѣетъ силу, что никакое судилище во Франціи не смѣетъ усомниться, можно ли по немъ исполнить. — Теперь въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ и десяти домовъ, вновь строющихся, а тѣ, которыя недавно опстроены около предмѣстїя Св. Гонорїя, близъ монастыря Якобинскаго, стоятъ пусты (*). — Народъ не одобряетъ нынѣшней войны съ

(*) Прежде считалось въ Парижѣ около 750,000 жителей; теперь ихъ только 547,000.

Англїєю; весьма немногіе считаютъ ее нужною, или по крайней мѣрѣ думаютъ, что нужно поддержать ее; хотя сіи немногіе надѣются на военныя дарованія Наполеона, однакожъ не видятъ большой для себя пользы въ новомъ его достоинствѣ. — На одномъ изъ Парижскихъ Театровъ играютъ малую пїесу, называемую *Текили*, въ которой дѣйствующія лица пѣютъ за здоровье Императора. Послѣ коронованія Бонапарте, актеры нарочно оспановились на семь мѣсѣвъ, думая, что зрители догадаются и возплещутъ руками; но зрители — промолчали.

Трагедія *Генрихъ VIII* была запрещена, потому что въ театрѣ гремѣли рукоплесканія каждой разъ, когда упоминаемо было объ изпробленіи тирановъ. Послѣ коронованія, Бонапарте дозволилъ сыграть трагедію, и самъ прїѣхалъ въ театръ. Зрители, не смотря на его присутствіе, болѣе нежели прежде били въ ладоши при всякой язвительной фразѣ насчетъ тирановъ; Бонапарте принужденъ былъ уйти изъ ложи, не дождавшись окончанія трагедіи.

Жители Парижскіе, читая Журналы, пропускаютъ мѣста, гдѣ говорится объ Императорѣ и о тѣхъ особахъ, которыя сидѣли съ нимъ въ каретѣ, или для которыхъ онъ подписалъ брачныя контрак-

ты ; они съ большимъ удовольствіемъ читающъ длинныя крипики на новыя комедіи, романы и проч. ; отгадываютъ загадки, шарады и логгрифы. — Въ Парижѣ всѣ вообще обходящся другъ съ другомъ такъ , какъ бы каждой былъ увѣренъ, что сосѣдъ имѣетъ прошивъ его дурной умыселъ. Всѣ дѣла запутаны бесполезными обрядами и формами, прошивными порядку ; въ эшомъ жалуются на революцію — Мужчины и женщины посѣщаютъ дома, гдѣ держатъ публичныя игры. Ремесленники разшочаютъ пріобрѣтаемыя деньги въ кофейныхъ домахъ и въ лотерейныхъ конторахъ, копорыя содержатся отъ правительства, а получаемая прибыль отъ него, и другаго употребляется на жалованье Полицейскимъ служителямъ и шпіонамъ. Испочникъ и употребленіе сихъ доходовъ не менѣе разорительны, какъ и послѣдныя для націи.

Народъ Парижскій, въ часѣ оспервенія, называетъ Бонапарте „ужаснымъ шираномъ и необыкновеннымъ человекомъ,“ и говоритъ, что „онъ находится между молотомъ и наковальнею, — что присвоилъ себѣ верховную власть душишь безъ милосердія всѣхъ тѣхъ, копорые не нравятся ему, — что на нынѣшнюю степень не возшелъ, но встрѣнулъ“ и проч. Народъ,

покричавъ такимъ образомъ , идетъ по-
шомъ — въ театрѣ!

Чтобы удовлетворить большей части
народа и дать видъ правдоподобія выдумываемымъ на счетъ Англїи-клеветамъ — ко-
торыя печатаются въ разныхъ газетахъ
Французскихъ — сперва онѣ помѣщаются
въ одномъ Журналѣ , издаваемомъ въ Па-
рижѣ на Англійскомъ языкѣ , подъ на-
званіемъ *Аргусъ* ; пошомъ переводятъ ихъ
на Французской и вносятъ въ Мониторъ
(официальная газета правительства) , ко-
торой ссылается на *Аргусъ* , какъ на Ора-
кула. Народъ отъ всего сердца вѣруеть
въ эшотъ изолжей слепенной Журналъ,
издаваемой теперь какимъ-то Кларкомъ.

Революція совсѣмъ изпребила нрав-
ственность въ народѣ , и завела въ сѣбѣ
ненавистной Полиціи , истинной *инквизи-
ціи политической* , людей всѣхъ состояній.
Революція возвела на высокія степени и
обогашила людей самаго низкаго званія.
Революція увеличила подати и цѣны на
сѣбѣспные припасы.

Бонапарте содержитъ Французовъ въ
спрожайшемъ повиновенїи , и будетъ со-
держать ихъ очень долго. Народъ можетъ
выходить изъ шертѣнія , можетъ въ оп-
чаянїи кричать , сколько угодно ; но пока
Полиція и войско въ рукахъ Бонапарте ,

до тѣхъ поръ Французы будутъ его невольниками. Онъ знаетъ, сколь опасно послабленіе.

Вообще народъ съ омерзѣніемъ отзывается о революціи, и съ сожалѣніемъ воспоминаетъ о Бурбонахъ.

Сперва неизвѣспна была одна изъ причинъ, побудившихъ удавить Генерала Пишегрю въ темницѣ. Его показанія могли помѣшать намѣреніямъ Консула пропить Моро, которому было опредѣлено погибнуть, потому что Моро пріобрѣлъ любовь и довѣренность народа. Послѣ уже узнали, что несчастнаго Пишегрю допрашивали подъ лышкою, желая принудить его оклеветать Генерала Моро. — Жоржъ оказалъ передъ судьями удивительную смѣлості. Онъ явно сказывалъ, что слышны были крики Генерала Пишегрю, когда Наполеоновы Мамелюки, присланные съ веревкою, отправляли его въ другой свѣтъ; утверждалъ, что видѣли сихъ Мамелюковъ, шедшихъ въ темницу. Пико, слуга Жоржа, и другой обвиняемый жаловались въ Судъ, что ихъ Полиція допрашивала подъ лышкою. — Судьи, думая, что Моро непременно долженъ погибнуть, осудили его на смерть, и отослали приговоръ свой къ Наполеону для подтвержденія. Но Фуше и Монсей объявили Консулу, что онъ самъ

долженъ спрaшиться погибели, если Моро будетъ казненъ, потому что солдаты, живущіе въ казармахъ подъ начальствомъ Монсея, обнаружили неудовольствіе, а Фуше также, черезъ своихъ шпионовъ, зналъ о разположеніи народа. Это была минута самая крипическая. Бонапарте уважилъ представленія Монсея и Фуше, и далъ судьямъ повелѣніе объ уничтоженіи приговора. Судьи подумали, что надобно оправдать Моро, и объявили его невиннымъ, а между тѣмъ послали нарочнаго въ Тюльерійской Дворецъ, чтобы узнать дословѣрно, чего отъ нихъ требуютъ, боясь раздражить человека, которой ихъ самихъ могъ осудить на изгнаніе или на казнь смертную. Наполеону опять было представлено, что если онъ утвердитъ сей приговоръ, то долженъ просниться съ доспонствомъ своимъ перваго Консула; почему приговоръ снова былъ отосланъ къ судьямъ. Такимъ образомъ одно опредѣленіе надлежало перемѣнять три раза, пока оно могло понравиться Наполеону и его успокоить.

Пѣвчіе и музыканты, нанятые отъ Полиціи пѣть дурные стихи въ честь Наполеона, во время коронаціи толпами бродили по улицамъ; народъ и ребятишки бѣгали въ слѣдъ за ними и смѣялись.

Депутаты отъ войска, присланные въ Парижъ по случаю короновація, находились подъ строгимъ приемотромъ Полиціи, и пошчасъ по окончаніи обрядовъ высланы были изъ города. Издержки и пригоповленія для коронаціи разорили почти всѣхъ фабрикантовъ и купцовъ, у которыхъ взяты были повары. Одинъ каретникъ отважился не давать кареты, пока не запладили ему денегъ. Кто имѣлъ оспорожноснѣ поступитъ подобнымъ образомъ, тотъ не понесъ убытка. Золотошвей, которому приказано было работать для украшенія трона, никакъ не соглашался безъ денегъ отдавать шитья; уже наканунѣ коронаціи силою взяли у него работу. Это обстоятельство разорило ремесленника. — Спустя два мѣсяца послѣ праздниковъ, музыканты жаловались, что не получили платы за труды свои.

Теперь нѣтъ въ Парижѣ ни одного купца, которой бы, на живни достатокъ, спокойно пользовался своимъ пріобрѣпеніемъ; всѣ купцы живутъ и умираютъ въ конторахъ. Они не наслаждаются никакими выгодами, извѣстными достаточнымъ людямъ. Небольшая лавка, за нею одна или двѣ темныя каморки — вотъ гдѣ проводятъ они жизнь свою. Чтобы забыть горе, они, заперши лавку, идутъ въ публичныя

домы и безъ стыда садятся за карточные столы. Остатки денегъ употребляютъ на удовлетвореніе прихотей женъ своихъ, которыя думаютъ объ одномъ только щегольствѣ, не занимающія своими должностями и домашнимъ хозяйствомъ, и такимъ образомъ вовлекаютъ все семейство въ пропасть бѣдности.

Въ Англіи люди, имѣющіе собственную собственность, могутъ безпрепятственно по своему произволу ѣхать, куда угодно, за нуждою или для удовольствія. Во Франціи совсѣмъ иначе. Хозяинъ дома не можетъ выѣхать за границу безъ паспорта, для полученія котораго надобно явиться въ Полицію и дать обстоятельные отвѣты на всѣ вопросы. Вы говорите, что имѣете дѣло; спрашиваютъ: *какое? не лъзя ли обейтись безъ путешествія? не лъзя ли кончить его на перельскѣ?* и проч. Если скажете, что хотите путешествовать для удовольствія, — надъ вами станутъ смѣяться, и снова начнутъ спрашивать какъ человека подозрительнаго! Такимъ образомъ cadaго Француза можно считать плѣнникомъ въ своемъ городѣ.

Кажется, Бонапарте поведеніемъ своимъ говоритъ народу: „Я прибралъ васъ къ рукамъ своимъ. Работайте, ѣжьте, пейте и пляшите. Беру на себя забавлять

васъ коронаціями, зрѣлищами, парадами и музыкою; за то спану разпочать доходы, раздавать мѣста. Плодитесь; мнѣ нужны солдаты, съ помощію копорыхъ буду содержать васъ въ порядкѣ; унижу и порабощу сопредѣльные Государства; утвержу престолъ мой, и дозволю вамъ наслаждаться нѣкоторыми физическими выгодами. Для достиженія къ споль великой, славной цѣли, повинуйтесь мнѣ и не держите судить о моихъ поступкахъ.“

Съ самаго начашія войны до эпохи коронованія публичные листки Парижскіе наполнены были подробными описаніями приготвленій вразсужденіи завоеванія Англіи, и доказательствами, что сдѣлать это ни мало не трудно. Теперь ничего уже не слышно о высадкѣ, и доброй народъ Парижской, копорой почипалъ ее почти произведенною въ дѣйство, не говоритъ о ней ни слова. Генералы и Адмиралы Наполеоновы никогда не вѣрили, чтобы высадка могла быть предпринята, и предвидѣли, что слѣдствіемъ ея должна быть гибель неминуемая. Бонапартѣ всегда показывалъ видъ, будто ему извѣстно вѣрное средство исполнить съ успѣхомъ сіе дѣло. Однакожъ ничто не помогло исполненію его намѣреній; не помогло даже и то, что онъ приблилъ въ Булони покойнаго Адмирала Брюи, копо-

рой не соглашался на его мнѣніе, и не хотѣлъ двинуться съ мѣста со своимъ флотомъ.

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Громъ пушекъ возвѣстилъ Лондонской Публикѣ объ одержанной надъ возвратившимся въ Европу Французско - Испанскимъ флотомъ побѣдѣ Англійскою эскадрою, состоявшею передъ Ферролемъ подъ начальствомъ Вице - Адмирала Сира Роберта Калдера. Два корабля Испанскіе достались въ руки побѣдителей. По окончаніи сраженія флотъ непріятельскій скрылся изъ виду, и гдѣ теперь находится — не извѣстно. Г. Калдеръ, за недостаткомъ фрегатовъ, не могъ преслѣдовать непріятеля, и не рѣшился оставить послѣ себя передъ Ферролемъ, опасаясь, чтобъ въ его отсутствіе соединенный флотъ не вошелъ въ сію пристань. — Лордъ Нельсонъ увѣдомилъ Адмиралтейство о прибытіи своемъ изъ Западной Индіи. 19 го Іюля онъ приспалъ къ Африканскому берегу въ заливъ Тетуанскомъ, не далеко отъ Гибралтара, гдѣ запасенъ водою и другими по-

требноешяи, опять поплылъ искать соединеннаго флота. Въ Парижѣ недавно носились разные слухи о назначеніи сего флота: одни говорятъ, что онъ пустился къ берегамъ Шотландіи или Ирландіи; другіе — что поплылъ къ каналу, для опогнанія Англійскихъ кораблей, стоящихъ подъ Булонью, и для открытія пупи флотилліи съ высаднымъ войскомъ; третіе разглашаютъ даже, что высадка уже сдѣлана въ Ирландіи. Хотя ни одинъ изъ сихъ слуховъ еще не подтвердился, однако же всѣ обстоятельствова заснавлиютъ ожидать важныхъ событій. Бонапарте, съ нѣкоторыми Министрами, прибылъ уже въ Булонь и обзрѣваетъ береговья войска. Всѣ увѣрены, что высадка непременно теперь будетъ произведена въ дѣйство. Вотъ что содержится во многихъ Французскихъ газетахъ: „Переправа въ Ирландію ничѣмъ не опаснѣе для нашихъ войскъ переправы черезъ Рейнъ, Дунай, По и Адикъ. Наши солдаты перешли сіи рѣки въ виду непріятели при громѣ и огнѣ страшной артиллеріи. Не трудно приспастъ къ берегамъ Англии, Шотландіи или Ирландіи; плоскодонныя суда подъ прикрытіемъ фрегатовъ удобно могутъ подойти къ пристанямъ непріятелискимъ. Въперъ восточной, южной или юго-восточной перене-

септь вѣ Англїю суда Французскїя, между шѣмъ какъ можетъ случиться, что корабли Бритпанскїе принуждены будутъ сполать вѣ пристаняхъ. Видѣли примѣры, что флоты, пользуясь темною ноци или густымъ туманомъ, проходили мимо эскадръ непрїятельскихъ, не бывъ примѣченными. Флотъ Принца Оранжскаго вѣ 6 часовъ переплылъ черезъ проливъ, между шѣмъ какъ эскадра Такова II, стоявшая вѣ Дюнахъ, совсѣмъ о томъ не вѣдала; Адмиралъ Ансонъ, возвращаясь изъ своего путешествїя, уже вѣ Лондонѣ узналъ, что онъ плылъ мимо эскадры, разбѣзжавшей передъ Бреспомъ;“ и проч. — Лондонскїе Журналисты, напротивъ того, твердо увѣрены, что еще прежде высадки кто нибудь изъ Англїйскихъ Адмираловъ рассыплетъ или изтребитъ флоты непрїятельскїе, и что приготовленїя къ высадкѣ должны кончиться шѣмъ, чѣмъ походъ соединеннаго флота вѣ Западную Индїю †† то есть, послѣднимъ бѣгствомъ.

Не смотря на приготовленїя, и дѣйствїя, по видимому споль рѣшительныя, надежда на примиренїе не совсѣмъ исчезла. Вѣнскїй Дворъ сообщилъ нѣкоторымъ Кабинетамъ желанїе свое открыть переговоры и возстановитъ общїй мїръ вѣ Европѣ. Французы не хотятъ вѣришь, чтобы Римъ

скій Императоръ. имѣлъ виды непріятельскіе. Въ Мониперѣ напечатано : „Не удивляемся, что движенія войскъ въ Австріи заспаваютъ многихъ вѣришь, будто сія Держава хочеть вступитъ въ союзъ противъ Франціи. Однакожь мы имѣемъ выгоднѣйшее мнѣніе о мирныхъ намѣреніяхъ Нѣмецкаго Императора. Пруссія объявила, что оспанется неутральною и не подниметь оружія противъ Франціи. Теперь зависитъ отъ Вѣнскаго Двора рѣшитъ вопросъ; миръ и война въ его власти. Если Англія узнаеть, что Австрія, подобно Пруссія, тверда въ мирной своей системѣ, то конечно не замедлитъ заключитъ миръ на условіяхъ умѣренныхъ. Австрія приготовлениями своими не спанеть безпокойшь и содержать въ недоумѣніи двѣ великія націи. Непрїятели ошибаются. Такая политика была бы неприлична чистосердечному и доброму Императору Францу II. Еслибъ онъ хотѣлъ начинать войну, то давно бы уже началъ ее, имѣя у себя храброе войско и обладая народомъ многочисленнымъ. Мы не сомнѣваемся, что Австрія желаетъ споспѣшествовать возстановленію спокойствія на морѣ; оно одно рѣшитъ отдѣленіе короны Французской отъ Италіанской и удаленіе чужихъ народовъ отъ Моря Средиземнаго. При на-

стоящихъ обстоятельствъ, для Англїи и для торговли ея нѣтъ ничего полезнѣе мира благоразумнаго, основаннаго на справедливости“ и проч.

Каждой Россїянинъ пожелаетъ, чтобы чаще къ намъ доходили извѣстія, подобныя слѣдующему. Во одной газетѣ Тонійской Республики напечатано: „Генералъ Мусинъ - Пушкинъ съ войсками стоитъ лагеремъ на островѣ Корфу. Жители не могутъ довольно нарадоваться, видя, что въ войскѣ столь многочисленномъ, наполненномъ молодыми, оплечающимися геройскимъ видомъ своимъ, Офицерами, наблюдается такой порядокъ, такая тишина, такая умеренность и благочиніе, что до сихъ поръ не случилось еще ни въ чемъ на нихъ пожаловаться. Нашъ народъ живо чувствуетъ, сколь много обязанъ храброму сему войску, неусыпному надзиранію Генераловъ, доспohвальной правотѣ, неутомимой дѣятельности, благоразумію и прозорливости главнаго Военачальника.“

Уголовной судъ въ Руанѣ приговорилъ къ смертной казни одно чудовище за содѣянное пресупленіе, противное законамъ Натуры и порядка общественнаго, преступленіе, которое, къ чести рода человѣче-

святѣ, но много имѣнъ примѣровъ въ исторіи суданскихъ злодѣй, котораго стыдился называть челоуѣкомъ, Жакъ Лезень-Блондель, подъялъ убійственную руку на мать свою и лишилъ жизни особу, коюрой самъ обязанъ жизнью. Этому недоволенъ. Онъ старался еще обратить подозрѣніе въ гнусномъ дѣлѣ семъ на собственнаго отца своего, и такимъ образомъ сугубо обогреть руки свои въ крови родительской. — Приговоръ исполненъ въ тотъ же день. Изверга вели на казнь подъ чернымъ покрываломъ, знаменующимъ, что опреченійся отъ чувствъ, сродныхъ челоуѣку, недостойнъ видѣть людей, копорыхъ подобія онъ уже лишился.

1 го Сентября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СЕНТЯБРЬ 1805.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

І

Разговоръ Мармонтеля съ Шамфоромъ въ началѣ Революціи ().*

Французская Академія въ числѣ своихъ Членовъ имѣла одного весьма жаркаго защитника Республиканской партіи: это былъ Шамфоръ, человекъ ума тонкаго и пронзительнаго. Онъ остро и забавно осмѣивалъ пороки свѣтскихъ людей, но съ язвительною колкостью отзывался о тѣхъ, которые по званію или по богатству были значнѣе его въ обществѣ, и тѣмъ самымъ оскорбляли его высокомеріе. Шамфоръ мнилъ всѣхъ прочихъ: завистниковъ прощаль вельможамъ и богачамъ то, что они

(*.) Изъ сочиненій Мармонтеля, изданныхъ послѣ его смерти.

ели роскошную жизнь и наслаждались удовольствиями свѣта, въ которыхъ онъ самъ хотѣлъ бы имѣть равное участіе. Правда, онъ обходился съ ними вѣжливо; казалось даже, любилъ ихъ, починалъ и нѣкоторымъ приписывалъ самыя пышныя похвалы: разумѣется однакожъ, что когда онъ соглашался жить у кого нибудь въ домѣ, и обѣдать за однимъ столомъ; то за сіе снисхожденіе хозяинъ обязанъ былъ изходатайствовать ему у Двора награжденіе, или нѣсколько тысячъ экю пенсіона; для Шамфора это ничего не значило.

„Люди сіи — сказалъ онъ Флоріану — должны мнѣ доставить двадцать тысячъ ливровъ годоваго дохода: менѣе никакъ не соглашусь принять.“ — Но вообще всѣхъ знатныхъ онъ ругалъ безъ милосердія, и когда увидѣлъ, что чинамъ ихъ и богатству угрожаетъ неминуемая гибель, когда увидѣлъ, что они ни въ чемъ уже полезными ему быть не могутъ, — въ то время явно разорвалъ съ ними связи и присталъ къ сторонѣ народа.

Въ нашихъ бесѣдахъ мы иногда пріятно забавлялись колкими его шуутками. Я не любилъ Шамфора; обходился съ нимъ осторожно, не желая его имѣть своимъ пріятелемъ.

Нѣкогда Шамфоръ и я остались одни въ Луврѣ послѣ Академическаго засѣданія. — „Вы не выбраны Депутатомъ?“ спросилъ онъ. — Нѣтъ — я опвѣчалъ — и упѣшаюсь подобно лисицѣ, которая не могла достать виноградныхъ ягодъ: — онъ еще не зрѣлы. — „Это правда — подхватилъ Шамфоръ — я и самъ думаю, что онъ для васъ еще зелены. Вы имѣете душу нѣжную, чувствительную, не способную для настоящаго опыта. Лучше побережь васъ для другаго случая. Умѣя созидать, вы не способны дѣлать прошивное, но если — разрушать.“

Я зналъ, что Шамфоръ былъ другъ и наперсникъ извѣстнаго Мирабо, начальника республиканской партіи. Мнѣ хотѣлось давно развѣдать объ ихъ намѣреніяхъ. Чтобы завести его въ разговоръ, я припворился, будто не понимаю, и сказалъ: „Вы меня ужасаете, напоминая объ разрушеніи; мнѣ кажется, что хотятъ только исправить.“

„О! конечно! — отвѣчалъ Шамфоръ — однакожь не рѣдко поправки бывають причиною разрушенія: можно ли ручаться, что стѣна не повалится, когда бьютъ по ней молотомъ? Говоря искренно, зданіе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, такъ обвѣ-“

шло, что ни мало не мудрено, если разла-
маюшъ его до основанія.“ — До основанія! —
вскричалъ я: — „По чему же нѣтъ?“ —
отвѣчалъ Шамфоръ — „попомъ опять по-
спросятъ по плану новѣйшему, не гошиче-
скому. Какая бѣда, на примѣръ, если бу-
детъ въ немъ менѣе закоулковъ, если оно
построено будетъ объ одномъ только
жильѣ? Какая бѣда, если переспанутъ го-
воришь о сѣпельствахъ, превосходитель-
ствахъ, шишулахъ, гербахъ, дворянствѣ,
мѣщанствѣ, высшемъ и низшемъ духовен-
ствѣ?“ Я далъ замѣнить, что равенство
всегда было мечпою Республикѣ, приман-
кою суетности, и что уравненіе состо-
яній есть дѣло невозможное въ обшир-
номъ Государствѣ; что кпо хочеть уни-
чтожить все, токъ переспупаетъ за че-
ршу понятія народнаго, и дѣлаеть болѣе;
нежели народъ шребуеть.“

„Хорошо! — отвѣчалъ Шамфоръ — на-
знаешь ли народъ, чего онъ хочеть? Его
заставятъ хотѣть, заставятъ говорить
то, о чемъ онъ совѣмъ не помышлялъ.
Народъ подобенъ большому спаду, копорое
думаетъ только о кормѣ, и копорое идетъ
туда, куда ведетъ его паспухъ, съ помо-
щью вѣрныхъ собакъ своихъ. Сверхъ того,
дѣло состоитъ въ ея благополучіи; ибо, ска-

зашь правду, дорогой прѣятель, ваше бого-
служеніе, ваше правленіе, обычаи, старин-
ные предразсудки — все никуда не годит-
ся, все дѣлаешь спыдъ? нашему просвѣщен-
ному вѣку: И такъ, для начертанія но-
ваго плана надобно очиспить мѣсто.“

Очиспить мѣсто! а престолъ? а жерт-
венникъ?

„И престолъ и жертвенникъ — отвѣ-
чалъ Шамфоръ — обрушатся въ одно вре-
мя; это двѣ опоры, которыя поддержи-
ваются одна другою, съдвинуты и пада-
ющъ объ вѣснѣ.“

Я старался скрывать впечатлѣніе,
которое сдѣлала во мнѣ сія довѣренность,
и желая завесити его еще далѣе, сказалъ:
Вы говорите о такомъ предпріятіи, кото-
рое содержишь въ себѣ болѣе неудобствъ,
нежели способовъ.

„Повѣрите мнѣ — отвѣчалъ онъ —
что всѣ неудобства предусмотрѣны, всѣ
способы вычислены.“ — Тутъ я узналъ,
что партія республиканская основывается
свои виды на характеръ Короля, ха-
рактеръ кропкомъ, не перящемъ на-
силствъ — на нынѣшнемъ сословіи духо-
венства, въ которомъ, по словамъ Шам-
фора, осталась не много добродѣтелей безъ
дарованій, и не много дарованій, безъ
ображенныхъ пороками, — наконецъ, на

нынѣшнемъ сословіи первостепеннаго дворянства, въ которомъ весьма не много осталось людей, достойныхъ своего званія. А болѣе всего, среднее сословіе — мѣщанство и поселяне — полагается само на себя. Сіе сословіе, съ давняго времени угнетаемое самовластіемъ неограниченнымъ, имѣетъ передъ другими преимущество не только въ многолюдствѣ, но и въ совокупности, въ рѣшимости, въ отважности. — „Всеобщая досада и негодованіе — продолжалъ Шамфоръ — составили пучу, которая готова грянуть; вездѣ соединились скопища, вездѣ умы въ напряженіи; по первому знаку, коимъ данъ будетъ изъ Дофинской провинціи, все Королевство объявитъ свои требованія на свободу; провинціи заключили союзъ, сношенія между ними производятся съ неусыпною дѣятельностію; духъ республиканскій изъ Парижа, какъ изъ средоточія, разольетъ свѣтъ свой и теплоту на всѣ города окрестные: вопль нынѣшней положеніе дѣлъ. Не уже ли скажете, что мѣры сіи не прочны?“

Я признался, что всѣ сіи предположенія не маловажны, но прибавилъ къ тому, что большая часть народа Французскаго, увидѣвъ, сколь далеко простираются вводимыя перемѣны, никакъ не захочетъ восстать противъ законовъ своего

опечества, противъ коренныхъ постановленій Монархическаго правленія.

Шамфоръ согласился, что многіе граждане — лежебоки, которые неподвижно сидятъ въ домахъ своихъ и конторахъ — почти дерзкими, переменны, нарушающія покой ихъ и удовольствіе. „Люди сіи — продолжалъ онъ — робко и въ молчаніи спануть не одобрятъ реформу; но другіе отважнѣйшіе, которые при переменахъ не теряютъ ничего, а выигрываютъ много, испугавшись ихъ и преклоняютъ на свою сторону. Есть сильныя средства для возпламененія мятежа въ народѣ: нужда, голодъ, деньги, страхъ, изступленіе, бѣшенство — вотъ чѣмъ можно вскружить головы. Вы до сихъ поръ считали нашихъ мѣщанъ пустомелями; знайте же, что всѣ Парламентскіе Ораторы ничего не значатъ въ сравненіи съ Демосенами, проповѣдующими въ питейныхъ домахъ, на площадяхъ, на гульбищахъ и на улицахъ о грабительствахъ, о пожарахъ, о разореніи деревень, о пролитіи крови, о шайкахъ, которыя запрутъ Парижъ и произведутъ въ немъ голодъ. Вотъ прямо люди краснорѣчные! А особливо деньги и надежда обогатиться грабительствомъ суть самыя побудительнѣйшія причины для возмущенія черни. Мы видѣли враньѣрь

тому въ предмѣспіи Св. Антонія ; вы не можете повѣрить, какъ мало стоило Дюку Орлеанскому склонить чернь къ разоренію фабрики добраго Ревельйона, которой доставлялъ пропитаніе цѣлой семьействѣ той же самой черни. Мирабо говорилъ правду, что одною тысячею луидоровъ можно сдѣлать прекрасной мятежъ.“

И такъ — сказалъ я — ваши записки суть не что иное, какъ заодѣйство, ваши войны — разбойники.

„Конечно — отвѣчалъ Шамфоръ съ холодноестію. Что же сдѣлали бы вы съ народомъ, пвердя ему о чеспи и справедливости? Чеспные люди слабы, самолюбивы ; одни бездѣльники отважны и рѣшительны. Народъ имѣетъ на своей сторонѣ ту выгоду при революціяхъ, что не удерживается нравственностію. Какъ успоятъ прошивъ людей, которые почипаютъ всѣ средства позволенными? Мирабо правъ: ни одна изъ старинныхъ добродѣтелей не можетъ быть для насъ полезною ; онѣ или не надобны народу, или надобны совсѣмъ другія. Все то есть *гестно*, что нужно, что полезно для Революціи: вотъ главное правило!“

Можетъ быть, это главное правило Дюка Орлеанскаго — отвѣчалъ я. Впрочемъ, я не знаю, кромѣ его, другаго начальника

для мятежниковъ, хошя, сказать правду, имѣю не весьма выгодное мнѣніе объ его мужествѣ.

„Ваше мнѣніе справедливо — отвѣчалъ Шамфоръ: Мирабо, которой очень хорошо знаешь Дюка, увѣряетъ, что на него совѣмъ не лъзя положиться. Но Дюкъ объявилъ себя преданнымъ народу, носитъ значное шипло, обладаетъ милліонами ливровъ, ненавидитъ Короля, и еще болѣе Королеву; если бы и въ самомъ дѣлѣ недоспадало въ немъ мужества, то онъ по неволѣ сдѣлается отважнымъ. Между народомъ найдутся неустрашимые предводители, а особливо въ то время, когда узнаютъ, что сдѣлали дурное дѣло; не лъзя уже будетъ опспунать назадъ, когда увидятъ за собою эшафоны. Ужасъ и опчаяніе поселяютъ храбрость въ народѣ. Многочисленные сообщники, соединясь вмѣстѣ, сдѣлаются страшными. Я вижу, что мои надежды смущаютъ васъ: вы не хотите вольности, которая стоить много крови и денегъ. Вы вѣрно желаете, чтобы розовою водою дѣлались революціи?“

Симъ кончился нашъ разговоръ, и мы распались — онъ безъ сомнѣнія оставилъ меня съ презрѣніемъ къ ничтожнымъ мѣнямъ препятствамъ, а я весьма былъ недоволенъ высокомѣрнымъ его нечеснымъ

Несчастный самъ себя наказалъ: онъ зарѣзался, узнавъ свои заблужденія.

Въ ночь же вечеръ я увѣдомилъ о нашемъ разговорѣ Аббата Мори, который сказалъ мнѣ: „Сущая истина, что они не обманулись въ своихъ разчетахъ, и что партія выбрала для дѣйствій своихъ самое удобнѣйшее время. Я наблюдалъ обѣ стороны, и принялъ твердое намѣреніе погибнуть на проломѣ; но знаю и не сомнѣваюсь, что крѣпость будетъ взята и предана на разхищеніе.“

II.

Первый Институтъ въ Россіи для воспитанія дѣтей глухо-нѣмыхъ отъ рождения.

Во многихъ Государствахъ заведены Училища для воспитанія дѣтей глухо-нѣмыхъ отъ рождения. Славный Аббатъ де л' Эпе, подавъ къ тому поводъ, заслужилъ признательность попомства. Теперь въ Европѣ считается болѣе двадцати Училищъ и Институтовъ, въ которыхъ несчастныя дѣти готовятся быть полезными членами общества и участвовать въ его выгодахъ.

Въ Испаніи и Италіи прежде всѣхъ начали писать о глухо - нѣмыхъ, хотя въ сихъ странахъ теперь не много находится такихъ Институтовъ. Въ Мадридѣ заведено и содержится на Королевскомъ издѣвленіи одно Училище, которое по новости своей еще не достигло до цвѣтущаго соспоянія; въ Генуѣ есть подобное заведеніе; но въ немъ считается только шесть питомцевъ. Въ Веронѣ ученый *Вентури* хочетъ завести Институтъ для глухо - нѣмыхъ. Въ Римѣ Училище *Сильвестра* пришло въ совершенной упадокъ.

Въ Швейцаріи революція заставила ревностнаго Ульриха покинуть свое заведеніе; сей неупомимый человекъ теперь старается о восстановленіи онаго.

Въ Австріи Училища для глухо - нѣмыхъ доведены до возможнаго совершенства. Вѣнскій Институтъ считается первымъ въ Европѣ; въ немъ воспитывается шестьдесятъ дѣтей подъ управленіемъ Г-на Мая, извѣстнаго по своимъ дарованіямъ, усердію и отличными свойствамъ душевнымъ. Ученикамъ преподаются правила Вѣры, Нравственности, Арифметики, Географіи и проч.; а нѣкоторыхъ учатъ ремесламъ, смотря по ихъ склонностямъ. Молодые воспитанники, вышедъ изъ Училища, опредѣляются въ Канцеляріи, въ

купеческія конторы, въ типографіи и къ ремесленнымъ заведеніямъ. Большая часть изъ нихъ выучивается говорить довольно вразумительно.

Послѣ Вѣнскаго Института первое мѣсто занимаетъ Вайпценское Училище, въ Венгріи, основанное Францомъ II, нынѣ содержимое на иждивеніи Венгерскаго Шляхетства. Сумма Училища въ три года отъ добровольныхъ пожертвованій возрасла до 80,000 рейхс-талеровъ. Число питомцевъ простирается до тридцати, коими управляетъ Г. Семномъ, ученикъ Мая.

Прагское Училище глухо-нѣмыхъ бытіемъ своимъ обязано Аббату Доминику Геру. Одинъ изъ его питомцевъ, Вейсбахъ, такіе оказалъ успѣхи, что при опытныхъ испытаніяхъ говорилъ рѣчи къ публикѣ.

Въ Минхенѣ заведено подобное Училище. Въ Лейпцигѣ Институтъ глухо-нѣмыхъ, одинъ изъ старшихъ въ Европѣ, началомъ своимъ обязанъ покойному Г. ну Гейнеке, котораго вдова, вмѣстѣ съ Г-мъ Пешшке, теперь его содержитъ. Учениковъ считается семнадцать; большая часть изъ нихъ изъясняется довольно вразумительно; нѣкоторые по движенію лица угадываютъ, что говорятъ имъ.

Въ Пруссіи одинъ только есть Институтъ глухо-нѣмыхъ, въ Берлинѣ, подѣ управленіемъ Профессора Эшке, копорой изобрѣлъ способъ въ темнотѣ говорить съ глухо-нѣмыми, чрезъ написаніе перстомъ на спинѣ литеръ алфавита.

Швеція, впрочемъ богатая полезными заведеніями, до сихъ поръ еще не имѣетъ Института для глухо-нѣмыхъ.

Въ Областяхъ Датскихъ, въ Килѣ, заведено публичное Училище для глухо-нѣмыхъ, копорымъ управляетъ ревностный и скромный Г. Пфингстенъ. Слава мужа сего такъ разпространилась, что даже изъ Сѣверной Америки присылаютъ къ нему дѣтей для воспитанія. Почти всѣ его ученики говорятъ ясно и по движенію лица значеніе словъ угадываютъ. Между собою они разговариваютъ посредствомъ знаковъ. Скоро въ Копенгагенѣ откроется большое Училище сего рода. Докторъ Кастбергъ, по препорученію ошъ правительсва, осмотрѣлъ всѣ заведенія для глухо-нѣмыхъ въ Европѣ, и собралъ важныя по сему предмету замѣчанія, копорыя при основаніи новаго Института должны служить руководствомъ.

Въ Голландіи; Англіи и Шотландіи есть также по одному Институту.

Во Франціи, Институтъ глухо-нѣмыхъ въ Бордо обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ путешественниковъ. Онъ основанъ Епископомъ Сисе, подъ надзираніемъ *Сикара*, и находится теперь подъ управленіемъ *Сен-Серненя*. Изъ сего Училища вышло уже двадцать девять питомцевъ, которые не только сдѣлались полезными членами общества, но еще имѣютъ способы жизни выгодно и съ удовольствіемъ. Одинъ изъ нихъ, сынъ богатаго купца въ Бордо, по дѣламъ отца своего ведетъ заграничную переписку. — Въ Парижѣ равнымъ образомъ посѣщатели удивляются Училищу глухо-нѣмыхъ; имя славнаго *Сикара*, ея начальника, будетъ вписано въ книгу безсмертія.

Россія до сего времени не имѣла подобнаго Института. Славное начало царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ознаменовано чрезвычайными пожертвованіями патриотическими. Принсенія на пользу общую сдѣланныя въ печеніе чешырехъ лѣтъ украсили бы жизнь Государя долговѣчнаго, и могли бы служить достаточнымъ свидѣтельствомъ для потомства, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась Имперія, какимъ блаженствомъ наслаждались подданные, какой духъ и образъ мыслей господствовали въ гражданахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ благо-

устроенномъ Государствѣ не должно предполагать недостатка въ деньгахъ для общественныхъ заведеній; но казна можетъ быть богата, можетъ разпочать суммы на вѣковыя зданія, между тѣмъ какъ граждане терпятъ нужду, и часъ отъ часу бѣднѣютъ. Напрошивъ того, гдѣ частные люди охотно отдають милліоны для блага и славы своего отечества, тамъ Корона всегда богата, и не можетъ быть бѣдною. Гдѣ Шереметевы строятъ Дома страннопріимныя, Демидовы и Урусовы созидаютъ Училища высшихъ Наукъ и обогащаютъ Университеты; тамъ казна Государственная конечно не нуждается въ средствахъ содержать войска, укрѣплять границу, ободрять Науки и Художества. Еще одинъ благодѣтель спраждающаго человечества является на сценѣ мѣра. Тайный Совѣтникъ, Сенапторъ и Кавалеръ Графъ Августъ Илѣнскій, обративъ свое вниманіе на то, что въ нашемъ Отечествѣ недостаетъ еще Института для воспитанія глухо-нѣмыхъ, опредѣлилъ пожертвовать часпю своего имени на заведеніе столь полезнаго Училища въ мѣстечкѣ своемъ Романовѣ, въ Волынской Губерніи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы несчастные могли находить облегченіе въ своемъ сосущаніи и средства заботливъ

съ помощію искусства то, въ чемъ Природа имъ отказала. Въ Институтъ принимаемы будутъ дѣти обоюго пола Христианскаго исповѣданія; одна часть изъ нихъ будетъ воспитываться на иждивеніи Основателя, другая процентами на суммы, которыя каждому взносить позволяется, а третья на счетъ ихъ особъ, которыя заключая съ Директоромъ. Графъ Илинскій предполагаетъ содержать на своемъ иждивеніи пятьдесятъ пиномцевъ. Ихъ всѣхъ стануть учиться чтенію, писанію, способамъ изъясняться, Геометріи, какъ таковой наукѣ, котораю осиритъ понятіе, Рисованью, Живописи и Бухгалтеріи; имъ покажутъ разныя машины и физическіе инструменты, чіобы захопитъ ихъ стараться объ усовершенствованіи своихъ способностей; кромѣ того ихъ будутъ занимать Закономъ Божіимъ и Моралю. На заведеніе и основаніе Института Графъ Илинскій опредѣляетъ одинъ миллионъ злотыхъ Польскихъ (150,000 серебряныхъ рублей), изъ которыхъ 400,000 злотыхъ употреблены будутъ на построеніе дома для Института, на покупку библіотеки, механическихъ моделей, физическихъ инструментовъ и разныхъ хозяйственныхъ орудій, и на путевыя издержки Директоровъ и Учите-

лей, которые вызваны будутъ Основашель-
лемъ; а получаемые съ 600,000 золотыхъ
проценты обращены на содержаніе Ин-
ститута по особо сочиненному штату.
Достопочтенный Основашель представилъ
Акта объ Институтѣ на Всевысочайшее
подтвержденіе. МОНАРХЪ одобрилъ чело-
вѣколюбивый подвигъ Основашеля, изъ-
явилъ ему милостивое Свое благоволеніе,
утвердилъ спашьи Акта, и повелѣлъ
Министру народнаго просвѣщенія, когда
си предположенія произведены будутъ въ
дѣйство, донести СЕБѢ для изъясненія
Учрежденію особливаго вниманія. Такъ
изображено въ Высочайшемъ Рескриптѣ къ
Графу Илинскому, подписанномъ державною
рукою ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.

III.

Клодъ - ле - Лорренъ.

Клодъ - ле - Лорренъ есть одинъ изъ тѣхъ
необыкновенныхъ феноменовъ въ мірѣ, ко-
торые служатъ доказательствомъ, что
многіе люди, проведшіе жизнь свою въ
мрачной неизвѣстности, были бы перво-
классными Гениями, еслибъ случай поста-
вилъ ихъ на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ

ихъ склонностямъ. Сей великій Архистрофъ сперва былъ дурнымъ пирожникомъ. Случай ведетъ его въ Римъ; случай опредѣляетъ его въ услуженіе къ одному посредственному Живописцу, коимъ преподаетъ ему нѣсколько наставленій о перспективѣ, надѣясь имѣть въ немъ помощника для своей работы. Лоррень трудится съ великимъ прилѣжаніемъ, но не охотно, безъ удовольствія; Художникъ ободряетъ его наградою; Лоррень, побуждаемый надеждою пріобрѣтенія, употребляетъ новыя усилія. Вдругъ спадаетъ завѣса съ ума его; онъ проникаетъ сокровеннѣшія тайны Природы; цѣлые дни проводитъ въ полѣ; срисовываетъ сельскіе предметы, живописуетъ ихъ, затверживаетъ наизусть, замѣчаетъ измѣненія свѣта въ разные часы дня, и разсуждаетъ о дѣйствіяхъ онаго по законамъ физическимъ. Такимъ образомъ, безпрестанно учась, безпрестанно размышляя, наконецъ достигаетъ того совершенства въ изображеніи сельскихъ видовъ, которое даетъ ему первое мѣсто между Живописцами всѣхъ націй. Слава его, возрастая со дня на день послѣ его смерти, и нынѣ еще болѣе и болѣе разпространяется. Опиличительныя черты его таланта суть: единственное искусство въ изображеніи воздушной перспективы, пре-

восходство въ начертаніи отдаленнаго пространства, совершенство въ подражаніи естественному свѣту, а особливо непринужденная точность въ представленіи гармоніи Природы.

Онъ не спарался изображать чрезвычайныя движенія, разительныя противоположности, изумляющіе предметы — все сіе не соспавляетъ еще самой большей трудности въ Живописи. Лоррень отважился представить на картинахъ моменты самыя трудныя. На чистомъ, безоблачномъ горизонтѣ онъ пишетъ солнце, возносящееся изъ морской пучины; представляетъ его во всемъ величїи на срединѣ дневнаго пучи сыплющимъ яркій огонь на обширныя сельскія окрестности. Лоррень особливо отличаетъ тѣмъ, что кисть его изображала однѣ мѣстоположенія героическія, виды величественныя, картины прекраснѣйшія, и изображала съ такою точностію, что въ его творенїяхъ находимъ живой портретъ Напуры. Симвъ превосходствомъ онъ обязанъ прелестнымъ мѣстамъ, которыя имѣлъ передъ глазами, и особливому дарованію списывать видимые предметы. Странно, что Живописецъ, котораго никто не превзошелъ въ изображеніи величественныхъ видовъ сельскихъ, не умѣлъ населять поля свои

достойными жителами. Иногда самъ онъ писалъ фигуры человѣческія, иногда поручалъ другимъ. Художникамъ писалъ ихъ; но, къ сожалѣнію, сіи фигуры не соотвѣтствуютъ мѣстоположеніямъ, которыя достойны имѣть жителями своими героевъ, мудрецовъ, или древнихъ пастуховъ Пуссеновыхъ. Лорренъ съ неменьшимъ искусствомъ изображалъ удивительныя свои торскіе виды, по большей части приспани, рѣдко бури; онъ лучше умѣлъ чувствовать плѣнительную тишину Природы, нежели ея безпорядокъ, грозный и величественный.

Родъ сельской Живописи болѣе всякой другой дѣйствуетъ на душу и плѣняетъ воображеніе. Живописецъ сельскихъ видовъ конечно не представляетъ намъ богатыхъ украшеній, пышныхъ черпотовъ: за то онъ изображаетъ пастушескія хижинны, мирныя убѣжища, воздушныя пространства, дневное свѣтило и зарю и ночь; онъ изображаетъ деревья, сіи драгоценныя произведенія Натуры, гордящіяся высокими своими верхами и украшающія землю въ продолженіе столѣтій.

Человѣкъ, живущій въ большомъ городѣ, въ заточеніи, далеко отъ Натуры, кажется осужденнымъ никогда ее не видѣть. Живопись является ему и утѣ-

шаеѣ въ изгнаніи; разрушаеѣ окружающія его сѣѣны, и указываетъ на прелестныя виды сельскіе; онѣ слышитъ паспущескія свирѣли, видитъ ручьи, поля, жазву, спада, луга изощренныя цвѣтами; сиза въ своей темницѣ, онѣ видитъ восходящее солнце. И какой Живописецъ имѣеѣ большее право на нашу благодарносѣ! Кто, лучше Лоррена, умѣеѣ переноситъ насѣ подѣ пѣѣ кудряваго дерева, на пустынный берегъ озера чистаго, свѣтлаго, подобнаго небесамѣ, отражающимся въ водахѣ его? Кто лучше Лоррена изображаеѣ намѣ чистой воздухѣ, которымѣ, живучи въ городѣ, не можемѣ освѣжашься, — представляеѣ намѣ невинносѣ и спокойствіе, обитающія въ сельскихѣ убѣжищахѣ, о которыхѣ одно воспоминаніе льеѣ въ душу тихіе воспорги?

Молодые Художники! если вы оцущаеѣе удовольствіе, изображая сельскіе предметы, если вы при рожденіи своемѣ получили сию склонносѣ, сей священныи огонь, пылающій въ душахѣ великихѣ Артистовѣ, — оставьѣе мрачныя, пѣсныя училища! Что значатѣ всѣ уроки школьныя въ сравненіи сѣ необозримыми сокровищами Природы? что значитѣ школьной языкѣ въ сравненіи сѣ ея высокимѣ глаголомѣ? Спупайѣе на поля; сѣѣшѣе къ

подошвамъ горъ : тамъ только найдете
 испинныя правила изящности; тамъ вездѣ
 увидите черты, проведенныя вѣчною Дес-
 ницею; тамъ господствуетъ величїе, раз-
 мѣръ, согласїе; тамъ, при возрѣнїи
 на божественныя картины, одушевитесь
 ревностїю, и безъ усилїй превзойдете
 всѣхъ Художниковъ; ступая по слѣдамъ
 Клода - ле - Лоррена, можете быть вы,
 подобно ему, прославитесь и предадите
 имена свои безсмертїю.

Телассонъ.

IV.

Осмень.

(Аллегорїя.)

Осмену должно было отправиться въ путь
 дальнїй. — Онъ всталъ рано по утру, пу-
 спился по цвѣтущимъ, плодоноснымъ
 равнинамъ Счастливой Аравїи, и шелъ
 поспѣшно, подкрѣпляемый желанїемъ и на-
 деждою. Ему казалось, что уже видишь
 вдали мѣсто своего назначенїя. Наступилъ
 полдень. Зной солнечной началъ уменьшать
 его силы. Упомленной взоръ его искалъ
 убѣжища, гдѣ бы укрыться онъ паля-
 щихъ лучей дневнаго свѣтила. Тутъ уви-

дѣль онѣ на правой сторонѣ кудрявой лѣсѣ; зеленыя вѣтви его тихо колебались отъ дыханія Зефировъ и, казалось, звали его подѣ тѣнь свою. Осменѣ радовался, нашедши облегченіе въ тягостномъ пути своемъ; пошелѣ по пріятной тропинкѣ чрезъ лѣсѣ, и часто останавливался слушать пѣніе птицъ, или рвали цвѣты и плоды, попадавшіеся ему на дорогѣ.

Осменѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился въ недоумѣніи. Онѣ не зналъ, идти ли по тропинкѣ, которая была ему совсѣмъ незнакома. Благоразуміе, по видимому, требовало проливнаго. Представивъ себѣ, что жарѣ сдѣлался несноснымъ, и что дорога была покрыта пылью, притомъ разполагаясь видѣти опять на большую дорогу, какъ скоро будетъ нужно, онѣ рѣшился идти туда, куда поведетъ его излучистая дорожка. Скоро сія цвѣтущая тропинка переплелась со многими другими въ долину, усѣянной холмами, покрытой кустарниками, раздѣляемой извивающимися ручейками, которые пересѣкали другъ друга. Осменѣ раскаивался въ томъ, что дорогу неизвѣстную предпочелъ дорогѣ вѣрной. Слѣдствія неблагоприятной рѣшимости начали беспокоить путешественника; опасеніе заблудиться возмущало его разумъ; онѣ

останавливался при малѣйшемъ шумѣ и взбирался на высокіе холмы, чтобъ увидѣть поле. Всякой новой предметъ подкрѣплялъ въ немъ надежду, или увеличивалъ страхъ его; часы нечувствительно протекали. Между тѣмъ, какъ Осменъ терзался разными чувствами, копорыя одно за другимъ рождались въ его сердцѣ, небо покрывалось мракомъ; густыя облака собираются надъ его головою; темная ночь останавливаетъ шаги его; онъ не можетъ различать предметовъ, блуждаетъ по лѣсу, сто разъ возвращается назадъ; дорога исчезаетъ.

Вѣтеръ воевъ, отдаленной громъ раздается въ пространствахъ воздушныхъ и съ ужаснымъ грохотомъ на пламенныхъ крылахъ молніи долетаетъ до ближняго дуба. Ночная птица издаетъ пронзительные крики, тяжелымъ полетомъ разсѣкаетъ густоту облаковъ, садится на кипарисное дерево, и ударомъ крыла своего колеблетъ печальныя вѣтви, глухой шумъ производящія. Поплоти водные съ быстрой скоростью спремются въ долину. Дорога становится непроходимой. Дикіе звѣри, встревоженные грозою, бѣгаютъ по долину, и наполняютъ ее ужаснымъ ревомъ. Все предвѣщаетъ Осмену близкую, неизбежную змершь. Мысли его мяшутся; опракъ

ускоряетъ шаги его ; внезапно смертной прелепть разливается по его тѣлу ; холодной потъ лишаетъ его чувствъ ; глаза покрываются мракомъ ; ноги подгибаются ; силы оставляютъ его : онъ думаетъ , что уже видитъ передъ собою карпину погибели ; ему кажется , что слышитъ голосъ мертвыхъ , привѣтствующихъ приходъ его .

Между тѣмъ буря утихаетъ , слабой свѣтъ начинаетъ разливаться по голубому , усѣянному звѣздами своду , облака скрываются за горизонтъ . Тишина и ясность неба возвращаютъ чувства Осмену ; онъ вспадаетъ , поручивъ себя Опцу Природы , съ новыми силами , съ новою бодростію идетъ далѣе , и усматриваетъ въ густотѣ лѣса слабой свѣтъ , тошнотный изчезнувшій во мракѣ . Осмень направляетъ путь свой къ блестящей точкѣ , и приходитъ въ жилище пустынника , которой опворяетъ ему свою хижину . Узнавъ о причинахъ и обстоятельствахъ путешествія Осменова , пустынникъ далъ ему время подкрѣпить силы свои умеренною пищею и отдохновеніемъ . На другой день онъ вывелъ спранника на большую дорогу , и сказалъ ему : „Сынъ мой ! вчерашнія приключенія должны оставить въ твоей памяти и служить урокомъ на

„Прочее время. Жизнь человѣческая есть
 „дневной путь странника. На зарѣ моло-
 „дости, мы встаемъ съ веселымъ, радост-
 „нымъ сердцемъ; неперпѣливо желая до-
 „стигнуть долины отдохновенія, вступаемъ
 „на большую дорогу, идемъ съ на-
 „деждою и бодростію. Мало по малу жаръ
 „нашъ просыхаетъ, спраски усыпаютъ
 „нашъ путь острыми камнями. Дорога
 „кажется намъ шороховатою, трудною;
 „усталость спрашиваетъ насъ; мы желаемъ
 „найти дорогу покойнѣйшую, чтобы до-
 „стигнуть нашего назначенія. Тогда по-
 „рокъ въ пріятномъ видѣ представляетъ
 „намъ прелестныя пропинки, копорыя, ка-
 „жутся, освобождаютъ насъ отъ труда.
 „Иди по большой дорогѣ. Въ полной увѣ-
 „ренности на свою твердость, мы безпр-
 „ветно шествуемъ по симъ опаснымъ из-
 „вилинамъ, рѣшась оставить ихъ при
 „первомъ случаѣ, какъ скоро примѣнимъ,
 „что онѣ удаляютъ насъ отъ цѣли; но
 „нечувствительно исчезаетъ бодрость на-
 „ша, и мы бываемъ окружены безчислен-
 „ными опасностями. Напрасно хотѣли бы
 „мы успокоиться въ лавиринѣ слад-
 „острастія, или въ вихрѣ удовольствій.
 „Ударъ за ударомъ поражаетъ насъ. Мы
 „открываемъ глаза свои, и видимъ ужас-
 „ную пропасть, опверзшую передъ нами

„Счастливы́ шотъ, кого благодѣпельная ру-
 „ка отвлекаетъ отъ бездны, и выводитъ
 „на истинной путь добродѣтели!

„И такъ, сынъ мой, чтобы не спра-
 „шитъся ничего, будь добродѣтеленъ.
 „Идучи по узкой, не гладкой дорогѣ жиз-
 „ни, старайся, чтобы сердце твое было
 „въ состояннн сказать: не спрашишь ни-
 „чего, иди предъ очами Бога, всеобщаго
 „Отца челоуѣковъ, иди съ сыновнимъ упо-
 „ваннємъ, съ сердечнымъ расположеннємъ
 „угождашь Виновнику дней своихъ.“

Съ Француз. Бор. Палицынъ.

V.

Лѣто ().*

Знойное лѣто весна увѣнчала
 Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцомъ,
 Липова роща, какъ жаръ, возблистала,
 Вкругъ меда листомъ.

Жолтые грозды, сквозь листь протираясь,
 Запахомъ, рдяномъ Нимфъ сельскихъ манящъ;

(*) Авторъ не подписалъ своего имени —
 это и не нужно. Читатели узнаютъ Рос-
 сійскаго Барда по напѣву. *Изд.*

Нивы и травы, косою озаряясь,
Какъ волны шумяшъ.

Стекляныя рѣки лучемъ полудневымъ
Жидкому злату подобно текушъ;
Кравы и овцы съ млекоу накопленнымъ
Подъ кущи бѣгутъ.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья повѣся подъ хврасномъ сядяшъ;
Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
Пѣетъ, ищетъ отрадъ.

Видишь ли, Дмитревъ! всего изобилъе,
Самое благо какъ можетъ быть зломъ;
Счасъе и нѣга, разума крылья
Сплошь давяшъ ярмомъ.

Въ домъ живъ лѣтомъ въ раю ты не-
бесномъ
Близко Сызрани въ помѣстѣ съ опцомъ,
Мню я, лѣнишься, пѣть въ хорѣ прелестномъ,
Цвѣешь Музъ подъ вѣнцомъ.

*О причинахъ низложенія Никона,
Московского Патріарха.*

(Окончаніе.)

Никонъ, достигши до высочайшей степени достоинства, построилъ для себя новыя палаты въ Кремль, началъ жить весело и роскошно, и въ разговорахъ иногда себѣ позволялъ невиннымъ образомъ шутить съ пригожими женщинами — по крайней мѣрѣ такъ шутить о немъ Олеарій, выхваляя умъ его и пріятность въ обхожденіи. Впрочемъ, это мудро согласить съ его строгостію вразсужденіи музыки инструментальной, которую почиталъ опасною для благонравія. По его приказанію, музыкальныя орудія отобраны во всѣхъ публичныхъ и частныхъ домахъ, и сожжены на площади. Одинъ Никита Ивановичъ Романовъ — Юрьевъ, родственникъ и любимецъ Царскій, могъ удержатъ у себя музыку и ею забавляться. Сей Бояринъ не во всемъ слушался Патріарховъ, и отваживался иногда спорить съ ними.

Мы обязаны Никону извѣстною Русскою Лѣтописью, которую Г. Шлецеръ назвалъ Никоновскою, потому что сей Патріархъ оставилъ на ней собственноруч-

ную надпись. Впрочемъ, Сочинитель, или лучше сказать, Собиратель сей Лѣтописи неизвѣстенъ; знаемъ только, что она доведена до 1650 го года, и почти во всемъ сходствуетъ съ большимъ, или Папріаршескимъ спискомъ. Тапищевъ замѣчаетъ, что Никонъ выбросилъ и перемѣнилъ мѣста, соотвѣтственно образу своихъ мыслей и честолюбивымъ своимъ видамъ: гдѣ, на примѣръ, въ прочихъ Лѣтописяхъ было: *Посла Князь, или повелѣ Князь Митрополиту или Еписколу; шупъ поставлено: и моли Князь отца своего Митрополита или Епископа.* Никонъ имѣлъ осторожность предать анаѣмъ того, кто дерзнулъ бы дѣлать перемѣны въ его книгѣ; это видно изъ надписи, начертанной на спискѣ въ 1661 мѣ году, во время его пребыванія въ Воскресенскомъ монастырѣ, спустя три года по оставленіи Папріаршаго престола.

Нельзя точно опредѣлить времени; съ котораго началось несогласіе между Государемъ и Папріархомъ; явную вражду ихъ надлежитъ относить къ 1658 му году. По грамотѣ Царской, писанной 21 го Февраля слѣдующаго года, Полоцкому Богоявленскому монастырю велѣно состоять подъ начальствомъ Каллиста, Епископа Полоцкаго и Витепскаго, вопреки

граматѣ Папріарха Никона, принявшаго, за годъ передъ тѣмъ, упомянутый монастырь подъ непосредственное свое вѣдомство. Замѣтимъ различіе въ понѣ сего Первосвященника. *Смиранный* Никонъ въ увѣщаніи къ духовнымъ и мѣрскимъ всякаго сосшоянія людямъ, писанномъ въ 1656 мѣ году о предосторожностяхъ отъ моровой язвы, именуетъ себя проспо Архіепископомъ Московскимъ и Папріархомъ всея Россіи; напрошивъ того *высокомѣрныи* Никонъ въ граматѣ на Ставропигію Полотскаго Богоявленскаго монастыря превозноситъ себя *Великимъ Государемъ, Святѣйшимъ* Никономъ, Архіепископомъ Московскимъ, всея Россіи, *всея Сѣверныя страны и Поморія и многихъ Государствъ Патріархомъ*, и повпоряетъ по крайней мѣрѣ пять разъ шило *Великаго Государя*. При другихъ обстоятельствахъ это не должно бы насъ останавливать: Цари въ Граматахъ своихъ не рѣдко именовали Папріарховъ Великими Государями. Какъ бы то ни было, но, по низверженіи Никона, Папріархи имѣли шило уже не Государя, но *Великаго Гослодина* — ссылаемся на старинныя записки и бумаги, напечатанныя въ древней Россійской Вивліюекѣ.

Повѣствованіе объ умысленныхъ, явныхъ оскорбленіяхъ начнемъ съ *амекдони*,

дошедшаго до насъ черезъ Тапищева. Трудно повѣрить, до какой степени спрасни могутъ ослѣплять человѣка. Слѣдующій примѣръ показываетъ странное власполюбіе. Одинъ Дворянинъ, осужденный за убійство на смертную казнь, подкупаетъ Духовника Царскаго изходапайспвовать себѣ прощеніе. Правосудный Государь отказалъ въ прозьбѣ ходатаю, копорой, разсвирѣпѣвъ, по нечестивому дерзновенію отлучилъ Порфироснаго Сына своего отъ пріобщенія Святыхъ таинъ. Монархъ, благоговѣя къ Религіи и уважая перваго ея Служилеца, просилъ Никона войни въ разсмопрѣніе сего дѣла; но Папріархъ оприся исполнилъ волю Государя, и тѣмъ нанесъ Ему крайнее огорченіе. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, предвидя, какія слѣдствія для Опечеспва можетъ имѣть сей поступокъ, поѣхалъ къ Духовнику, и угрожая ссылкой, принудилъ его не только разрѣшить Государя, но и просить у Него прощенія въ безразсудной дерзости. Царь взялъ себѣ другаго Духовника. Никонъ проклиналъ Долгорукаго; но по счастию, Князь не спрашился проклятія, злобою произносимаго.

Въ то время, когда война поглощала доходы государспвенные, когда по крайнему недоспапкѣ въ наличныхъ деньгахъ

правительство принужденно было ввести въ употребленіе монету мѣдную вмѣсто серебрянной, — Никонъ, выстроивъ и обогативъ монастыри Иверской и Крестной, основалъ еще новую Обитель, заложилъ большую каменную Церковь по образцу Иерусалимской, неутомимо занимался постройкою, и по большой части жилъ въ любимомъ монастырѣ Воскресенскомъ. Царь прислалъ къ нему ближняго своего человека съ извѣстіемъ о нашествіи Крымскихъ Татаръ на Русскую землю, и совѣтовалъ удалиться для безопасности въ Макаріевъ Колязинъ монастырь, укрѣпленный каменною оградою. Никонъ черезъ посланнаго вельѣ донести Государю, что „у него и безъ Колязина есть другіе монастыри крѣпкіе, а именно Иверскій и Крестный, что онъ лучше согласился сидѣть въ тюрьмѣ на Варварскомъ крестцѣ у Зачатія подъ горою, и что прежде всего самъ хочетъ видѣться съ Государемъ.“ Патриархъ того же дня прибылъ въ Москву, остановился уже не въ Кремль, но на Иверскомъ подворьѣ, и вельѣ отъ себя доложить Царю, что имѣетъ желаніе говорить съ нимъ, подасть ему миръ и благословеніе, и потомъ удалиться для безопасности отъ нашествія иноплемениныхъ. Государь, чувствуя правду его-

дованіе, хотѣлъ кончить дѣло черезъ думнаго Дьяка Алмаза Иванова; но Никонъ упреждалъ, что благословеніе заочное ничего не значить, и непремѣнно пребылъ аудіенціи, копорой слѣдствіемъ было дозволеніе Патрїарху опправиться въ дальніе монастыри Иверской и Крестинной. Царь пожаловалъ ему двѣ тысячи рублей на пупевыя издержки.

Такое поведеніе наконецъ должно было вывести изъ терпѣнія добраго Монарха. Довѣренность его и дружба къ Никону уступили мѣсто явному негодованію, которое и далъ онъ замѣнить Патрїарху по возвращеніи его въ Столицу, опмѣнивъ выходы свои въ Соборную церковь въ торжественные праздники. Государь каждой разъ присылалъ къ Патрїарху сказывать, чтобы его не ожидали. Гордый Первосвященникъ счелъ непростибельнымъ оскорбленіемъ сіи отказы, и наконецъ подъ ничтожнымъ предлогомъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, разпаленный неистовою яростію, совлекъ съ себя Архіерейскія одежды, оставилъ престоль свой и пашву, отрекся отъ Патрїаршества и пошелъ по грязи гвѣшкомъ на Воскресенское свое подворье. Встревоженный народъ провожалъ его съ рыданіемъ. Черезъ три дни онъ уѣхалъ на

простой шелегѣ въ монастырь Воскресенскій, не принявъ Папріаршей кареты, которую Царь послалъ въ слѣдъ за нимъ съ своимъ бояриномъ.

Тамъ, Никонъ снова предался жизни трудолюбивой; возложилъ на себя желѣзные вериги, упражнялся въ молитвахъ, изнурялъ себя строгимъ воздержаніемъ, носилъ кирпичи для строенія церкви, копалъ пруды, рубилъ дрова, косилъ сѣно, словомъ, участвовалъ во всѣхъ работахъ. Такіе подвиги не препятствовали опшельнику заговаривать непонятныя странности и покушаться на дѣла непозволенныя. Отказавшись отъ Папріаршества и зная, что храненіе престола поручено одному изъ Митрополитовъ, Никонъ не переставалъ священнодѣйствовать Архіерейски, посвящать Духовенство, разсылать грамоты; на молебнахъ проклиналъ Стольника Романа Бабарыкина (*), читая тексты изъ Псалмовъ Давидовыхъ: „да будетъ

(*) Государю донесено было, что Никонъ прокликаетъ его Особу. Для изслѣдованія сего, наряжены были духовные и свѣтскіе Сноуники; Никонъ объявилъ имъ, что Псалмы читаны были не объ Государѣ, но о Бабарыкинѣ, которой имѣлъ съ нимъ тяжбу за землю!

дворъ его пусть, а жена его вдова, и ча-
да его сироты,“ и тому подобные; жало-
вался, что Царь присвоиваетъ себѣ власть
духовную; прѣзжалъ въ Москву досаж-
дать Государю; увезъ изъ Собора жезлъ
Св. Петра . Митрополита, стоящій на
Папріаршемъ мѣстѣ; билъ и мучилъ лю-
дей по своей волѣ.

Надлежало принять рѣшительныя
мѣры. Въ 1660мъ году, почти два года послѣ
Никонова отреченія, Царь Алексій Михай-
ловичъ повелѣлъ составить Соборъ духов-
ной для разсмотрѣнія поступковъ необуз-
даннаго Первосвященника. Поданы были
голоса, что безъ Вселенскихъ Папріарховъ
Соборъ не можетъ судить своего Пастыря.
Черезъ шесть лѣтъ, по приглашенію отъ
Царя, прибыли въ Москву два Папріарха,
Пансій Александрійскій и Макарій Антіо-
хійскій, и составивъ съ Греческимъ и Рос-
сійскимъ Духовенствомъ, подъ предсѣда-
тельстввомъ самаго Государя, Соборъ, при-
звали Никона для отданія отчета. Высоко-
мѣрный Никонъ, вошедъ въ палату, по
обыкновенію своему, началъ досаждать
Царю грубыми отвѣтами.

Монархъ открылъ засѣданіе Собора
Рѣчью, въ которой жаловался на Никона.
Главные вины Папріарха состояли въ
самовольномъ оставленіи пашвы, въ про-

клятви Вельможъ Московскихъ и въ написаніи къ Папріарху Конспантинопольскому укорительныхъ на Царя грамахъ. Никонъ съ гордоспїю оправдывалъ свои поступки, доказывая, что имѣлъ на то основательныя причины. По окончаніи засѣданія Государь послалъ Никону Царскій обѣдъ свой, котораго Папріархъ не принялъ.

На второмъ засѣданіи Никонъ еще болѣе досадилъ Государю, обвиняя его въ томъ, будто онъ подущалъ Соборъ выдумывать оклеветанія; а на жалобу Монарха объ укоризнахъ, писанныхъ въ письмѣ къ Папріарху Конспантинопольскому, отвѣчалъ, что онъ жаловался Папріарху тайно, какъ своему брату, но что Государь самъ сдѣлалъ ихъ явными передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Первыя два засѣданія совершены были во Дворцѣ, а шретье (*), на которомъ Царь уже не присутствовалъ, въ малой церкви Чудова монастыря. Тутъ Воспочныя Папріархи прочли Никону приговоръ объ его низложеніи, сняли съ него клобукъ и панатїю, и оставили его въ званіи преспитаго монаха. Никонъ имѣлъ твердость выругать Вселенскихъ Папріарховъ, называя ихъ скипающими пришельцами и наемниками.

(*) 1666 го года Декабря 12 дня.

По приговору, онъ лишенъ Священства, скаго сана, и осужденъ на заповеніе за слѣдующія пресупленія:

1. Безъ всякой причины законной, а единственно по сипраспи, разпалась гнѣвомъ на одного изъ Вельможъ, ударившаго рукою слугу его, Никонъ опрeкся ошъ Патрїаршества, и объявилъ народу, что онъ уже не естъ Пастырь, но пасомый. Сіе обстоятельство подало поводъ къ многимъ соблазнамъ, расколамъ и мятежамъ церковнымъ.

2. Опрекшись онъ Архїерейства, не переставалъ хиротонисать и посвящать, и всякія употреблялъ коварства къ недопущенію на свое мѣсто возвести новаго Патрїарха.

3. Проклиналъ Россійскихъ Архїереевъ, ругался надъ ними, и называлъ одного Анною, другаго Каїафою, а двухъ вельможъ Царскихъ Иродомъ и Пилапомъ.

4. Павла, Епископа Коломенскаго, самовольно, безъ Соборнаго приговора, лишилъ сана и предалъ на бїеніе, ошъ чего несчастный спрадалецъ погибъ безъ вѣспи.

5. Духовника своего билъ безъ милосердія, многихъ монаховъ и бѣльцовъ наказывалъ не духовною крѣпостію, но гражданскими казнями, повелѣвая мучить однихъ

палками, другихъ кнутомъ, третихъ пыпаль на огнѣ.

6. Въ посланіяхъ своихъ къ Воспочнымъ Папріархамъ называлъ Царя Алексія Михайловича неправеднымъ мучителемъ, угождая ево Геровааму и Озіи.

Разсуждая прывая поспупки Никоновы, не имѣемъ причины сомнѣваться въ истинной справедливости сихъ обвиненій, которыя сами по себѣ столько важны, что, кажется, не было надобности вносить въ приговоръ другихъ преступленій, не заслуживающихъ особливаго вниманія. Упомянемъ о нихъ для соблюденія порядка историческаго, и для показанія, сколь далеко простирались зачѣйли возста и упрямство безпокойнаго характера Никонова. Онъ нарекъ мѣнастырь свой Новымъ Іерусалимомъ; мѣспавъ въ немъ переименовалъ Голгофою, Назаретомъ, Вифлеемомъ, Іорданомъ и Галилеею; себя называлъ Папріархомъ новаго Іерусалима. Вселенскихъ Папріарховъ поносилъ безпреступными; суда ихъ не почиталъ законнымъ; отвергалъ правила помѣстныхъ Соборовъ, бывшихъ послѣ седмаго Вселенскаго, и книгу, называемую Номоканонъ Воспочный, нарицалъ ерешическою.

Никонъ во все время пребыванія своего въ монастырь Воскресенскомъ пользовался доходами съ деревень и хозяйственнымъ

заведеній. Царь, помня прежнія заслуги его и добродѣтели, уже передъ отвезеніемъ въ Терапонтовъ Бѣлоозерской монастырь, мѣсто назначенной ссылки, послалъ къ нему съ Окольничимъ Спрѣшневымъ собольи и лисьи шубы; деньги и прочія потребности; Никонъ ничего не принялъ. Находясь въ изгнаніи и терпя недостатковъ, онъ много разъ отвергалъ съ презрѣніемъ присылаемые отъ Царя подарки.

Разсмотрѣвъ поведеніе Никона, прежде и послѣ самовольнаго отреченія его отъ Патриаршества, каждой согласился, что такой непокойной характеръ не могъ быть шепимъ въ Государствѣ Монархическомъ. Не довольствуясь духовною властію, онъ помышлялъ о присвоеніи себѣ власти гражданской; хотѣлъ царствовать, управляя волею Государя. Если предположить, что Никонъ дѣйствовалъ безъ особыхъ плановъ, что поступки его не имѣли направленія къ отдаленной цѣли, что его высокобріе требовало только минутныхъ жертвъ для насыщенія себя — и тогда благоразумный Монархъ долженствовалъ бы удержать вредныя зашѣи Сановника, забывающаго свои обязанности. Что было бы съ Отечествомъ, когдабы вмѣсто рѣшительнаго Алексія сидѣлъ на пресполѣ Царь, подоб-

ный слабому Феодору? Какъ сомнѣваются, что въ лицѣ Никона не воскресъ бы. новой Годуновъ, основавшій величіе свое на развалинахъ Царскаго дома?

Пребываніе Никона въ заточеніи объясняетъ его характеръ и показываетъ, на что могъ онъ отважиться. Живучи подъ присмотромъ, будучи простымъ монахомъ — въ то время, когда великодушный Царь заботился о доставленіи ему разныхъ удобностей и выгодъ, присылалъ къ нему деньги и подарки — Никонъ велъ переписку съ людьми, себѣ преданными, величалъ себя Россійскимъ Патріархомъ, отправлялъ Божію службу; на ектеніяхъ велѣлъ поминаеть себя Святѣйшимъ Патріархомъ; не пропускалъ случая дѣйствовать на умы, приводя тексты изъ Священнаго Писанія на счетъ Государя и своихъ приспавовъ, на примѣръ: „Господи, не поспави имъ въ грѣхъ сего; Опче! оппусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ;“ и проч.; водрузилъ на островѣ подлѣ Отрапснтова монастыря крестъ съ надписью, означающею, что „Никонъ Патріархъ заточенъ за слово Божіе и за Святую Церковь;“ вырѣзалъ подобныя надписи на естѣхъ своихъ домашнихъ сосудахъ металлическихъ. Ведя себя такимъ образомъ, ссорясь безпрещанно съ людьми, его окружающими, онъ

показывалъ, будто всѣ ищущіе его погибели. Къ Государю и Патриарху дошли частыя жалобы на Никона. Присланные изъ Москвы для разсмотрѣнія поступковъ его чиновники, Архимандритъ Павелъ, Дворянинъ Иванъ Желябовскій и Дьякъ Семень Румянцовъ, вспрѣчены были ругательствами. Признано нужнымъ перевести его въ Кириловъ монастырь Бѣлозерскій, и взять опорожнѣвшія мѣры вразсужденіи присмотра за его поведеніемъ. Итуда Патриархъ Іоакимъ принужденъ былъ посылать людей для отобранія у Никона панагіи и двухъ печатей, которыя вѣроятно были на что нибудь употребляемы; иначе никто не зналъ бы, что онѣ хранились у Никона. Это происходило уже по смерти Царя Алексія Михайловича. Достойный преемникъ Его, Царь Θεодоръ Алексіевичъ въ 1681 мѣ году, слѣдственно на семьдесятъ шестомъ отъ Никонова рожденія, уваживъ предстательство Царевны Таѣяны Михайловны и прозьбу многихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, разсудивъ, что обспоятельство перемѣнились, и что безпокойной нравъ преспарѣлаго Никона ни для кого уже не могъ быть опаснымъ — повелѣлъ перевести его въ монастырь Воскресенскій. Никонъ скончался въ Ярославѣ 17 го Августу-

ста, на пути, возвращаясь изъ заточенія, и погребенъ въ монастырѣ Воскресенскомъ, имъ основанномъ. Папріархъ Іоакимъ не любилъ Никона, и отрекся присутствовать при его погребеніи. Напротивъ того Царь Θεодоръ Алексіевичъ своими руками предалъ землѣ шѣло мужа, нѣкогда бывшаго любимымъ и полезнымъ Опечеству; повелѣлъ именовать его по прежнему Папріархомъ Россійскимъ, и изпросилъ отъ Вселенскихъ Папріарховъ граматы объ его прощеніи. Безъ сомнѣнія Царь Θεодоръ увидѣлъ, сколь нужно сдѣлать почтенною для гражданъ память великаго Первосвященника, чшобы посрамить грубыхъ невѣждъ и раскольниковъ, которые не терпѣли Никона и радовались, видя мнимаго своего врага во изгнаніи.

Никонъ былъ человекъ. Оплачемъ спраши, которыми разсудокъ не всегда бываетъ въ состояніи управлять для благополучнаго доспиченія къ пристани безмятежной.

Галлъ (1).

(Виргиліева Эклога X.)

Къ послѣднему пруду склонися, Аретуза (2)!
 Для Галла воспоешь моя печальна Муза,
 Не многіе стихи для Галла моего,
 Чтobъ только ихъ прочла Ликорида его.
 Какъ Галлу ошказашъ въ стихахъ, въ слезѣ
 сердечной!

(1) Авторъ здѣсь разумѣетъ извѣстнаго Поэта Кнея Корнелія Галла, бывшаго въ тѣсной связи съ Полліономъ, Цицерономъ, Виргиліемъ и самымъ Октавіемъ Августомъ. Вопъ содержаніе сей Эклоги: Галлъ, огорченный непреклонностію и бѣгствомъ Ликориды, удаляется въ Аркадію, страну обитаемую пастухами и пѣвцами сельскими. Боги и насухи приходятъ утѣшать печальнаго. Галлъ хочетъ навсегда ошказашъ отъ любви; потомъ перемѣняетъ свое намѣреніе. *Изд.*

(2) *Аретуза*, источникъ на маломъ островѣ Ортигіи въ Сицилійскомъ городѣ Сиракузахъ. Виргилій взываетъ къ сему источнику, потому что Теокрытъ, первый изъ сельскихъ Пѣснопѣвцевъ, жилъ въ Сициліи. *Изд.*

А твоя подземной (3) шокъ да будетъ слад-
кимъ вѣчно;
Съ Доридой (4) горькою не слейся никогда. —
Начнемъ! — Оставимъ здѣсь играючи стада
Ощипывать листья кустарниковъ молодые; —
Начнемъ, повѣдаемъ любви мученья злые!
Гласъ пѣсни не умретъ! — вшорится пѣснь
въ лѣсахъ!

Гдѣ были вы? — въ какихъ дубравахъ
и поляхъ,
Наяды сельскія, вашъ милый хоръ скрыв-
вался,
Когда несчастный Галлъ злой спросию шер-
залея?
Ушесыль Пиндовы, или Парнассъ крутой,
Иль рощи (5) Аганилъ плѣняли васъ собой? —

(3) Мифологія говоритъ, что рѣка Алфей, текущая въ Пелопонесѣ и впадающая въ море, не смѣшивается съ соленою водою, но появляется въ Орпигіи подъ названіемъ Аретузы. *Изд.*

(4) Дорида, дочь Океана и Тетида, супруга Нерея, своего брата; отъ нее родились Нимфы Нереиды. Здѣсь она принимается вмѣсто морской воды, которая не смѣшивается съ Алфеемъ. *Изд.*

(5) Аганиппе источникъ въ Беотіи, посвященный Музамъ. *Изд.*

Здѣсь плакали обѣ немѣ и лавры и оливы,
 И Меналъ (6), соснами вѣнчанный, горделивый;
 И выпрениій Лицей, родитель хладныхъ скалъ:
 Все плакало тогда, всѣхъ тронулъ бѣдный
 Галлъ.

Онѣ тамъ сидѣлъ одинѣ, на дикомъ брегѣ
 бездны;

Овечки, ставъ кругомъ. . . (Ахъ! овцы мнѣ
 любезны;

Пѣвецъ! — не оскорбись свирѣзью пастуха! —
 Адонисъ самъ гонялъ стада свои въ луга!)
 Чуть, чуть не говорятъ: тебѣ до насъ нѣтъ
 нужды.

Сошлись пастухи — имѣ бѣдные не чужды! —
 Всѣ, всѣ хотятъ узнать: отколѣ страсть
 сія? —

Явился Аполлонъ: „о Галлъ! — тоска твоя,
 Ликорида твоя (7) другимъ могла пѣннись,
 Съ другимъ и по снѣгамъ, и въ поле бивъ
 спремится!“ —

Приходитъ и Сильванъ; поверхъ сѣдыхъ
 власовъ

Колеблется вѣнокъ изъ лилій, васильковъ. —
 Заними Панъ грядешь, богъ весей сановитый; —

(6) Меналъ и Лицей, горы въ Аркадіи, по-
 священныя Пану. Изд.

(7) Tua cura Lycoris
 — Per que nives alium, per que horrida castra
 fecuta est.

(Самбука кровію горять его ланишы.)
 Скрѣпись , вѣщаетъ онъ : — что въ горестяхъ
 пустою ? —
 Наскучишь ли пчела медвяною росой ,
 Овечки — зеленью , цвѣточки — ручейками ,
 А люшая любовь — горячими слезами ? —

Пусть такъ ! — опавшествуетъ : знать
 жребій мой такой ! —
 Вы , добрыя сердца , оплачьте жребій мой ,
 Долинамъ и горамъ тоску мою скажише ;
 Вы — славные пѣвцы , — вы смерть мою
 почтите ,
 И кости Галловы , въ сырой землѣ таясь ,
 Почіють сладостно , внявъ пѣсней вашихъ
 гласъ ! —
 Почто я не рожденъ вождемъ спокойнымъ
 сшада ,
 Или хранителемъ младаго винограда ! —
 Тогда бы , можешь бышь , я горя не вкусилъ ; —
 Аминту рѣвую , иль Хлою бы любилъ — —
 (Нѣтъ нужды , что смугла веселая Аминша :
 Такой же шочно цвѣтъ фіалки , гіацинша !)
 Здѣсь въ буковой шѣни , въ прохладной шивинѣ ,
 Однабѣ вѣнки плела (8) , другая — пѣла мнѣ ! —

(8) Serta mihi Phyllis legeret, cantaret Amyntas.

Hic gelidi fontes, hic mollia prata, Lycori:

Hic nemus, hic ipso tecum confitebor agro,

Примѣръ самаго близкаго перевода. Изд.

Здѣсь роша, здѣсь лужокъ съ холодною водою,
 Здѣсь радъ бы умереть, Ликорида, съ тобою!
 Теперь безумна спрась влечетъ тебя къ
 врагамъ,
 Въ слѣдъ Марсовыхъ сыновъ, во срѣженіе
 мечамъ —
 Теперь свирѣлая (нѣтъ болѣ въ томъ со-
 мнѣннѣя)
 Забывъ отечество, забывъ поля рожденья,
 Ты любишь безъ меня вокругъ Альпы обшекашь,
 Ты любишь безъ меня всѣ страхи побѣждашь:
 Мразъ, бури и снѣга! Ахъ, мразы,
 умягчитесь! —
 Ахъ! бури лютыя, розъ нѣжныхъ не ко-
 снитесь!
 Почтите красоту! она — священна
 вамъ! . . .
 Пойдемъ — чего мнѣ ждатель? — Въ утесахъ
 спрашныхъ — тамъ,
 Унылая свирѣль, пусть звукъ твой раз-
 дается! —
 Въ жилищѣ ужасовъ, гдѣ лютый тигръ па-
 сется,
 Тамъ, буду я любовь мучительну скрыватьъ,
 На нѣжной дровѣ корѣ ее изображать:
 Растите дерева, расти любовь несчастна! —
 Забытому судьбой пустыня не ужасна! —
Пароенскіе (g) лѣса, хранилище Нимфъ. Меналъ,
 (g) Т. е. лѣса, растущіе на горѣ Пароеніѣ,
 въ Аркадіѣ. *Изд.*

Примите странника! — отнынѣ другъ вашъ —
Галль! —

Тамъ, тамъ на звукъ роговъ пробудятся
свирѣлы

Спаницы вепрей, львовъ; — ни скалы, ни
вертепы,

Ни бури, ни дожди меня не отвратятъ,

И лаемъ быстрыхъ псовъ дубравы загремятъ! —

Такъ! такъ! — я вижу васъ, угрюмые предѣлы;

Раздался крикъ ловцовъ, звенятъ пернапы
стрѣлы;

Пойдемъ, забудемъ все, разсѣмъ скорбь
свою!

Увы! злой богъ! — и здѣсь, я чувствую свою

Мучительную власть! — Дриады, отступите! —

Къ чему моя свирѣль? — лѣса, навѣкъ про-
стите!

Все тщетно! — средства нѣтъ! — Мой
жребій положенъ!

Пусть въ области зимы я буду пренесенъ,

Въ снѣга Эракійскіе, гдѣ Гебръ валитъ со
льдами; —

Пусть буду обитать съ несчастными овцами,

Въ пустыняхъ *Ливіи*, подъ пламенемъ небесъ,

Гдѣ умирающей, полусгорѣлой лѣсѣ

На матерней землѣ не можешь оживишься: —

Вездѣ любовь! — любви я долженъ по-
ришья!!!

Здѣсь кончилъ пѣніе, о Музы, вашъ пѣвецъ!
 Здѣсь, слезы осушивъ, онъ вспалъ, и наконецъ
 Сокрылъ свою свирѣль: „опьянѣ будь спокойна!
 Коль Музы восхотятъ, то — Галла ты до-
 стойна! —

Въ вѣкѣ будетъ возрастать къ нему моя
 любовь!

Такъ ольха юная съ весною каждой вновь
 Подъземлется челомъ и вѣтви разспилаетъ.

Пора! — вечерня тѣнь вредна пѣвцамъ бываетъ,
 Опасна для плодовъ, опасна — и полямъ! —
 Ужъ мѣсяцъ на небѣ. — Овечки — ко дворамъ!

А. Мрлкв.

VIII.

С л ѣ с ъ .

Слава молодого Бепши, извѣстнаго подъ
 именемъ Росція, со дня на день возра-
 саетъ. Можетъ быть, слишкомъ уже
 увеличивающъ впечатлѣніе, производимое
 въ зрителяхъ чудесною его игрою; однакожъ
 должно признаться, что мальчикъ при-
 надцати лѣтъ съ половиною отъ роду,
 играющій Гамлета, первое лицо на Бриг-
 танскомъ театрѣ, и другія роли, не менѣе
 трудныя, и уже полгода занимающій Пуб-
 лику своимъ талантомъ, — такой, говорю,
 мальчикъ конечно имѣетъ достоинства.

Положимъ, что и въ томъ не заключаея большая важности; но кто осмѣлился спорить съ прелестнымъ полкомъ, которой принялъ Россія подъ свое покровительство? Теперь Лондонскія красавицы, замужнія и незамужнія, носятъ различные уборы съ именемъ молодаго Россія. Съ нѣкотораго времени начали оказывать ему особливую почесть Ювелиры оправляютъ въ золото миниатурные портреты славнаго Архиспа, и продаютъ ихъ для ношенія на золотой цѣпочкѣ вмѣсто креста, или другаго клейнода. Ни одинъ Актеръ Англійской до сихъ поръ не удостоился имѣть се опличье, которое оказываемо было только однимъ героямъ.

(Изъ Англ. См.)

Въ Американскомъ листкѣ Political Barometer напечатано любопытное извѣстие объ одной пустынной, по имени Саръ Бишоппъ, живущей въ Норпъ-Салемъ. Ей теперь опъ роду лѣтъ около пятидесяти. Она была очень хорошо воспитана, имѣла достатокъ и считалась прелестною женщиною. Еще въ молодости своей она говаривала, что никакого звѣря сколько не боится, какъ — человека; наконецъ люди такъ омерзѣли ей, что она во двѣдцѣ лѣтъ своихъ оставила общество, и удалилась въ

пустыню, въ которой живетъ уже двадцать три года. Она поселилась въ пещерѣ, или лучше, въ расщелинѣ горы, насадила нѣсколько вишневыхъ деревьевъ подлѣ своего жилища, и каждой годъ садитъ бобы, огурцы и карпофель. Окружающіе пригорки покрыты виноградникомъ. Пустынница часто сидитъ у ручья, протекающаго подлѣ пещеры. Одежда ея состоитъ изъ ветошекъ, которыми обвертываетъ все тѣло, кромѣ головы. Увидѣвши человека, она пугается; бѣжитъ въ свою нору и закладываетъ входъ корою спараго дерева. Рассказывающій Американецъ выпросилъ дозволеніе посѣтить ея жилище, и нашелъ пещеру довольно просторною для одной особы. Пустынница была въ совершенномъ умѣ, казалась довольною своимъ соспояніемъ, и никакъ не согласилась возвратиться въ общество. Зимой она совсемъ не выходитъ изъ пещеры; лѣтомъ собираетъ виноградъ, орѣхи, корни и проч. Эта чудная женщина держитъ при себѣ Библию, и большую часть времени проводитъ въ чтеніи.

(Изъ Англ. См.)

Въ Виргиніи, въ Кампбельскомъ Графствѣ, съ нѣкопорого времени составилось въ одномъ семействѣ такое родство, которому, можетъ быть, не было примѣра

отъ самаго пошона. Нѣкто, по имени Пальморъ, женился на дочери Веспброка, коюрой тогда же въ свою очередь сочепался съ дочерью Пальмора. Потомъ два сына Г-на Пальмора женились на двухъ дочеряхъ Г-на Веспброка, а два же сына Г-на Веспброка женились на двухъ дочеряхъ Г-на Пальмора. Охотникамъ опгадывать загадки предлагаенся изслѣдовать, въ какомъ родствѣ будутъ между собою дѣши, копорья родятся отъ сихъ браковъ.

(Изъ Сѣв. Пт.)

Слѣдующій Анекдотъ принадлежитъ къ характериспикѣ Бритпанскихъ мапросовъ. Англійскій военный корабль Лондонъ въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года получилъ повелѣнне къ опплыпцю; мапросы, копорымъ недавно выданы были деньги за опняпую у непріащеля добычу, гуляли на берегу съ своими поварищами, и на прощанье приносили Бахусу пучныя жертвы. Имъ позволено было пировать подъ надзираніемъ Офищеровъ. Капщанъ корабля, находившійся на берегу, примѣщилъ, что одинъ изъ лучшихъ его мапросовъ сдѣлался весьма пьянымъ, и не могъ безъ опасности перебраться на шлюпку; въ то самое время, когда мапросъ хотѣлъ опщавишь берегъ, Капщанъ съ ласковостію

удержалъ его, и совѣтовалъ ему провести ночь на землѣ, обѣщаясь до утра сберечь у себя его деньги. Такая оспорожность была весьма нужна, потому что пьяной могъ бы ночью лишиться своихъ денегъ. „Какъ! — сказалъ мапросъ — и здѣсь Капитаны хотѣли начальствовать? Они вездѣ мѣшаются! вездѣ требуютъ повиновенія! чортъ возьми морскую службу!“ — Потомъ высыпалъ изъ шляпы пятьдесятъ гиней своихъ (болѣе четырехъ сотъ рублей) въ море, и вскричавъ: „теперь я свободенъ!“ прыгнулъ въ шлюпку.

(Изъ Минервы.)

Въ Турецкой типографіи, заведенной въ Скутари, работа дѣятельно продолжается. Недавно вышли изъ печати двѣ книги: одна (Исарагъ Моарриъ) содержитъ въ себѣ предметы Грамматическіе; другая (Сьергъ Бергви) толкуетъ о догматахъ вѣры. Бухарскіе купцы, прѣзжающіе въ Константинополь, покупаютъ всѣ попадающіяся имъ Персидскія книги, которыя становятся дороже со дня на день. Изъ сего видно, что Персидская Литтература начинаетъ процвѣтать въ Бухаріи; напрошивъ того въ Турціи она приходитъ въ упадокъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Отвѣтъ на нелѣпыя статьи и клеветы, помѣщенныя во Французскихъ Журналахъ и Газетахъ.

(Изъ Лондонскихъ Вѣдомостей.)

Въ нѣкоторыхъ листкахъ Парижскихъ содержатся разныя статьи о духѣ и политикѣ Британскаго Правительства. Судя по ядовитой дерзости и ругательствамъ, надобно думать, что онѣ сочинены самимъ Г-мъ Бонапарте, или Талейраномъ, или другимъ какимъ-нибудь человекомъ благомыслящимъ.

Клевета, сколь ни была бы она очевидна, и ругательства, какъ бы онѣ ни были грубы и нелѣпы, по большей части бывающъ вредны. По сей причинѣ, мы почитаемъ нужнымъ опровергнуть громады лжей, не смотря на то, что въ нихъ нѣтъ ни полку, ни связи. Надобно давить клоповъ; иногда крикъ лягушекъ бывающъ несноснымъ. — Вошъ въ чемъ состоитъ сущность лжей:

1) Правительство Британское не хочет мира; потому что не удостоило отвѣтомъ письма, которое Бонапарте писалъ къ Королю, — потому что старается о заключеніи союза съ нѣкоторыми Державами твердой земли, — потому что *одно* ведетъ войну противъ Бонапарте и его рабовъ союзниковъ, не желая *вступать* въ мирные переговоры безъ вѣдома и согласія Государствъ дружественныхъ.

2) Фоксъ и поварищи нетерпѣливо желаютъ, чтобы начаты были переговоры съ Бонапарте на основаніи предварительныхъ шаговъ, которыя угодно будетъ предписать высокому повелителю Французовъ.

3) Члены Оппозиціи Парламента Великобританскаго въ рѣчахъ своихъ дозволяютъ себѣ говорить дерзко на счетъ Короля Шведскаго и другихъ Монарховъ Европейскихъ.

4) Англія не получитъ себѣ никакой помощи отъ Государствъ твердой земли, и деньги, назначенныя для союзниковъ, принуждена будетъ издержать на шпионовъ, изменниковъ, пролазъ и убійцъ.

5) Правительство Великобританское поступаетъ не благоразумно, прося Россію о содѣйствіи и посредствѣ, и свидѣтельствуя, что отъ сей Державы зависитъ заключеніе мира.

6) Бодрость Великобританскаго Правительсва ослабѣла ; его совѣщанія раздѣлились отъ разногласія парій, въ продолженіе послѣдняго засѣданія Парламента.

7) Англія тогда только заключитъ миръ, когда всѣ Державы твердой земли откажутъ ей въ помощи. Слѣдственно нельзя надѣяться на скорое заключеніе мира.

8) Морская служба въ Англіи ослабѣетъ безъ присмотра. Флоты снабжаются только изъ Одессы съѣсными припасами, весьма вредными для здоровья.

9) Всѣ пособія могущества Великобританіи изпощились.

Отвѣчаемъ.

Правительство Великобританское хочетъ мира — но такого, которой утвердилъ бы свободу и независимость Европы ; оно хочетъ мира — но такого, которой ограничилъ бы честолюбіе Франціи, вредное для самаго народа Французскаго, опасное для сосѣдовъ ; оно хочетъ мира — но такого, которой обезпечилъ бы нашу независимость, открылъ бы намъ пріятные виды и надежды въ будущемъ, оградилъ бы насъ безопасностію отъ честолюбивыхъ пріязаній другихъ народовъ. Намъ не хотѣлось бы вступать въ переговоры съ нетвердымъ правительствомъ похитившаго престола ; но должно покориться судьбѣ.

Если Бонапарте станеть вести себя, какъ прилично честному человеку, — если онъ станеть прилѣжно заниматься благомъ управляемаго народа, — если станеть соображаться съ правилами здравой и основательной Политики: мы и съ нимъ вступимъ въ переговоры. Правительство Британское готово всѣмъ пожертвовать для заключенія полезнаго мира. Вся нація, начиная отъ Короля до послѣдняго подданнаго, желаетъ его съ нестерпнѣемъ. Если бы кто — нибудь изъ Министровъ осмѣлился проповѣсть противу заключенію мирныхъ условій, то всеобщая ненависть и презрѣніе наказали бы дерзновеннаго. Но можемъ увѣрить правительство Французское, что ни одна Держава твердой земли не одобрила бы нашего поступка, если бы мы заключили миръ на другихъ правилахъ.

Бонапарте хочетъ страннѣхъ переговоровъ, хочетъ только манти насъ своими предложеніями. Онъ хочетъ заключить миръ такъ, чтобы въ качествѣ побѣдителя предписать спашь Англіи и другимъ Государствамъ, показывая, будто изъ одного великодушія печется объ ихъ участи, и будто всѣхъ уже покорилъ силою своего оружія. Онъ хочетъ такого мира, при которомъ Г. Питтъ, подобно Лорду Сидмуту, предоспавилъ бы всю

Европу его разпоряженію. Онъ хочетъ мира, при которомъ согласились бы на нелѣпныя прѣбыванія, включенныя въ трактатъ Амьенскій. Онъ хочетъ, чтобы мы, побѣдители, сказали побѣждаемымъ Французамъ: „Отдаемся въ вашу волю. Мы вамъ возпропивились, побѣдили васъ; какая нужда! дѣлайте съ нами, что хотите.“ — Нѣтъ! мы не хотимъ такого мира. Вступимъ въ переговоры — но на основаніи предварительныхъ статей, въ которыхъ будутъ найдены другія условія. Прежде усердные патриоты Англіи и Ирландіи погибнутъ всѣ до единого, — прежде сіи счастливые острова обратятся въ дикія пустыни, — прежде Океанъ поглотитъ ихъ, нежели мы рѣшимся выгодами священнѣйшими и драгоценными пожертвовать честолюбію низкому, ненасытному, жестокому, пагубному.

Правда, Фоксъ и товарищи говорили нѣчто похожее на открытіе мирныхъ переговоровъ со Франціею. Но это есть не иное что, какъ одна изъ обыкновенныхъ уловокъ, которую употребляютъ Члены Оппозиціи, показывая, будто не соглашались съ Министрами. Въ Фоксъ закипѣла кровь Англійская, когда Бонапарте дерзнулъ говорить съ Лордомъ Вилмортомъ языкомъ носильщиковъ и рыб-

ныхъ торговокъ. Самъ Фоксъ подалъ совѣтъ безъ Россіи не начинатьъ переговоровъ. Всѣ ласкашельства, которыя Бонапарте распочаеиъ для Оппозиціи, ни къ чему не послужили бы, еслибъ ея Члены допущены были къ Министерству. Богъ знаетъ, что тогда сдѣлалось бы съ ихъ слабыми головами; но мы увѣрены, что въ ихъ сердца прямо Англійскія.

Какую находить для себя выгоду Бонапарте въ томъ, что Графъ Дарклей и Графъ Суффолькъ, говоря о Королѣ Шведскомъ и другихъ Монархахъ Европы, употребляли слова, которыя столь же грубы, какъ Наполеоновы? Слова сіи менѣе непристойны, нежели какими онъ представитъ ихъ желаетъ; онъ не означаютъ ни мнѣнія правительства, ни чувства націи. Благородныя особы, которыя въ жаркомъ спорѣ по неспорожности сказали лишнее, не признали нужнымъ утверждать, что слова ихъ не подвержены никакому сомнѣнію. Нескромность Членовъ Оппозиціи никого не оскорбляетъ; никакая злость, никакіе коварныя происки Корсиканца или Француза не успѣютъ возбудить неудовольствіе Монарховъ, на счетъ которыхъ говорено было въ Парламентѣ.

Англія не опчаевается получить помощь отъ Державъ твердой земли. — Наше

правительство въ высокомѣрїи Наполеона Бонапарте нынѣ находишь для себя вѣрнѣйшее пособіе, нежели въ то время, когда бы всѣ Государства прошивъ него вооружились. Злоупотребленіе могущества его въ отношенїи къ городу Гамбургу, насильственные поборы денегъ въ Бременѣ и Любекѣ, присвоеніе Генуи и другихъ областей въ Италїи, ругательства и презрительныя опзыбы, которыми наполнены Французскіе Журналы на счетъ Государствъ Европы — все что поколеблетъ силу его несравненно болѣе, нежели всѣ арміи, не во время отправленныя прошивъ Франціи.

Бонапарте доказалъ собственнымъ примѣромъ, что въ наши просвѣщенныя времена господствованіе похищенія, столько же, какъ и революція республиканская, не совмѣстна съ безопасностію Государствъ сопредѣльныхъ и съ обыкновеннымъ порядкомъ ихъ отношеній между собою. Онъ обратилъ онъ себя сердца милліоновъ людей, которые, бывъ въ восторгѣ отъ удивленія, можетъ быть, предпочитали его выгоды общей пользѣ, нами теперь защищаемой. Онъ успѣлъ обнаружить свое легкомысліе, занимаясь по большей части одними пустыми обрядами. Онъ принужденъ былъ сносить униженіе, видя несудачу въ

своемъ, намѣреніи брататься съ Государями Европы. Онъ сдѣлалъ смѣшными братьевъ своихъ, сестеръ и помощниковъ въ несправедномъ хищеніи, возведши ихъ въ такія достоинства, которыя кажутся почтенными въ глазахъ свѣта только по своей древности и по закоренѣлому мнѣнію. Онъ заступался въ войну такого рода, которая для него разорительна и совсѣмъ неудобна. Если бы должно было сражаться на твердой землѣ, то его войска, двигнувшись съ мѣста, не встрѣтили бы препятствій, нашли бы вездѣ довольную для себя пищу, дрались бы съ солдатами не весьма опытными, и могли бы дѣйствовать, не имѣя нужды въ новыхъ приготовленіяхъ. Но въ настоящую морскую войну надлежитъ строить корабли, набирать матросовъ, дѣлать приготовленія: рекруты должны снорить съ ветеранами въ такомъ искусствѣ, въ которомъ мужество и дарованія ничего не значатъ безъ опытности. Бонапарте нынѣ походитъ на бойца, который, имѣя руки связанные, долженъ обороняться ногами.

Бонапарте разглашалъ, что Англія одна, безъ союзниковъ, не въ состояніи противиться Франціи, находящейся подъ его управленіемъ. Чтобы пріобрѣсти союзниковъ и основать честолюбивые его

зашѣи, намъ надлежало рѣшиться на объявленіе войны; надлежало доказать, что и безъ помощи союзниковъ можемъ бороться съ его силою, умомъ и военными дарованіями. — Кажется, не нужно увѣрять, что Англія не такъ еще слаба, чтобы стоятъ ей ниже прочихъ Державъ на земномъ шарѣ. Наше правительство очень увѣрено было, что война, которую нынѣ ведемъ, для насъ неопасна. Оно предвидѣло важныя выгоды, которыя должны слѣдовать за ея успѣхами. Вотъ по чему мы не старались ни прозѣбами, ни угрозами склонять Европейскія Государства къ принятію въ войнѣ участія; онѣ сами увидѣли, какъ выгодно для нихъ соединиться съ нами.

Мы старались сохранить ихъ благосклонныя расположенія нашимъ уваженіемъ, нашею почтительностію. Мы свято наблюдали законы права народнаго. Мы никого не оскорбили высокоуміемъ. Мы ни передъ кѣмъ не унижались. Мы не заставили ни одно Государство по слѣпому къ намъ пристрастію задушить свои сношенія со Франціею. Сражаясь за выгоды цѣлой Европы, за свободу человѣческаго рода, мы не тщеславились достохвальною рѣшимостію — какъ будто бы дѣло состояло въ одной только нашей пользѣ. Мы доказали свѣту, что вліяніе Англіи на систему

Европы не нарушаетъ независимости другихъ Государствъ, и что вліяніе Франціи опасно для свободы націй. Мы объявили всѣмъ Державамъ, что желаемъ союза ихъ съ нами пршивъ Франціи въ такомъ только случаѣ, если онъ очевидно будетъ полезенъ для ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній.

Что жъ вышло? Всѣ тайно и явно подають голоса въ нашу пользу. Россія беретъ нашу сторону. Король Шведскій, съ благороднымъ жаромъ Папріота и Героя, принимаетъ участіе въ нашихъ намѣреніяхъ. Даже Пруссія, не смотря на свою покорность, за которую Бонапарте платитъ ей очень дорого, не смотря на желаніе получить Ганверъ и Гамбургъ, готова выдти изъ терпѣнія и вооружиться противъ похищителя. Австрія не пригото-вилась ли къ дѣятельнѣйшей оборонѣ? Есть ли хотя одинъ вольной городъ — разумѣется, гдѣ Бонапарте не спрашенъ — въ которомъ бы не гнушались насильственными его поступками? Не перенесъ ли онъ терпѣливо оказаннаго ему Оптоманскою Порпою явнаго презрѣнія, которое могло бы раздражить всякую Державу? не былъ ли онъ принужденъ съ низкою покорностію просить Султана о принятіи письма? Голландія, Швейцарія, Италія, сама Фран-

ція, — всѣ сїя Государства, изнемогающія подъ тяжеснїю деспотической его власи — не принимають ли внутренняго учаспїя въ праведной войнѣ Англїи противъ похитителя? Знаетъ ли онъ, до какой степени зрѣлости уже доведена система соединенїя противъ общаго непрїятеля? Такъ! онъ конечно знаетъ объ этомъ, но утверждаетъ противное для прикрытїя своего страха. Въ настоящемъ положенїи дѣлъ; скорѣе должно ожидать, что женщины и дѣти съ оружіемъ въ рукахъ побѣгутъ навстрѣчу непрїятеля, нежели Англїя оспанешся безъ союзниковъ, скажу смѣло, нежели Англїя не въ силахъ будетъ одна сражаться за дѣло великое и славное.

Бонапарте, Талейранъ и Гопривъ упрекаютъ Бриттанское правительство мнимымъ разпochenїемъ вспомогательныхъ денегъ на заплашу подкупленными шпионами, измѣнникамъ и убійцамъ.

Упреки весьма несправедливые! Правительство Французское по собственнымъ своимъ поступкамъ судить о поступкахъ нашихъ. Англійскїе Министры, будучи одарены отъ природы глубокою проицательностїю, тонкою разборчивостїю, острою дальновидностїю, удобно могутъ хитривать и открывать тайные замыслы и намѣренїя, которыя до Бонапарте и Талея-

рана доходятъ черезъ шпионовъ. Сіе почти Божеское провидѣніе, *fere Divina providentia*, выхващенное въ писмахъ Цицероновыхъ, важнѣе, нежели многочисленные легионы. Наши Министры — природную остроту ума усовершенствовавъ прилѣжнымъ наблюденіемъ человѣческихъ дѣйствій, измѣненій человѣческихъ свойствъ, изученіемъ историческихъ происшествій, географическихъ объясненій, законовъ міра физическихъ и нравственныхъ, выгодъ и взаимныхъ отношеній между Государствами Европы, благоразумнымъ примѣчаніемъ дарованій и недостатковъ, добродѣтелей и пороковъ главныхъ лицъ дѣйствующихъ на политическомъ театрѣ Европы — наши, говорю, Министры легко угадываютъ всѣ замыслы непріятеля, проникаютъ его тайныя намѣренія — и по большей части не ошибаются. Такъ Астрономъ вычисляетъ затмѣнія, и приводитъ народъ въ изумленіе точностію своихъ предсказаній о движеніяхъ свѣтилъ небесныхъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ проникнуть намѣренія слабаго Министра, которой почитаетъ себя хитрымъ. Узнавъ настоящій его характеръ, мы не можемъ въ немъ обмануться. Такой Министръ походитъ на строуса, которой, спрятавши голову, думаетъ, что всего себя скрылъ

отъ нашихъ взоровъ. Бонапарте и Талейранъ телерь никого уже не введутъ въ заблужденіе. Если бь они еще были хитре, нежели какими суть нынѣ, и тогда тайныя ихъ уловки не скрылись бы отъ пронидательности нашихъ Министровъ. Бриттанское Правительство; бодрое и опытное, всегда видѣло и видитъ намѣренія властелина Франціи. Въ самомъ дѣлѣ очень забавно, что Бонапарте, видя тайны свои обнаруженными, предается чрезмѣрной ярости, — что Талейранъ кричитъ, будто шпіоны все развѣдываютъ, — что Монтеръ изрыгаетъ грубыя ругательства противъ мнимыхъ шпіоновъ и измѣнниковъ, будто бы подкупленныхъ Англійскимъ золотомъ. Все это заспавило бы каждаго смѣяшся, если бы Наполеонъ и его любимцы иногда не приказывали выводить на эшафотъ или мучить до смерти подпыпкою невинныхъ людей, чтобы показъ свѣту, будто сіи несчастные точно обличены въ шпіонство. Такія и подобныя симъ убійства — которыя Наполеонъ Бонапарте приказываетъ совершать, подыпредлогомъ казни шпіоновъ, передъ произведеніемъ въ дѣйство великихъ своихъ предпріятій — походятъ на приношенія невинныхъ людей на жертву, которыхъ Отаишяне закаляютъ по случаю чрезвы-

чайныхъ военныхъ происшествій, или со-
вѣщаній.

Кромѣ того, Правительство Брит-
танское имѣетъ еще другія средства, вѣр-
ныя и дѣйствительныя, освѣдомляясь о
произшествіяхъ, не нарушая правилъ
чести и справедливости. Мы имѣемъ дру-
жескія связи съ иностранными Дворами,
которыхъ Агенты охотно извѣщаютъ
наше Правительство о всемъ, что знаетъ
ему нужно, безъ нарушенія вѣрности къ
своимъ Государямъ и собственной своей
чести. Мы имѣемъ своихъ Министровъ
дипломатическихъ на твердой землѣ въ
такихъ мѣстахъ, гдѣ почитаемъ ихъ
присутствіе нужнымъ и полезнымъ, —
Министровъ, которые поведеніемъ своимъ
снискали себѣ общее почтеніе, — Минист-
ровъ, которыхъ прудно ввести въ заблужде-
ніе — Министровъ, которые своею право-
пою заслужили довѣріе.

Прибавимъ еще, что многіе честные
и умные Англичане путешествуютъ по
чужимъ Государствамъ. Хотя они и не
имѣютъ особеннаго препорученія увѣдом-
лять Правительство о всѣхъ произшестві-
яхъ; однакожъ, по любви къ отечеству,
иногда доставляютъ ему нужныя свѣдѣ-
нія, касающіяся до его выгодъ, свѣдѣнія,
которыя сами получаютъ не безчестнымъ

образомъ, и которыя Правительство принимаетъ съ удовольствіемъ. — Наши торговые Агенты суть вообще люди способные къ развѣдыванію о перемѣнѣ въ дѣлахъ и о планахъ непріятеля; по усердію своему ко благу Бритпанскаго народа, они не рѣдко берутъ участіе въ дѣлахъ Правительства. Наши флоты и отдѣленныя эскадры, приближаясь къ непріятельскому берегу или перехватывая корабли, или останавливая неуспральныя суда, имѣютъ способы узнавать намѣренія непріятеля. Правосъ нашего дѣла и наше прямотушіе доставляютъ намъ средства черезъ подданныхъ Державъ неуспральныхъ развѣдывать о движеніяхъ непріятеля.

Имѣя всѣ сіи способы, спанетъ ли Бритпанское Правительство содержать шпионовъ на жалованьѣ? Если оно когда нибудь и дѣйствовало черезъ людей подкупленныхъ, по крайней мѣрѣ никогда не нарушало правъ народныхъ.

Ни мало не безчестно поступать съ измѣнниками, такъ какъ поступало съ ними правительство Римское, когда оно слало для наказанія школьнаго учителя, обѣщавшагося выдать ему дѣтей непріятельскихъ, или когда объявило Королю Пирру злой умыселъ его Лѣкаря.

Правительство Британское не платитъ за открытіе тайнъ такимъ людямъ, которые по присягѣ своей и обязанности должны хранить ихъ свято. Шпіоны, имъ употребляемые, суть *пѣ самыя*, которые за свое ремесло получаютъ деньги отъ Бонапарте и Талейрана. Мы употребляемъ ихъ единственно для предупрежденія измѣны противъ насъ.

Neque lex justior ulla est

Quam pecis artifices arte perire ().*

Мы никогда не вѣримъ симъ людямъ, хотя бы въ одно время получили отъ нихъ многія донесенія, во всемъ сходныя. Что касается до издержекъ, употребляемыхъ Британскимъ Правительствомъ на шпіоновъ, то можно сказать безъ всякаго прибавленія, что Талейранъ болѣе денегъ разточаетъ въ одну недѣлю на жалованье шпіонамъ, убійцамъ и измѣнникамъ, нежели Британское Правительство въ течение цѣлаго года на заплачу за разныя донесенія.

По мнѣнію Парижскихъ Журналистовъ, „Великобританское Правительство поступаетъ неблагоразумно, прося Россію о

(*) Это можно перевести такъ: „Справедливость требуетъ, чтобы коварные злодѣи падали въ яму, для другихъ ими вырытую.“

содѣйствіи и посредствѣ вразсужденіи мирныхъ переговоровъ.“

Кажется, не противно здоровой Политикѣ, принятой всѣми націями, что одно правительство соображается съ выгодами и намѣреніями другаго, находящагося съ нимъ въ дружескиѣ связяхъ, а особливо когда дѣло идетъ объ открытіи переговоровъ съ третьимъ, которое обвинитъ первымъ подадо причину къ неудовольствію. Такая предосторожность ни мало непротивна праву народному и дозволена даже въ частной жизни. Древнія и новыя Государства не стыдились употреблять ее. Ни одинъ мирный трактатъ не былъ заключенъ безъ посредства. Доказывать сію истину сноль же бесполезно, какъ и по, что дважды два — четыре.

Какъ между двумя спорящими особами, такъ точно и между двумя воюющими націями посредство третьей стороны, не участвовавшей въ несогласіяхъ, болѣе всего способствуетъ къ примиренію. Самолюбіе каждой изъ воюющихъ Державъ естественно препятствуетъ сдѣлать непосредственное предложеніе о мирѣ; такое предложеніе обнаружало бы слабость. Вражда запрещаетъ имъ изъясняться съ чистосердечіемъ и вѣжливостію, которыя въ подобномъ случаѣ бывають нужны. Оба

Государства не могутъ скрывать досады своей, не могутъ объявлять истинныхъ своихъ выгодъ. Предложеніе, сдѣланное прямо, безъ посредства третьей Державы, послужило бы только къ усугубленію вражды взаимной. По симъ-же причинамъ введено въ употребленіе съ давнихъ вѣковъ приглашать посредниковъ для примиренія Государствъ воюющихъ. Способъ дѣйствовать чрезъ посредство Державъ постороннихъ основанъ на правилахъ разума, на законахъ Природы; никакія перемѣны въ дѣлахъ общественныхъ не могли сдѣлать его бесполезнымъ или прошивнымъ справедливости. Сей способъ введенъ въ полипическую систему Европы, потому что разумъ человѣческой и духъ правленія достигли до высокой степени совершенства. Болѣе же всего посредничество нужно, когда дѣло идетъ о примиреніи Великобританіи съ перемѣнными правительствами, господствовавшими во Франціи послѣ революціи; потому что каждой разъ, начиная съ сей эпохи, Франція дерзостію своею уничтожала мирныя переговоры: при самомъ ихъ началѣ, или же старалась заключать миръ только непрочной, что онъ самъ собою разрушался.

Великобританія просила совѣтовъ у Россіи — какъ посредницы, или какъ со-

юзницы — вразсужденіи мирнаго предложенія, сдѣланнаго отъ Бонапарте. Чпожъ шуть естѣ непріятнаго для власпелина Франціи? Все то, что раздражаетъ его, служипѣ къ нашему оправданію. По чему Россіи не лъзя бытъ посредницею между Англіею и Франціею? Самъ Бонапарте не выдумаетъ приличнаго доказательства. Не боится ли онъ, чпобы Россія, вмѣсто примиренія, не раздражила еще болѣе воюющихъ Державъ? Но это совсѣмъ пропивно характеру ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА и Его полипикѣ. Находитъ ли Россія какую нибудь для себя пользу въ томъ, чпобъ война продолжалась? Никакой. Дипломатическіе Чиновники Россійской Имперіи менѣ ли честны, менѣ ли поспояны, менѣ ли вѣрны своему Государю, менѣ ли миролюбивы, менѣ ли проицапельны, нежели Миниспры и Агенты другихъ Державъ? Самъ Бонапарте признается въ пропивномѣ.

Слѣдовательно Бонапарте недоволенъ отношеніемъ нашимъ къ Россіи о мирныхъ его предложеніяхъ, потому что неправедныя его припязанія не были бы одобрены безпристрастнымъ посредникомъ; — недоволенъ, потому что онъ боится, чпобы сіе наше отношеніе не послужило поводомъ къ заключенію наступательнаго и оборони-

шельнаго союза между Великобританією и Россією; — попому чшо онъ надѣялся вести переговоры съ Великобританією и съ Россією, съ каждою порознь, и говоритъ съ ними пономъ повелишельнымъ. — Бонапарте досадуетъ, что дѣла идутъ не такъ, какъ ему хочется; онъ жеспоко сердится, видя, что непріятели его живутъ между собою въ добромъ согласіи, дѣйствуютъ съ глубокою пронцашельноспію, поступають искренно и честно. Онъ предвидитъ конецъ своего господствованія надъ Государствами твердой земли, въ которыхъ спарается цитанъ духъ несогласія — предвидитъ и шрепещетъ, помышляя, что доживетъ до сей эпохи. Онъ видитъ, что пружина, прошивуборспвующая его припязаніямъ, не только не испортилась, но съ новою силою готова сброситъ тяжесть, на ней лежащую.

(Окончаніе влредъ.)

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Рѣдко такое множество предметовъ занимало умы Полиптиковъ, какъ нынѣ. Движенія флотовъ, пригшовленія къ войнѣ

наступательной или оборонительной почини во всѣхъ Государствахъ Европы, высадка, землетрясенія, союзы — воишь обильные источники, изъ копорыхъ досужіе Издаатели Журналовъ и Газетъ почерпають маперіалы для заняпія любопытныхъ своихъ читателей. Судя по всѣмъ вѣроятностямъ, думаемъ и не сумнѣваемся вмѣстѣ со большею часпю мыслящихъ головъ, что нынѣшняя осень будетъ эпохою или великой неудачи Наполеоновой, или бѣдствія Бриттанцевъ. Въ Парижѣ носятся слухи, что Г-нъ Бонапарте передъ отъѣздомъ своимъ къ береговой арміи на послѣднемъ засѣданіи назначилъ Регентомъ Франціи Госифа, а помощниками его: Лудовика, Мюра, Камбасереса и Талейрана. Это не шутка! — Моншеръ взываетъ къ Англичанамъ: „Вы не боитесь высадки? говорите, что Французы уже два года пугаютъ васъ по пустому, а высадка все еще не предпринята?“ Знайте же, что она совершится, если не заключите мира; можетъ быть, черезъ годъ, черезъ два, пускай черезъ пять лѣтъ, но все еще успѣемъ усмирить ваше высокомеріе. Мы ожидали бипвѣ, когда война вами была объявлена; мы легко могли бы поперять Маринику, Гваделюпу, Иль-де-Франсъ и ла-Реюніонъ. Чтожъ вы

сдѣлали? ничего; спараетесь держать въ заперти приспани, не мѣшая однакожъ нашимъ эскадрамъ выходить въ море. Держите себѣ, сколько угодно, приспани наши въ заперти; между тѣмъ не спускайте глазъ со знаковъ, на берегу разспавленныхъ, и оставайтесь въ непрерывномъ опасеніи и страхѣ. . . . Только выгодный миръ можетъ спасти васъ; вы одни не сдѣлаете никакого вреда Франціи, а Франція никогда не допуститъ, чтобъ только вы одни на моряхъ имѣли корабли: сіе право принадлежитъ всѣмъ народамъ.“ Въ сей декламации не видимъ ничего рѣши-тельного. Даже многіе публичные листки Англійскіе не хотѣли вѣрить высадкѣ, не смотря на то, что ежедневно получаются въ Лондонѣ слухи, показывающіе необыкновенную дѣятельность на берегу непріятельскомъ; такъ на примѣръ самъ Герцогъ Йоркскій прислалъ въ Лондонъ изъ Веймуша, гдѣ онъ съ Королемъ находился, извѣстіе, что 40,000 Французскаго войска сѣло на корабли въ Булони для переправы въ Англію.

Народъ встрѣшилъ радостными вос-клищаніями Адмирала Нельсона, которой теперъ находится въ Лондонѣ. Однакожъ нѣкоторые люди — а особливо тѣ, которые судятъ о дарованіяхъ великаго человека

только по успѣхамъ — досаждаютъ, для чего Нельсонъ возвратился въ Англію, бесполезно гонявшись за непріятелемъ почти два года, и нигдѣ не нашелъ его; они говорятъ, что Нельсонъ или неискусенъ, или несчастливъ. По крайней мѣрѣ, не одинъ онъ терпитъ упреки; Адмиралы Корнваллисъ, Калдеръ и Спирлингъ подвержены той же участи. Корнваллису пеняютъ, для чего онъ не послалъ болѣе фрегатовъ на помощь Калдеру, а Спирлингъ виноватъ, для чего не воспользовался выгодами морскаго сраженія, происходившаго 22 го Юля. Нѣкоторые, слишкомъ уже сердитые, требуютъ, чтобы наряжена была военная коммисія для разсмотрѣнія поступковъ сихъ Адмираловъ. Можетъ быть, сіи упреки неосновательны; однакожъ и то правда, что Адмиралы не только не сдѣлали большаго вреда непріятелю, но дали еще случай флотамъ его соединиться въ пристани Феррольской. Число линейныхъ кораблей Французскихъ въ Ферроль и Бреснъ простирается до 50ти,

Въ Майнцкой. Газетѣ помѣщено слѣдующее штабшпическое вычисленіе:

Въ началѣ войны революціонной, которую надлежитъ считать виною великихъ перемѣнъ, случившихся въ Европѣ, Россія вмѣстѣ вѣла въ себѣ земли 500,000

миль квадратныхъ ; многолюдство ея про-
спиралось до 26 милліоновъ , доходы до 7
милліоновъ луидоровъ. Австрія имѣла
земли 11,149 миль кв. , 25 мил. жителей
и 11 мил. луидоровъ годоватаго дохода. Прус-
сія имѣла 3,600 миль кв. земли , 6 мил.
жителей и съ небольшимъ 4 мил. луидо-
ровъ дохода. Германія имѣла 12,000 миль
кв. земли, 26 мил. жителей и 9 мил. луи-
доровъ дохода. Въ Англіи считалось 6,026
миль кв. земли , 9 мил. жителей и 17
мил. луидоровъ дохода.

Россія пріобрѣла 1,035 миль кв. земли,
5 мил. людей и 3 мил. рейхсгаллеровъ
дохода; здѣсь полагаются въ счетъ только
части Польши , доставшаяся на ея долю.
Австрія потеряла , не считая Графства
Фалкенштейнъ, 675 миль кв. и 2,689,760
человѣкъ подданныхъ, а пріобрѣла 500 миль
кв. ; населеніе областей Австрійскихъ и те-
перь то же, какое было до революціи. Пруссія
пріобрѣла весьма много ; она теперь имѣетъ
6,002 миль кв. земли , 9 мил. жителей
и 6 мил. луидоровъ дохода. Объ Англіи
не лзя еще сказать ничего рѣшительнаго,
потому что ея владѣнія ежедневно увели-
чиваются ; но можно утверждать, что ея
пріобрѣтенія столь же важны, какъ и Рос-
сійскія. Владѣнія Англіи въ Воспочнои
Индіи весьма обширны. Главныя богатства

ея соспоянѣ въ торговлѣ и въ промышленности жишелей. Франція имѣла прежде революціи 10,000 миль кв., 26,000,000 жишелей и 19,000,000 луидоровъ годоваго дохода; теперь въ ней считається 12,160 миль кв., 32,000,000 жишелей и 20,000,000 луидоровъ дохода. Она присвоила себѣ Савою, Графство Ниццу, Пьемонтъ, Белгію, Рейнскіе департаменты и Генуу; сверхъ того Франція владѣетъ Пармою, Пiacендзою и Гвасталлою, въ которыхъ находится 250,000 жителей, Королевствомъ Италіи, въ которомъ 784 мили кв. земли и 3,560,000 жишелей. О Луккѣ и Пюмбино не упоминаемъ. Если разсудить, что Франція управляетъ своими союзниками, друзьями и сосѣдами, что Испанія, Португаллія, Швейцарія, Италія, Голландія и часть Германія находятся подъ ея вліяніемъ, то должно согласиться, что могущество Франціи весьма опасно для спокойствія Европы.

*

О землетрясеніи, бывшемъ въ Неаполѣ, и кончинѣ Герцога Глучестерскаго не упоминаемъ. Любопытныя найдуть обстоятельныя извѣстія о томъ въ Россійскихъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ въ обѣихъ Столицахъ.

*

На островѣ Сен - Доминго или Гайти вышла новая Конспируція. Вотъ духъ ея:

Дессалинъ объявленъ . первымъ Императоромъ — однакожь тронъ не есть наследственный ; невольническиво навсегда уничтожено. Государство не признаетъ никакой Религіи господствующею; по первому нападенію отъ непріятеля всѣ города должны бытъ срыты ; никто не можетъ бытъ Членомъ Гаитской Имперіи, не будучи добрымъ опцемъ, добрымъ сыномъ , добрымъ супругомъ , а особливо добрымъ воиномъ ; каждой Гражданинъ долженъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ ; ни одинъ Бѣлой не можетъ имѣть собственности въ Имперіи, исключая Нѣмцовъ и Поляковъ ; всѣ жители называющіяся Черными; Имперія раздѣляется на шесть военныхъ дивизионовъ ; воля Дессалина есть священна ; онъ одинъ можетъ объявлять войну , прекращать ее , и заключаать договоры ; онъ не долженъ начинать войну для завоеваній ; всякое имѣніе, принадлежавшее Французамъ, присывается къ казнѣ ; день рожденія Дессалина и его супруги , день независимости націи , день провозглашенія конституціи и прочихъ законоположеній, суть дни торжественныя. — Конституція подписана 20 го Мая нынѣшняго года Генералами Христофомъ , Клерво , Пешіономъ , Моро и многими другими.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ 1805.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I

Вероломская ночь ().*

Франція начинала опдыхать послѣ ужасныхъ бурь, которыя столь сильно потрясли ее въ пятнадцатомъ столѣтїи. Жители сей прекрасной земли, столько же опличающїеся разнообразїемъ тѣлеснаго состава, какъ и странною смѣсью въ характерѣ, величїемъ духа и развращенностїю, благомыслїемъ и скопскимъ неистовствомъ, мужествомъ и прусоснїю, мягкосердїемъ и жестокостїю — этотъ единственнѣйшій народъ началъ выходить изъ мрака невѣжества, въ которомъ погружена была вся Европа. Въ это

(*) Сокращенной переводъ изъ Волпманнова Журнала.

время въ срединѣ Германіи появилось новое ученіе Богословское, проповѣдуемое Лютеромъ и его послѣдователями. По несчастію, симъ прсповѣдникамъ неизвѣстна была одна добродѣтель, самая любезнѣйшая: терпимоспъ. Они проклинали каждаго, кто думалъ и училъ не такъ, какъ имъ хотѣлось.

Еще въ началѣ шестнадцатаго вѣка ученіе Лютера и Цвинглія опъ береговъ Эльбы разпраспранилось до Рейна, и было благосклонно принято легковѣрными Французами. Но когда, спустя нѣсколько лѣтъ, на берегу Женевскаго озера возсталъ новый законоучитель, которой еще долѣе, нежели соперникъ его Люперъ, опступилъ опъ догмаповъ Каполическаго исповѣданія, и которой по отечеспву, языку и нравамъ былъ къ Французамъ ближе: въ то время новое ученіе съ быспротою разлилось во Франціи. Ни неперпимоспъ ревностныхъ Каполиковъ, ни жестокоспъ Франциска I прошивъ Протеспанповъ не могли остановитъ сего потока. Расколъ еще болѣе утвердился въ царствованіе Генриха II, сына и преемника Франциска I, не смотря на то, что сей Государь во всю жизнь свою жестоко преслѣдовалъ Протеспантовъ. Чѣмъ болѣе коспровъ пыдало на площадяхъ, тѣмъ болѣе умножа-

лось число раскольниковъ. Ученѣйшіе мужи, богатѣйшіе граждане, знаменитѣйшіе дворяне, даже Королевская фамилія заразились ядомъ ученія Калвинскаго.

Протестанты, впрочемъ весьма многочисленныя, не прежде сдѣлались опасными Государству, какъ уже въ то время, когда сославились партіи изъ вельможъ придворныхъ. Одною изъ такихъ партій управляли Принцы Гизы, отпрыски Княжескаго Лотарингскаго Дома: Дюкъ Францискъ Гизъ, извѣстный по славной оборонѣ города Меца и покоренію Кале, и братъ его Кардиналъ Карлъ Лотарингскій. Перваго всѣ любили и удивлялись геройскимъ его подвигамъ; другаго боялись какъ Полифика дальновиднаго. Оба они, будучи движимы равнымъ честолюбіемъ, отличаясь равными дарованіями, умѣли присвоить себѣ участіе въ дѣлахъ государственныхъ, а въ царствованіе Франциска II — котораго супруга, прекрасная и несчастная Марія Шотландская, была ихъ племянница — захватили въ свои руки бразды правленія. Завидуя скорому возвышенію и могуществу сихъ пришельцевъ, Принцы Бурбонскаго Дома, Антоній Король Наваррскій, и Лудовикъ Конде, составили противную партію. Они думали, что по своей царской породѣ имѣютъ

право на то, до чего Гизы достигли посредством дарованій. Имъ хотѣлось низвергнуть Гизовъ. Славный Адмиралъ Каспаръ Колиньи и братъ его Анделотъ; племянники Коннетабля Моншморанси, были въ числѣ людей, преданныхъ Бурбонамъ. Королева — Мать, Каперина Медичисъ, честоплюбивая вдова Генриха II, ободряла то одну, то другую партію, смотря по обстоятельству. Наконецъ совершенно предалась Гизамъ, и шѣмъ дошавила рѣшительный перевѣсъ сей партіи.

Гизы, желая угодишь Каполикамъ, слѣдственно большей части націи, возобновили гоненіе на Гугенотовъ — симъ именемъ называли тогда Французскихъ Протестантовъ. Бурбонская партія, напрошавъ того, старалась привлечь гонимыхъ на свою сторону и раздражать утѣсненныхъ. Такимъ образомъ Религія служила вельможамъ орудіемъ и средствами къ совершенію честоплюбивыхъ намѣреній. Почти сорокъ лѣтъ Протестанты сносили терпѣливо угнетеніе и жестокоствіи отъ Каполиковъ, хотя число ихъ въ Государствѣ возрасло болѣе, нежели до милліона.

Наконецъ, въ царствованіе Короля Карла IX, которой, по смерти брата своего Франциска II, имѣя одиннадцать лѣтъ

опѣ роду, возшелъ на престолъ Франціи (*), — пламя, долго таившееся подъ пепломъ, вдругъ вспыхнуло; началась (**), ужасная война за вѣру, война, быстро разлившаяся по всѣмъ провинціямъ и цѣлыя придавшая лѣтъ опустошавшая Францію. Обѣ стороны посрамили себя передъ лицомъ потомства. Люди, церкви, монастыри, художественныя произведенія, памятники древности — все что только называлось Каполическимъ, что принадлежало Каполикамъ, все было изпребляемо. Ни одинъ Гугенотъ, попавшійся въ руки Каполиковъ, не спасся. Старики и младенцы, дѣвицы и жены, духовные и свѣтскіе, вооруженные и безоружные — всѣ безъ исключенія закалаемы были на жерпву идола нетерпимости. Этого не довольно; старались выдумывать разные способы неслыханныхъ мучительствъ, для насыщенія мести. Поля усѣяны были мертвыми трупами и обломками. Многіе предводители партій, какъ то: Антоній Король Наваррскій, Монмورانси, Дюкъ Францискъ Гизъ и Принцъ Лудовикъ Конде лишились жизни. Обѣ стороны сражались съ переменнымъ счастьемъ; однакожъ Каполики, бывъ гораздо многочисленнѣе,

(*) 1560 го года.

(**) 1562 го года.

но большей части побѣждали, но не могли совершенно покорить своихъ непріятелей.

Между тѣмъ, Король Карлъ пришелъ въ совершенный возрастъ. Исторія покрыла вѣчнымъ стыдомъ имя сего Монарха. И теперь еще одно о немъ воспоминаніе приводитъ въ ужасъ. Карлъ IX, имѣя впрочемъ нѣкоторыя похвалныя свойства душевныя, съ малолѣтства отличался жестокостію сердца. Онъ былъ нрава безпокойнаго, дѣятеленъ, любилъ Спихотворство, самъ писалъ стихи и сочинилъ Разсужденіе о звѣриной ловлѣ. По несчастію, хорошія склонности его оставлены были въ нерадѣніи; вмѣсто того дурныя часъ отъ часу укрѣплялись. Катерина, его мать, поручила воспитывать Карла злomu, коварному и развращенному Италіянцу Конди - Рецу, бывшему потомъ Маршаломъ. Находясь въ такой школѣ, среди разпутствъ, въ которыхъ погруженъ былъ тогда Дворъ Франціи, молодой Король удобно могъ достигнуть цѣли, назначенной для него незаконною Полишикою. Нѣжныя чувства были чужды его сердцу; дикая жестокость обнаруживалась въ нравѣ его, въ поступкахъ, даже въ забавахъ; онъ часто, по чрезмѣрной пылкости императора, необузданнаго прилѣжнымъ воспитаніемъ, выходилъ

изъ себя отъ неистовой ярости, говорилъ и дѣйствовалъ какъ сумасшедшій, и въ припадкахъ бѣшенства не щадилъ ни другихъ, ни себя самаго. Звѣриная охоша и сладоспираспѣе были любимѣйшими его забавами, а особливо первая.

Прежде нежели Карлъ достигъ совершеннаго возраста, Катерина управляла Государствомъ; даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по слабости и по привычкѣ, онъ во всемъ повиновался ея волѣ, хотя и не охотно. Проклятія современниковъ и потомства за побѣдѣ Варѣоломеевское по всей справедливости падаютъ на Катерину столько же, какъ и на ея сына; она еще болѣе въ томъ виновна: ибо Карлъ былъ только обыкновенный кровожадный убійца, яростный звѣрь, склонностию влекомый къ кровопролитію; напрошивъ того душа Катерины была самой адъ, въ которомъ гнѣздились безпримѣрныя злодѣйства; она управляла машинами, которыя дѣйствовали при совершеніи сего ненавистнаго побѣденія.

Катерина страстно любила чувственныя услажденія. Но всѣ ея склонности, даже любовь, покорены были властолюбію — самой сильнѣйшей страсти, кою она всѣмъ жертвовала. Послѣ смерти Франциска II оставшись Правительницею, она хотѣла на всю жизнь удерж-

жашь при себѣ кормило Государства. Не будучи одарена умомъ обширнымъ, всеобъемлющимъ, старалась достигнуть цѣли своей съ помощію пагубной Полишки. Несогласіе показалось ей самымъ удобнымъ къ тому средствомъ. Она питала духъ вражды въ партіяхъ, чтобы ослабить ихъ взаимными раздорами, и на ихъ развалинахъ утвердить свое могущество. По сей причинѣ, Катерина сперва взяла сторону Гизовъ, потомъ передалась къ Бурбонамъ, когда сіи послѣдніе захватили власпъ въ свои руки. По смерти Дюка Франциска Гиза (*), страшнаго начальника своей партіи, она опять присоединилась къ Каполикамъ, и скоро потомъ предприняла славное путешествіе въ Байонну, подъ предлогомъ свиданія съ дочерью своею Елисаветою, супругою Филиппа II, Короля Испанскаго. Въ то время, когда на берегу Адурѣ отпраздновались торжественные праздники, Катерина вела тайные переговоры съ Дюкомъ Альбою и Кардиналомъ Лопарингскимъ, копорыхъ цѣлью были тѣснѣйшая связь съ Гизами и совершенное изпребленіе Пропеспантовъ. Альба обѣщаль дѣятельнѣйшее пособіе Короля Испанскаго, своего Государя, непримиримаго врага ерешиковъ не только по набожности, но и по причинамъ политическимъ.

(*) 1563 го года.

Славный Адмиралъ Каспаръ Колинъи былъ душею стороны Протестантской. Счастіе рѣдко улыбалось къ нему въ продолженіе войны междоусобной; но никакія неудачи не могли поколебать его твердоси. Проигравъ сраженіе, онъ поправлялъ обшпояшельсва какою нибудь новою выдумкою и всегда былъ спрашенъ для непріятелей. Когда на несчастной битвѣ при Жарнакѣ партія лишилась Лудовика Конде, Колинъи поручилъ начальство надъ Гугенотами младшему Принцу Генриху Конде, сыну убитаго Лудовика, и Генриху Беарну, сыну Короля Антонія Наваррскаго и Королевы Тоанны Албре, извѣстному попомъ подъ именемъ Генриха IV, Короля Французскаго, наилучшаго изъ Государей. Впрочемъ, Колинъи не переспавалъ управляя дѣйствіями партіи.

Рѣшимость сего Героя и упорство ея единомышленниковъ увѣрили наконецъ Королеву въ томъ, что Протестантовъ не можно побѣдить открышою силою. Надлежало прибѣгнуть къ другимъ средствамъ; коварство и измѣна казались самыми вѣрными. Однакожъ прежде надобно было склонить непріятеля положить мечъ свой, чпобы легче и вѣрнѣе нанести ударъ безоружному. Предложены бы-

ли условія для примиренія, и послѣ короткихъ переговоровъ заключенъ миръ съ Гугенотами (*) въ Сен - Жерменѣ. Имъ не только дозволено было свободно отправлять Богослуженіе, но даже оставлено нѣсколько крѣпостей въ ихъ власти : такое снисхожденіе сдѣлалось предметомъ общаго удивленія и превзошло ожиданіе Протестантовъ.

Сей миръ уподоблялся обманчивой пиннѣ моря, которая бываетъ передъ бурю. Умы еще не успокоились ; Фурія раздора вездѣ шались, покрывъ змѣеобразные власы свои личиною припворства. Каптолическая партія не только не рѣшилась терпѣть Протестантовъ, но даже не оставила прежняго намѣренія вразсужденія и изпробленія враговъ своихъ.

Еще прежде, нежели началась послѣдняя война междоусобная, Каптолики условились между собою захватить Начальниковъ Протестантской партіи, и такимъ образомъ разрушить зданіе, лишивъ его главной опоры. Исполненіе сего намѣренія въ то время не удалось ; теперь снова начали готовить ударъ на главныхъ Гугенотовъ, которые, зная по многимъ опытамъ коварство непріятелей,

(*) 1570 го года:

были весьма недоверчивы и осторожны. Вместо того, чтобы по заключеніи мира разойтись по домамъ, многіе изъ нихъ жили въ Рошели. Двору нужно было, для произведенія въ дѣйство плановъ своихъ, удалить опасенія и недоверчивость, и притворною честностію поселивъ въ Провансахъ благосклонныя къ себѣ расположенія. На сей конецъ, прибыли отъ Двора Посланники въ Рошель для совершеннаго прекращенія всѣхъ споровъ, которые могли еще какъ-нибудь оставаться; они объявили Провансамъ, что „Король намѣренъ начать войну съ Испанією, и что для прочности примиренія хочетъ выдать сестру свою Маргариту за сына Королевы Наваррской.

Дворъ, зная, что Котиньи болѣе всего хотѣлъ войны съ независимною ему Испанією, вздумалъ сею приманкою завести Адмирала въ свои сѣти; надѣялся, что предложенной бракъ могъ служить поводомъ не только къ обращенію молодого Принца въ Капюлическую вѣру, или по крайней мѣрѣ къ навлеченію на него подозрѣнія единомышленниковъ, но что самыя торжества брачныя послужатъ благовиднымъ предлогомъ призвать въ Парижъ главныхъ Гугенотовъ, потомъ тайно убить Адмирала, и такимъ образомъ избавиться самаго опаснаго

шаго непріятеля. Гизы, непримиримые враги Адмирала Колиньи, съ охотою взяли на себя трудъ умеривить его. Дворъ надѣялся, что Гугеноты внезапно возстанутъ для отмщенія убійцамъ любимаго своего предводителя, и что партіи, равно опасныя для Правительства, сами собою ослабѣютъ отъ безпрестанныхъ раздоровъ.

Какое впрочемъ ни было бы намѣреніе Двора, но посольство его имѣло желаемой успѣхъ. Пропетанты еще болѣе ободрились, когда Король Карлъ присланныхъ отъ нихъ, для прекращенія вновь начавшихся споровъ, Депутатовъ принялъ съ особливою благосклонностію, разговаривалъ съ ними о войнѣ прошивъ Испаніи и удовлетворилъ нѣкоторыя ихъ прозбы. Самъ Колиньи, склонясь на многокрапныя приглашенія отъ Короля, наконецъ прибылъ съ пятью-десятью вооруженными спутниками ко Двору, находившемуся тогда въ Блоа. Первое свиданіе съ Королемъ было весьма трогательно. Колиньи упалъ передъ нимъ на колѣна; Карлъ поднялъ его; прижалъ къ своему сердцу, называлъ его любезнымъ опцемъ своимъ, и признавался, что день сей почитаетъ однимъ изъ лучшихъ въ своей жизни. Каперина и братья Королевскіе одинъ передъ другимъ спарались увѣрять его въ своей благосклонно-

сти и дружбѣ. Во все время его пребыванія въ Блоа, Король всячески старался угождать Герою. Люди недоброжелательные Адмиралу были удалены отъ Двора; даже Гизы лишились прежняго уваженія; Кардиналь Лопарингскій выѣхалъ изъ Королевства; Мониморанси, родственники Адмирала, играли первыя роли. По предсказанію Колиньи, Пропестанты получили все, чего желали. Онъ самъ былъ осыпанъ благодареніями Государя, а свита его — дорогими подарками. Будучи совершенно увѣренъ, что Карль поступаетъ съ нимъ чистосердечно и желаетъ утвердить миръ съ Гугенотами, Колиньи возвратился въ Шатильйонъ, свое помѣстье.

По единодушному свидѣтельству современныхъ Писателей, Маргарита, младшая сестра Карла Девятаго, красою, пріятностію и дарованіями не уступала ни одной дѣвицѣ во Франціи. Сердце ея уже принадлежало молодому Дюку Гизу, копорой наследовалъ все великія качества своего дяди Франциска, и имѣя только двадцать лѣтъ отъ роду, отличился уже опытностію и геройскими подвигами. Король зналъ объ его достоинствахъ, но не терпѣлъ его какъ любимаца націи, и проклиналъ страсть Маргариты. Дюкъ Гизъ могъ избавиться отъ нагубныхъ его навѣ-

новъ однимъ только средствомъ, а именно женильбою противъ воли своей на Катеринѣ Клевской, ибо Маргарита назначена была въ супружество Принцу Беарну съ тѣмъ намѣреніемъ — такъ написано въ объявленіи отъ Двора — чпобы симъ бракосочетаніемъ совершенно примирить Протестантовъ съ Каполиками. —

Прочіе начальники Гугеноповъ не полагались на Королевскія обѣщанія. Королева Наваррская Иоанна Албре, ученая, умная и славная Государыня, не одиѣрь разъ ободрившая своихъ единовѣрцовъ отважно рѣшимосшю, весьма сомнѣвалась въ искренности сего примиренія, хотя впрочемъ предложеніе о бракосочетаніи лестно было для ея самолюбія. Многіе Гугеновы принимали участіе въ ея опасеніяхъ, и совѣтовали не соглашаться на предлагаемое бракосочетаніе. Напротивъ того Адмиралъ и Канцлеръ Королевы Франкуръ, и многіе другіе совѣщивали согласиться. Иоанна склонилась и съ многочисленною, блестящею свитою отправилась изъ Рошели въ Парижъ.

Наваррская Королева встрѣтилась съ Папскимъ Легатомъ, ѣхавшимъ въ Парижъ для изпрошенія Маргариты въ замужество за Себастьяна, Короля Португальскаго. Карлъ отказалъ Легату, обѣ-

явивъ ему, что Маргарита уже обѣщана Принцу Наваррскому. Катерина успокоила раздраженнаго Легата, объяснившись съ нимъ тайно о причинахъ сего супружества; нѣкоторые Писатели увѣряютъ, что и самъ Король имѣлъ участіе въ сихъ объясненіяхъ.

Французской Дворъ выѣхалъ въ Блоа на встрѣчу Иоаннѣ. Карль иначе не называлъ ее, какъ доброю, любезною шепушкою; всѣ ея требованія, всѣ условія были уважены. Въ честь ея, Дворъ принялъ намѣреніе торжественно праздновать Пасху съ особливою пышностію. Все это было только — пустая учтивость. Иоанна гораздо менѣе довольна была Дворомъ, нежели Колинъ и его пріятели. Она замѣтила, что все идетъ не такимъ образомъ, какъ ей думалось; нѣкоторыя затрудненія, встрѣпившіяся при переговорахъ, нѣкоторыя оскорбленія со стороны Катерины, снова заставили ее сомнѣваться въ искренности Двора Французскаго. Не смотря на то, она склонилась подписать брачный договоръ (*), и скоро потомъ поѣхала въ Парижъ для закупки разныхъ нарядовъ и для приготовленій къ свадьбѣ.

(*) 1571 го Года Апрѣля 11 го дня. ✓

Въ это время посланы отъ Двора къ Колиньи и другимъ начальникамъ Гуге-ноповъ торжественныя приглашенія въ Парижъ къ свадебнымъ праздникамъ. Съ Англійскою Королевою заключенъ союзъ прошивъ Испаніи, и Реформатамъ снова обѣщано свободное опправленіе Богослуженія во Франціи. Среди брачныхъ приготовленій Іоанна вдругъ занемогла и въ пятой день скончалась на сорокъ четвер-той году отъ рожденія. Всѣ Протестан-ты плакали объ ея смерти, копорую при-писывали явно Катеринѣ и Капюлической партіи. Говорятъ, что Королева Наварр-ская умерла отъ яда, копорымъ напиша-ны были перчатки; впрочемъ, это не доказано, хотя и извѣстно, что Катери-на ненавидѣла Іоанну.

При Французскомъ Дворѣ по сему пе-чальному случаю наложенъ былъ глубокой трауръ; брачное торжество отложено до другаго времени. Между тѣмъ къ Адми-ралу снова послано приглашеніе въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ. Колиньи, непер-пѣливо желая примирить объ партіи, по-мышляя объ войнѣ съ Испаніею, починая искренними поступки Короля, и можетъ быть, надѣясь освободить юнаго Монарха отъ цѣпей зависимости, копорыми обло-жила его мать распушная и власполуби-

вая — рѣшился исполнить требованіе Государя и отправился въ Парижъ. Тщетно осторожные, дальновидные Пропестанты и самая супруга Адмиралова, Жакелина Антронъ, совѣщивали ему опасаться; тщетно другъ его Вильгельмъ Оранжскій заклиналъ его не вѣрить ласковымъ словамъ Королевскимъ; онъ не послушался совѣщивъ и исполнилъ свое намѣреніе.

Удивительно, какъ могъ опытный Колинъ, которому извѣсны были всѣ общообщественныя Дѣла, не догадаться о коварныхъ замыслахъ и ввѣрить безопасности свою Королю слабому, непостоянному, не имѣющему никакого характера! Положимъ, что Карлъ въ самомъ дѣлѣ ему доброхотствовалъ: но Колинъ долженъ былъ знать, что Королева и вся партія Католиковъ питали къ нему вражду непримиримую; онъ долженъ былъ знать, что Дюкъ Гизъ пылалъ ненавистію къ нему и мщеніемъ, и что жители Парижскіе не могли терпѣть Гугенотовъ. Исторія богата примѣрами, свидѣтельствующими, что люди благоразумные не рѣдко, въ ослѣпленіи своемъ, добровольно идутъ къ пропасти гибели. Видно, Судьба опредѣлила ему быть жертвою коварства и злобы.

Колиньи прибылъ въ Парижъ. Дюкъ Беарнъ и Принцъ Конде также прѣхали въ столицу; свита ихъ состояла болѣе нежели изъ семи сотъ Гугеновъ, считая однихъ только Дворянъ. Всѣ они были одѣшны въ печальное платье по Королевѣ Иоаниѣ; суевѣрный народъ почиталъ черной цвѣтъ одежды печальнымъ предзнаменованіемъ. Адмиралъ принятъ былъ съ почестями, приличными славѣ его и достоинству; Король и Королева изъявляли ему особливые знаки своего благоволенія. Казалось, что все прошедшее было забыто, и что примиреніе основывалось на самой искренности. Король по обыкновенію называлъ его бапюшкою, благосклонно выслушивалъ его совѣты, и часно разговаривалъ съ нимъ о войнѣ противъ Испаніи.

Такое поведеніе Королевы и ея сообщниковъ, по видимому, уничтожавшее всѣ подозрѣнія, въ самомъ дѣлѣ было не что иное, какъ слѣдствіе глубокаго притворства. Самъ Король иногда сказывалъ за шайну своимъ любимцамъ, что „онъ, подобно сокольнику, приманиваетъ птицъ;“ при Дворѣ носились глухіе слухи, что „въ день свадьбы ливреѣ назначено быть кроваваго цвѣта.“ Къ Адмиралу опять доходили остерегательныя напоминанія; давали ему знать о движеніяхъ Гизовъ,

которые собирали военныхъ людей; все тщетно! — „Это пустыя выдумки — говорилъ Колинъи: — ничему не вѣрю; лучше соглашусь всего ожидать, нежели уѣхать изъ Парижа, и снова возпламенить войну междоусобную.“

Въ Воскресенье 17 го Августа (*), въ церкви Богоматери торжественно совершено бракосочетаніе молодаго Принца Генриха Беарна, названнаго уже Королемъ Наваррскимъ, съ Принцессою Маргаритою. Кардиналъ Бурбонъ отправилъ обрядъ (въ присутствіи всего Двора, знаменитѣйшихъ Гугенотовъ и Каполиковъ. Новобрачные и всѣ Каполики одѣты были весьма пышно, напротивъ того Гугеноты — весьма просто. По окончаніи обряда Маргарита и Каполики слушали обѣдню; супругъ ея и Гугеноты прохаживались по церкви.

Праздники продолжались до самаго четверга. Пированія, балы, драматическія представленія и балеты, по большей части сочиненныя самою Катериною, слѣдовали одни за другими. Въ среду данъ былъ праздникъ великолѣпнѣйшій; онъ достоинъ примѣчанія по аллегорическому изображенію мыслей Двора вразсужденіи Гугенотовъ. На театрѣ представлень былъ рай; при

(*) 1572 го года.

входъ стоялъ Король Французскій съ братьями своими Дюками д' Анжу и Алансонскимъ, всѣ въ Рыцарскомъ платьѣ. Подлѣ рая, за рѣкою видѣнъ былъ адъ. Въ Елисейскихъ поляхъ, на задней половинѣ театра, гуляли двенадцать Нимфъ. Рыцари, под начальствомъ Короля Наваррскаго, хотѣли увести двѣдушекъ; но спражи входа райскаго, вступивъ съ ними въ бой, низвергаютъ ихъ въ бездны Оркуса; тамъ Дьяволы обременяютъ ихъ оковами. Побѣдители танцуютъ съ Нимфами, и потомъ освобождаютъ заключенныхъ Рыцарей. Зрѣлище сдѣлало сильное впечатлѣнiе въ Гугенотахъ. Не полагаясь на доброхотство Двора, они толковали театральное представленiе въ дурную сторону. Многіе, движимые неприятымъ предчувствiемъ, на другой же день оставили Парижъ; нѣкоторые выѣхали въ предмѣстiя подъ предлогомъ, будто въ городѣ воздухъ вреденъ для здоровья.

Въ четвергъ, праздники окончились турниромъ. Солнце радости закатилось, и вмѣстѣ съ его блескомъ изчезло примиренiе, подобно метеору воздушному. Горизонтъ Франціи снова покрылся облаками; буря пригнала тучу, которая давно уже въ дали ссѣпавилась.

Въ пятницу, 22го Августа передъ полуднемъ, Адмиралъ шелъ пѣшкомъ изъ Лувра на свою квартиру въ улицу Бепизи; въ то самое время, когда онъ читалъ полученное предостерегательное извѣстіе, раздался выстрѣлъ, и пуля попала прямо въ Колиньи. Спутники ужаснулись; раненый, указавъ на ближайшій небольшой домъ, произнесъ: „выстрѣлъ оппуда.“ Въ ту минуту нѣкоторые изъ находившихся въ свитѣ Адмирала бросились въ домъ; но убійца скрылся черезъ заднія ворота. При осмотрѣніи ранъ, Колиньи могъ сказать только съ крайнимъ негодованіемъ: „вошъ торжественное примиреніе съ Дюкомъ Гизомъ, за котораго самъ Король поручился!“ Правой указательной палецъ былъ размозженъ, лѣвая рука оцарапана.

Извѣстіе о семъ произшествіи немедленно разпространилось въ Парижѣ, и возбудило общее вниманіе. Гугеноты въ изумленіи бѣжали къ Адмиралу; многіе Капюлики не одобряли злодѣйскаго поступка. Король Наваррскій и Принцъ Конде явились у Карла и просили о дозволеніи выѣхать изъ Парижа, гдѣ жизнь ихъ подвержена опасности. Король старался успокоить ихъ, и, по обыкновенію, заклиналъ себя спрашными клятвами, что „онъ жестоко

опмспитъ за Адмирала, и что убійца не скроепся ниже въ самыхъ тайныхъ убѣжищахъ чертоговъ Гизовыхъ.“ Онъ послалъ своихъ Лейбъ - Медиковъ и Хирурговъ къ больному, приказалъ нарядить комиссію для изслѣдованія дѣла, и потребовалъ отъ Гизовъ оправданія въ падающемъ на нихъ подозрѣніи. Каперица также казалась весьма опечаленною симъ несчастнымъ приключеніемъ; однакожъ извѣстно, что была въ немъ главною участницею. Послѣ узнали, что Гизы, закрывшись масками, два раза тайно посѣщали Королеву. Вильмеръ, хозяинъ дома, изъ котораго выстрѣлено по Адмиралѣ, служилъ при Гизахъ въ званіи Гофмейстера, а самой исполнителъ сего гнуснаго порученія, нѣкто, по имени Моревель, уже и прежде замѣченный въ подобныхъ бездѣльничествахъ, убѣжалъ на лошади, взятой изъ Королевской конюшни: послѣ всего этого, можно ли не догадаться, кто былъ виновникомъ разбойническаго поступка?

Король Карлъ не только посылалъ часто освѣдомляться о здоровьѣ больнаго, но, склонясь на прозьбу его, рѣшился пріѣхать въ квартиру Адмирала, вмѣстѣ съ матерью и братомъ Дюкомъ д'Анжу. Онъ увѣрилъ Колиньи, что беретъ участие

въ его приключеніи, и снова обѣщался наказанъ виновнаго. Адмиралъ проситъ у Короля дозволенія сказать ему нѣсколько словъ безъ свидѣтелей. Королева, Анжу и всѣ шамъ находившіеся опспутили назадъ; въ то время, когда больной говорилъ съ Королемъ, Катерина примѣпила угрозы на лицахъ Гугеношовъ, ее окружавшихъ; тайной разговоръ еще болѣе увеличивалъ ея безпокойство. Вышедши изъ терпѣнія, она подходитъ къ постелѣ и напоминаетъ Королю, что уже пора оставитъ больнаго въ покоѣ. Возвратясь въ Лувръ, Катерина присшупила къ сыну съ вопросами, желая знать, о чемъ Колиньи съ нимъ разговаривалъ. Карлъ сперва не рѣшался опкрыться, но видя, что непременно должно удовлетворитъ ея любопытство, сказалъ съ негодованіемъ: „Колиньи совѣповалъ мнѣ опсерегалъсь ващего властолобія и вашихъ сообщниковъ, которые всю власть себѣ присвоили.“

Катерина ужаснулась. Будучи въ сильномъ движеніи, она пошчасъ вышла вмѣстѣ съ Дюкомъ д'Анжу, вѣрнымъ участникомъ всѣхъ коварныхъ ея замысловъ. Ей былъ извѣщенъ слабой, непоспоянной характеръ Карла. Какъ легко могъ бы подѣисповать надъ нимъ совѣпѣ Адмирала! какъ легко она могла бы лишиться

всей своей власти, пріобрѣтенной посредствомъ злодѣйскихъ происковъ! По чему знать, что могущество ея не досталось бы въ руки ненавидимаго Протеспанпа? Врачи объявили, что раны Адмирала не опасны; шѣмъ болѣе казалось ей, что не должно пропускать времени, и какъ можно скорѣе произвеси въ дѣйство адской умыселъ.

На другой день (*), Катерина собрала своихъ пріятелей, сообщила имъ свои опасенія, и требовала совѣповъ, какимъ бы образомъ Адмирала и всѣхъ Протеспанпскихъ начальниковъ принести на жертву своей безопасности и мщенію. Собраніе немедленно согласилось и въ намѣреніи и въ средствахъ; Гизы обѣщались все сдѣлать, чего ошъ нихъ ни потребуютъ: оставалось испросить у Короля дозволеніе. Это поручено было исполнить Графу Рецу. Коварный Италіянецъ, копорой пользовался довѣренностію Карла, употребилъ все свое краснорѣчіе на то, чтобы въ слабомъ Государѣ возобновить ненависть къ Протеспанпамъ. Онъ представилъ ему, что „благо Королевства и собственная безопасность его требовали смерти Адмирала; что Гугеноты поклялись мстить ему, Королевѣ и Гизамъ; что въ слѣдующую

(*) Августа 23 го.

же ночь положено поднятъ оружїе; что угрожаетъ крайняя опасность Государству; что дѣло идетъ объ его коронѣ и о самой жизни.“

Карлъ въ изумленїи елушалъ Графа Реца, и не зналъ, слѣдовать ли его совѣту. Въ это время входитъ Каперина и Анжу со своими друзьями. Всѣ вмѣстѣ приступили къ Королю съ прозьбою о дозволенїи лишитъ жизни Колиньи. Ему сказали, что „и Каполики и Протестанты равно недовольны имъ: одни за строгость противъ Дюка Гиза, другїе за выстрѣлъ въ Адмирала; что Протестанты заключили миръ не съ добрымъ намѣренїемъ; что они уже наняли Нѣмцовъ и Швейцаръ, желая съ помощїю сихъ чужеспранныхъ еретиковъ побѣдитъ православныхъ Французовъ; что Каполики, видя привязанность Государя къ еретикамъ, выберутъ себѣ другаго предводителя; что онъ, такимъ образомъ лишася власти, подпадетъ презрѣнїю обѣихъ паршїй; что смерть Колиньи переменитъ обстоятельство и удалитъ опасность: ибо колоссъ Протестантскаго суевѣрїя осшанется безъ души и силы.“ Каперина прибавила къ тому голосомъ небеснаго вдохновенїя: „лучше изтребитъ одинъ гнилой членъ, нежели озлобитъ церковь, невѣсту Христову.“

Карлъ слушалъ и молчалъ. Приведенный въ изумленіе и ужасъ, онъ думалъ, что видитъ опасность надъ своею головою, но не зналъ, на что рѣшиться. Капеллина грозно вскричала: „Робкой человекъ! нѣтъ въ тебѣ любви и усердія къ Религіи!“ Сей упрекъ пробудилъ Карла. Стыдъ, нанесенный словами мапери, гнѣвъ на враговъ престола и олшаря вдохнули въ него ярость кровожадную. Подобно бѣшенному, съ дикими взорами, съ обезображеннымъ лицомъ, онъ возопилъ: „Колѣны погибнутъ! онъ погибнетъ не одинъ, но съ нимъ вмѣстѣ всѣ Гугеноты въ Парижѣ и во Франціи! ни одинъ изъ нихъ живымъ не останется!“

Сіе внезапное изреченіе подало поводъ къ ненавистному происшествію, которое здѣсь описывается. Нѣкоторые Испорики увѣряютъ, что оно было предположено съ давняго времени; мы не хотимъ тому вѣрить. Нѣтъ! скорѣе согласимся заключить, что оно было слѣдствіе несчастной минуты, произведеніе грубаго характера, внезапно разпаленнаго пылкими спраспями; что намѣреніе сіе исполнено, не бывъ обдуманымъ. Утверждать прошивное, значило бы унижать человекство.

Приговоръ Карла, въ бѣшенномъ изступленіи произнесенной, рѣшилъ судьбу Гу-

геноповъ. Они объявлены соспоящими внѣ защиты законовъ, лишенными всѣхъ правъ гражданскихъ. Убийственной Совѣтъ Королевы собрался въ Тюльерійскомъ еаду для разсужденія о способахъ къ изпробленію Пропеспанповъ. Дюкъ д' Анжу, Дюкъ Ангулемскій, Великій Пріоръ Франціи, Королевскій братъ опъ незаконнаго ложа, Дюкъ Неверсъ, Хранитель печати Биракъ, Маршалъ Таваннъ и Графъ Рецъ, составляли ужасное ночное судилище, подъ предсѣдательствомъ Фуріи, вооруженной кинжаломъ и пламенникомъ. — Сперва предложенъ былъ важной вопросъ: Король Наваррскій и Принцъ Конде должны подвергнуться равной участи съ своими единовѣрцами, или оспахъся жиыми? Всѣ Члены подали голоса въ пользу перваго, изъ уваженія къ высокому сану его, къ родспву съ Королевскимъ Французскимъ Домомъ, и по причинѣ опасенія, что нареканіе падетъ на Короля въ убійствѣ своего зяпя. Въ опношеніи же къ Принцу Конде голоса раздѣлились; только неопспупная прозьба Дюка Неверса, его родспвенника, могла спасти Принца. Однакожь оба они должны были изкупить жизнь свою принятіемъ Капюлическаго исповѣданія. Всѣ прочіе Гугеноты безъ изьятія осуждены на смерть; пораженіе должен-

сповало начаться съ почтеннаго Колиньи, добродѣшельнаго начальника Пропеспантовъ; Дюку Генриху Гизу, копорому назначено дѣйствовать въ качествѣ главнаго лица въ сей кровопролитной Драмѣ, поручено убить Адмирала. Маршалъ Таваннъ обязанъ былъ собрать мѣщанскую стражу передъ рапушею. Всѣмъ военнымъ служащимъ велѣно соединиться на одномъ мѣстѣ, всѣмъ карауламъ стать подъ ружье. Каполики должны были освѣтить свои дома, и для опличія пришить къ шляпѣ бѣлой крестъ, а руку перевязать плашкомъ такого же цвѣща. Въ полночь улицы около Лувра надлежало запереть цѣпями и окружить стражею; дома освѣтить смоляными факелами. Заупрений звонъ колокола на башнѣ церкви Св. Жерменя, не далеко отъ Лувра, подаетъ знакъ къ началю кровопролитія.

Всѣ приготовления въ столицѣ окончаны весьма скоро; между шѣмъ къ Намѣстникамъ Провинцій посланы повелѣнія о вооруженіи Каполиковъ на Пропеспантовъ. Какъ ни тайно дѣлались приготовления, однакожъ многіе Гугеноты объ нихъ узнали. Въ тотъ же день, когда Колиньи былъ раненъ, нѣкоторые изъ его пріятелей неотступно просили его удалиться изъ Парижа. Наканунѣ побѣенія, поздно

ввечеру Гугеноты прибѣжали къ нему съ извѣщеніемъ, что во всѣхъ частяхъ города примѣчается движеніе, и что въ домахъ Каполиковъ видѣли многихъ людей вооруженныхъ, а въ Луврѣ — носильщиковъ съ оружіемъ. Но больной не думалъ о своей безопасности. Король, по его просьбѣ, далъ ему караулъ, для охраненія квартиры; положено было, чтобы находящіеся въ Парижѣ Дворяне Протестантскаго исповѣданія поселились въ домахъ, близлежащихъ къ жишельшву Колиньи, и не позволяли бы приближаться къ себѣ Каполикамъ; сверхъ того Телиньи, зять Адмирала, утверждалъ, что оружіе собрано въ Луврѣ съ намѣреніемъ строитъ крѣпость, для забавы Короля. Легкомысленной молодой человекъ слышалъ басню сію во Дворцѣ, и повѣрилъ ей. Колиньи не внялъ послѣднему гласу Генія, своего спасителя; онъ пребылъ спокоенъ и непоколебимою твердостью себя самого и многія тысячи единовѣрцовъ своихъ ввергнулъ въ пропасть, передъ нимъ зіяющую.

Королю Наваррскому также совѣтовали выѣхать изъ Парижа, но рѣшимость Адмирала склонила и его остаться; сверхъ того онъ положился на коварнаго своего шурина, Короля Французскаго, который посовѣтовалъ Генриху пригласить въ

свою спальню нѣсколько вѣрныхъ Гугенотовъ для защищенія себя въ случаѣ предполагаемаго нападенія отъ Гизовъ. Сія опорожненность послужила къ тому, что несчастныя жертвы тѣмъ удобнѣе достались во власть убійцъ своихъ.

Таваннъ, собравши начальниковъ мѣщанской стражи, привелъ къ Королю, копорой лично отдалъ имъ приказъ „всѣхъ Гугенотовъ рубить безъ пощады.“ Сколько люди сіи ни были злы противъ Гугенотовъ, какъ враговъ вѣры; однакожъ, услышавъ приказъ Королевской, запрепешали отъ ужаса.

Самъ Карлъ пронутъ былъ чувствомъ человеколюбія. Ввечеру онъ ужиналъ и игралъ съ любезнымъ и почтеннымъ Графомъ Францискомъ Ларошфуко; не смотря на то, что Графъ былъ ревностный Гугенотъ, Король находилъ великое удовольствіе провождать съ нимъ время. Когда Графъ хотѣлъ откланяться и идти домой, Королю пришло на мысль спасти его. Но опасеніе, чтобы симъ доброхотствомъ не открытъ ужасной тайны, подавило въ немъ сосраданіе; онъ рѣшился отпустить пріятеля своего идти, куда судьба поведетъ его. Карлъ почелъ нужнымъ для собственной пользы спасти перваго своего Лейбъ - Медика, славнаго Ам-

вросія Паре, которому врачебная Наука обязана многими полезными открытіями. Онъ приказалъ позвать къ себѣ Врача сего, и спряналъ его въ своемъ гардеробѣ.

Карлъ опрелекъ отъ чувства дружбы, а свирѣпая мать его пренебрегла еще священнѣйшую обязанность — любовь матернюю. Дочь ея, младая Королева Наваррская, провела вечеръ въ комнатѣ сестры своей, Дюшессы Лопарингской, въ сильномъ безпокойствѣ, видя необыкновенныя въ Луврѣ движенія, которыхъ причина хотя ей была неизвѣстна, но которыя не обѣщали ничего добраго. Не задолго до совершенія убійства, Каперина приказываетъ ей идти въ спальню супруга. Дюшесса, заботясь объ участи сестры своей, и зная обо всемъ, представляетъ Королевѣ, что съ Маргаритою можетъ случиться какое нибудь несчастіе, и проситъ дозволить ей здѣсь остаться. „Если Господь Богъ не допуститъ — отвѣчала жестокая мать равнодушно — то ничего не случится;“ — и дрожащая Маргарита принуждена была поспѣшно удалиться. Пришедши въ спальню, она тамъ нашла своего супруга и отъ тридцати до сорока Гугенотовъ. Генрихъ разговаривалъ съ ними о больномъ Адмиралѣ, между тѣмъ какъ Маргарита, не могла

сомкнувъ глазъ отъ мучительныхъ предчувствій, ворочалась съ боку на бокъ.

Полночь миновалась; настала первая часъ кроваваго, 24 го дня Августа, дня ужаса. Все было приготовлено. Гизъ открылъ Начальникамъ Швейцарской Гвардіи и нѣкоторымъ Французскимъ Офицерамъ всѣ обстоятельство заговора, роздалъ нужныя приказанія и окружилъ Лувръ претемными силами вооруженныхъ людей; онъ томился жаждою крови и съ неперпнїемъ ожидалъ условленнаго знака. Мершва пишина господствовала въ столицѣ. Миръ и спокойствіе скоро должны уступить мѣсто жестокости, смятенію, ужасамъ. Обреченные на жертву Гугеноты съ безпечностію вкушали сладость сна въ полуднїй разъ въ своей жизни, не предвидя, что скоро пробудятся и снова заснутъ — на вѣки.

Король Карлъ, мать его, Анжу и нѣкоторые сообщники вышли на балконъ и ожидали начала кровопролитія. Въ тишомъ молчаніи смотрѣли они на всѣ стороны. Вездѣ мракъ непроницаемый, вездѣ тишина глубокая; черной Ангелъ смерти носился надъ своими жертвами. Насильственной претепь объемлетъ Карла. Гнусное злодѣйство его представляется уму во всемъ видѣ своемъ. Разныя чувства

борются въ немъ. Внезапной звукъ пистолешнаго выстрѣла приводитъ въ ужасъ незаконныхъ; всѣ они окаменѣли. Геній челоѳчества осперегаешъ Карла, копорой, будучи внѣ себя, посябно приказываетъ одному чиновнику лепѣть къ Гизу съ повелѣнїемъ пощадить Адмирала. Но это уже было поздно. Возвращившїйся вѣспникъ доноситъ, что Колиньи плаваешъ въ крови своей. Карлъ всегда былъ слабымъ орудемъ перваго движенїя душевнаго; освобождаясь ошъ чувствна насильственнаго раскаянїя, онъ вскричалъ: „теперь пускай все идешъ своимъ порядкомъ!“ — Ангелъ хранитель оставилъ его навсегда; послѣдняя искра челоѳчества погасла въ его сердцѣ.

(Окончанїе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

О ссорѣ Фридриха съ Вольтеромъ.

Фридрихъ и Вольтеръ — когда послѣднїй жилъ въ Берлинѣ — почти всегда были вмѣстѣ, кромѣ утренняго времени, кошорое Король обыкновенно посвящалъ дѣламъ государственнымъ. Каждой день они вмѣстѣ обѣдали и ужинали; къ столу Королевскому приглашаемы были извѣст-

ныя особы болѣе для слушанія бесѣды нашихъ Философовъ, нежели для того, чтобъ принимать въ ней участіе. Фридрихъ, безъ сомнѣнія, зналъ, чѣмъ обязанъ былъ приличностямъ своего сана, однакожь не могъ отказать себѣ въ забавахъ ума, и приглашалъ къ своему столу нѣкоторыхъ Генераловъ, придворныхъ чиновниковъ, Литтераторовъ, Ученыхъ и Членовъ Академіи, съ которыми по большей части любилъ бесѣдовать; но когда Вольтеръ жилъ въ Берлинѣ, Король обыкновенно только съ нимъ разговаривалъ. Чудесныя умы сіи одинъ въ другомъ возбуждали взаимное соревнованіе. Каждую минуту были произносимы или доспомятныя изреченія, или пріятныя шутки; умы и остроуміе спорили о первенствѣ. Свидѣтели бесѣды не знали, чему болѣе удивляясь, изыщешву ли словъ или неизчерпаемому ихъ обилію.

Не рѣдко Вольтеръ по ушрамъ занятъ былъ совсѣмъ другимъ дѣломъ: братья и сестры Королевскіе разучивали его Трагедіи; Эдилъ, Маріанна, Заира, Аделаида Дюгескленъ, Альзира, Меропа, Семирамида, Орестъ, Смерть Цезаря, Брутъ, Магометъ и Избавленный Римъ, были играемы въ присутствіи Короля и особъ приближенныхъ. Пробныя

репешницїи сихъ трагедїй дѣлались съ необыкновенною живоспїю. Самъ Вольтеръ училъ декламаціи и занимался со всею ревностїю; предспавлялъ всѣ роли; кричалъ, а часно и бранился на царственную шруппу, и никно не думалъ за то на него сердиться. Смѣялись надъ его вспылчивоспїю и пользовались насшавленїями. Принцъ Генрихъ болѣе всѣхъ успѣлъ оплнчнться, сдѣлался первымъ Лкшеромъ въ Королевской фамилїи, и до самой смерти своей былъ страшнымъ охотникомъ до Театра.

Столь прїятная жизнь иногда была омрачаема неудовольствїями; между Фридрихомъ и Вольтеромъ и между Вольперомъ и другими Липператорами раждались несогласїя. Вражда его съ Моперпюи имѣла непрїятнѣйшія слѣдствїя. Самъ Король часто забавлялся колкими шупками Вольпера на счетъ Президента своей Академїи; не желая доводить ихъ до явнаго, соблазнительнаго разрыва, онъ много разъ старался мирить ихъ — но бесполезно. Наконецъ, Король — узнавши, что Вольтеръ сочинилъ самую жестокую сатиру на Моперпюи, подъ щнпуломъ: *Докторъ Аккїя*, и готовился уже печатать ее — написалъ къ Автору вѣсьма благосклонную записочку, и просилъ его придти къ себѣ.

Онъ дружескимъ образомъ далъ вырази-
мѣнь Вольперу желаніе свое, чтобы новое
сочиненіе не было извѣстнымъ свѣту.
Фридрихъ обѣщался сіе малое пожертвова-
ніе считатьъ одолженіемъ и залогомъ ис-
кренней дружбы; увѣрялъ Вольпера, что
самъ радъ сдѣлать для него все, чего ни
потребуешь. Вольперъ не могъ проши-
виться; разговоръ кончился шутками.
Авторъ обѣщался принести свою рукопись.

Вольперъ въ самомъ дѣлѣ тотчасъ
возвратился „Ваше Величество! — вскри-
чалъ онъ со смѣхомъ, и подавая руко-
пись: — вотъ невинная жертва, которая
должна пострадать за людей! предаю
въ вашу волю; повелите разтерзать ее.“ —
„О любезной другъ! — отвѣчалъ Король: —
какъ жалка моя участь! терзать тѣхъ,
которые заслуживаютъ вѣнецъ и славу!
Хорошо! покоримся судьбѣ, но не посра-
мимъ себя; будемъ справедливы, сколько
зависитъ отъ насъ быть такими; зако-
лемъ жертву, но опмстимъ за нее. Читай:
пусть моя память сдѣлается хранилищемъ
драгоценности. Читай: пусть удивленіе
мое переживетъ пламя, которое изпре-
бишь бумагу. О Вулканъ! никогда въ
честь тебѣ не была приносима жертва
столь тучная!“ Вольперъ прочелъ по-
вѣсть отъ начала до конца. Рукоплеска-

нїя Монарха каждую минуту прерывали чтеніе ; Король признавался, что всѣ чер- ты забавны и справедливы ; хохотъ раз- давался по комнапѣ. По прочтеніи каж- дой шепради , когда надлежало класпть ее на огонь , слышны были восклицанїя : „ не робѣйте , друзья ! этому быть должно ! о Вулканъ ! богъ ненасыпный и жеспокій ! воиъ жертва швоя ! “ Между тѣмъ , какъ шепрадь горѣла , присутствующіе соспа- вляли священный хоръ по древнему обык- новенію , и плясали вокругъ жаровни. Та- кимъ образомъ Доктора Акакїю сожгли до послѣдней страницы ; можетъ быть , Ко- роль и Вольперъ никогда не дозволяли се- бѣ сполько шумишь , какъ при семъ случаѣ.

Фридрихъ боялся , чтобы побѣда , имъ одержанная , не была хитрымъ пришвор- спвомъ ; Вольперъ догадывался , что шушки и забавы были не что иное , какъ средства достать у него рукопись. Такимъ образомъ Король и Вольперъ примѣчали другъ за дру- томъ. Мопертюи возгордился. Вольперъ , уви- дѣвъ на своей сторонѣ проигрышъ , захо- шѣлъ мспишь. У него оставался еще одинъ списокъ Доктора Акакїи , о чемъ и самъ Ко- роль догадывался. Вольперъ отдаеть его печатать. Фридрихъ , примѣчавшїй все движенїя Вольперовы , узнаеть о томъ ,

дожидается, пока будетъ оппечатаана вся книга, и потомъ приказываетъ взять ее въ вѣдомство правительсшва. Вольперъ, предвидя, что могло случиться, бралъ къ себѣ по четыре экземпляра оиъ каждого листа, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ печати, и спсылалъ въ Голландію. Фридрихъ, разсердясь за несдержаніе слова и за насмѣшку надъ собою, приказалъ сжечь палачамъ все изданіе, въ Воскресенье, въ четвертомъ часу послѣ полудни, на Жандармской площади, самой лучшей въ Берлинѣ. Вольперъ смотрѣлъ на сей торжественный обрядъ *авто-да-фе* изъ комнаты своего пріятеля, Г-на Франшвидя, которой жилъ не далеко отъ сей площади, и къ которому онъ иногда навѣдывался, чтобы забыть на часъ шумъ придворный. Слѣя подлѣ окна, онъ закричалъ изо всей силы: „Смотрите! духъ Мопертюи идетъ вверхъ дымомъ! Ахъ, какой же дымъ густой, черной! сколько пропадаетъ дровъ! четыре бѣглеца на почтовыхъ ускакали въ Голландію!“

Увѣряютъ, что всѣ насмѣшники приняли сторону Вольпера въ семъ важномъ дѣлѣ. Фридрихъ никогда не осуждалъ книгъ на безчестное сожженіе, и сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, положившемъ основа-

нѣ вѣчной вражды между имѣ и Вольперомъ. Онѣ холодности дошло до насмѣшекъ, до грубости, даже до оскорбленій. Когда ссора сдѣлалась самою жаркою, Фридрихъ послалъ черезъ своего пажа къ Вольперу, жившему въ нижнемъ этажѣ Дворца подѣ Королевскими комнатами, записку, наполненную укоризнами, и оканчивающуюся сими словами: „сердце ваше во сто разѣ ужаснѣе, нежели сколько умѣ превосходить.“ Не лѣзя представлять себѣ, какое бѣшенство произвела въ Вольперѣ сѣя записка. Онѣ называлъ Фридриха самыми жестокими бранными словами, выдумывалъ неноснѣйшія укоризны, кричалъ, ходилъ по комнатамъ большими шагами, и показывалъ всѣ признаки челоуѣка, находящагося въ сильномъ движеніи.

Бѣдной пажѣ, копорой дожидался опѣшѣта, блѣднѣлъ, дрожалъ и повторялъ безпрестанно: „милоспивый государь! милоспивый государь!“ наконецъ, внѣ себя отѣ смяпенія, подходитъ къ Вольперу и робкимъ голосомъ говоритъ: „милоспивый государь! всномните, что онѣ Король, что вы живете при его Дворѣ, что я, слушающій: бранныя ваши слова на счетѣ Его Величества, нахожусь въ его службѣ!“ Это весьма сильно тронуло Вольпера. Онѣ съ поспѣшностію беретъ пажа за руку и

кричитъ : „Хорошо, сударь! будьте моимъ и его судьбою; подумайте и скажите, въ чемъ я передъ нимъ виноватъ! Такъ, я сдѣлалъ одинъ проступокъ, котораго ничѣмъ не лзя загладить; я научилъ его писать стихи лучше, нежели какъ самъ умѣю. Вотъ мой отвѣтъ.“ Пажъ приходитъ къ Королю, которой терзался безпокойствомъ, ожидая его возвращенія, и въ нерешительности ходилъ по кабинету. — „Отдалъ ли ты записку?“ спросилъ онъ, увидѣвъ пажа. — Отдалъ, Ваше Величество. — „Самому Вольтеру?“ — Самому, Ваше Величество. — „Онъ читалъ ее при тебѣ?“ — При мнѣ, Ваше Величество. — „Что онъ дѣлалъ, что говорилъ по прочтеніи записки?“ — Пажъ онѣмѣлъ. — „Спрашиваю тебя, что сказалъ Вольтеръ, прочитавши записку.“ — Молчаніе. — „Не слышишь? Приказываю тебѣ объявить въ сію минуту, что онъ говорилъ, что дѣлалъ.“ — То же молчаніе. — „Слушай! берегись! я хочу непременно знать, что сказалъ Вольтеръ! говори; я хочу.“ — На послѣдокъ пажъ, принуждаемый страхомъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, дрожа еще сильнѣе, нежели передъ Вольтеромъ, не смѣя взглянуть вверхъ, началъ рассказывать о томъ, что видѣлъ и что слышалъ. Король

ходилъ большими шагами ; остановил-
ся , смотрѣлъ пристально на шажа ; ли-
це его пламенѣло , взоры казались ужа-
сными. Можно было ожидать страшнаго
изверженія , когда пажъ доносилъ о по-
слѣднихъ словахъ Вольперовыхъ ; — вышло
совсѣмъ пропивное. Монархъ внезапно успо-
коился , улыбался , пожималъ плечами , и
кончилъ сіе великое дѣло двумя словами ,
сказавъ : *онъ дуракъ !*

Судя хладнокровно по правиламъ благо-
разумія , не лъзя оправдывать ни Фрид-
риха , ни Вольпера ; но и самыя слабости
ихъ занимательны , потому что онѣ не
походятъ на слабости , которыми подвер-
жены прочіе Монархи и Поэты. Примѣръ
дружбы ихъ , ссоры , примиренія , явнаго
разрыва , нѣжной привязанности , которую
они оба , почти противъ воли , хранили во
всю жизнь свою другъ ко другу — есть
примѣръ единственный въ исторіи Монар-
хій и Литтературы. Фридрихъ и Воль-
перъ будутъ предметомъ вниманія для
опдаленнѣйшаго потомства ; каждое извѣ-
стіе о сихъ необыкновенныхъ людяхъ дол-
жно возбуждать любопытство въ чита-
теляхъ.

(Изъ Франц. Журн.)

III.

О т в ѣ т ъ

Сочинителю стиховъ подъ названіемъ: *Лѣто*,
напечатанныхъ въ осмнадцатомъ Нумерѣ
Вѣстника Европы.

Бирдѣ безвѣстный (*)! тебяль не узнаю?
Орліи издавна знакомѣ мнѣ полетѣ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетѣ.

Тщешно Поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатѣ соловьевѣ;
Тщешно здѣсь бродитѣ въ дубравахѣ мой Геній
Близъ свѣтлыхѣ ручьевѣ.

Тамо встрѣчаетѣ на каждомѣ онѣ шагѣ
Рдяныхѣ Сашировѣ (**) и Вакховыхѣ жрицѣ,
Скачущихѣ съ воплемѣ и плескомѣ въ отвагѣ
Вкругѣ древнихѣ гробницѣ.

(*) Авторѣ не подписалѣ своего имени. — Д.

(**) Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки, ко-
торые во все лѣто промышляють въ
Марьиной роцѣ пѣснями и пляскою. Для
тѣхѣ, которые не живали въ Москвѣ,
можно прибавитѣ, что въ этой роцѣ было
кладбище для иностранныхѣ; теперь же
надгробные камни служатѣ для гуляющихѣ
вмѣсто столовѣ и стульевѣ. — Д.

Гулъ ихъ *Эвое* (*) несется сквозь рощи,
 Гонишь пернатыхъ скрываться въ кустахъ
 Даже далече наводитъ средь ночи
 На путника страхъ.

О Пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
 Пѣть и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
 Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ
 Языкомъ боговъ.

* * *
 — —

 IV.

К ъ н е ѡ.

Bionda testa, occhi azurri, e bruno ciglio. — *Marini.*

Ничто, ничто подъ небесами
 Съ улыбкой нѣжной устъ твоихъ,
 Съ твоими милыми очами
 Ничто для спраспныхъ чувствъ моихъ
 Съ тобою въ мѣрѣ не сравнится!
 Тобою жребій мой рѣшится;
 Въ тебѣ и смерть и жизнь моя!
 Захочешь! . . . всѣхъ щастливѣй я:

(*) *Эвое* или *Эванъ* былъ употребительный
 припѣвъ Бакханокъ, при отправленіи ихъ
 Оргій. Это примѣчаніе для дѣшей; незна-
 ющихъ еще Мѣологіи. — Д.

Велишь! . . . и я во мракъ гроба
 Уже ли ввѣкъ судьбины злоба
 Назначила мнѣ слезы лишь?
 Умѣю страстно я любить,
 Цѣнишь умѣю добродѣтель;
 Я былъ бы бѣдныхъ благодѣтель:
 Но самъ лишенный здѣсь всего,
 Я жертва сердца моего.
 Смягчись смягчись, скажи мнѣ слово;
 Взгляни! Существованье ново
 Мнѣ взоръ подаспѣ твоихъ очей:
 Душа моя въ душѣ твоей.

С. . . . Г. . . .

1 го Сентября 1805.

С. П.

V.

Б е р р ъ - Б и н г ъ.

Исаія Берръ-Бингъ, Директоръ надъ соло-
 варнями, недавно умеръ въ Парижѣ, на
 сорокъ пятомъ году отъ рожденія. Сей
 честной и просвѣщенной человѣкъ любилъ
 Словесныя Науки и занимался ими. Его
 имя не извѣстно толпѣ народной; за по-
 знаменитые современники оплакали его
 кончину, и отдали его праху послѣднѣя
 почести. Берръ-Бингъ исповѣдывалъ вѣру
 Еврейскую; до самой смерти своей,
 съ умною разборчивостію, безъ суевѣрія

чтилъ Религію своихъ предковъ. Онъ родился въ Мецѣ отъ извѣснѣйшей Еврейской фамиліи. Евреи были погружены во мракъ невѣжества. Въ Германіи занялась для нихъ первая заря просвѣщенія: славный Мендельзонъ жилъ въ Берлинѣ. Имя и сочиненія сего Философа знаетъ вся Европа; блескъ славы его воспламенилъ ревность въ его единовѣрцахъ. Многіе Евреи въ Германіи пошли въ слѣдъ за Мендельзономъ; во Франціи, молодой Бингъ первой изъ глубины невѣжества воздѣшѣлъ ко сферамъ просвѣщенія и талантовъ. На двадцать пятомъ году отъ роду онъ перевелъ на Еврейской языкъ Мендельзоново швореніе *Федонъ*, или *трактатъ о безсмертіи души*. Сочиненія Нѣмецкаго Философа чипаны были на священномъ языкѣ; Евреи, обитающіе во всей Европѣ, даже Польскіе Карайты научались утѣшительнымъ истинамъ, которыя Греческіе и Нѣмецкіе Платоны проповѣдали міру. Одинъ человекъ, извѣстный по заслугамъ своимъ и дарованіямъ, предавшійся влеченію пылкаго характера, соединилъ голосъ свой съ голосомъ жестокаго предрасудка и напечаталъ *Волла гражданина лютимъ Евреевъ*; не было пощады ни правому, ни виноватому; дѣйствіе принято за самую причину; лѣкарство было на губѣе самаго не-

дуга. Надлежало опмстити за цѣлую націю; надлежало разумѣ, Исторію и чувствительность противуположить софизмамъ, заблужденіямъ, предразсудку: Бингъ все это сдѣлалъ въ своемъ *Письмѣ одного Еврея изъ Меца къ М. А. Д.* Сіе небольшое сочиненіе было славно въ 1788 мѣ году; Мирабо опзывался о немъ и объ Авторѣ съ великою похвалою. Въ періодическихъ Изданіяхъ помѣщено нѣсколько его сочиненій и переводовъ на Французскомъ языкѣ: всѣ онѣ дѣлаютъ честь своему Автору. — Бингъ имѣлъ большое семейство, и не будучи въ состояніи доставать себѣ приличное содержаніе учебными занятіями, посвятилъ себя государственной службѣ, которую опправлялъ съ примѣрною честностію. Если Бинговы сочиненія не просвѣпили его единовѣрцовъ, за то примѣръ его былъ живымъ наставленіемъ для нѣхъ людей, которые имѣли передъ глазами его поведеніе. Онъ постоянно хранилъ вѣру предковъ своихъ и благоговѣлъ передъ святостію добродѣтели: вотъ истинныя права на всеобщее уваженіе.

Всѣ Евреи Парижскіе провожали гробъ его; знаменитѣйшіе граждане плакали надъ его могилою.

(Изъ Фран. Журн.)

О Шиллеровыхъ сочиненіяхъ.

Смерть Шиллера (*) можно считать невозвратимою потерею для Нѣмецкой Литтературы. Онъ былъ величайшій изъ трагическихъ Поэтовъ своего отечества; никакая страна въ Европѣ не произвела столь счастливаго Шакеспирова подражателя. Шиллеръ часто равнялся съ нимъ въ красотахъ, и часто остерегался отъ его ошибокъ. Безъ сомнѣнія, Критика можетъ найти погрѣшности въ его твореніяхъ, но найдетъ также и красоты высреннія, образцовыя. Его трагедіи, принятыя съ живѣйшимъ одобреніемъ, до сихъ поръ будутъ украшать театръ Нѣмецкій, пока публика будетъ въ состояніи цѣнить смѣло изображенные характеры, высокія мысли, поразительныя картины, пѣщическій языкъ, благородныя выраженія.

Хотя Лессингъ гораздо прежде написалъ трагедію *Мудрый Наванъ* ямбическими стихами, однакожъ можно сказать,

(*) Фридрихъ Шиллеръ родился въ Марбахѣ, небольшомъ городѣ Виршембергскомъ, 10го Ноября 1759го года; умеръ въ Веймарѣ 9го Мая 1805.

что Шиллеръ первой присвоилъ Нѣмецкому театру сію мѣру, столь приличную трагедіи. Прежде его, Нѣмцы писали трагедіи Александрійскими стихами, потомъ прозою. Гете сочинилъ въ прозѣ три трагедіи: *Гете*, *Эгмонтъ*, и *Клэвиго*; самъ Шиллеръ сперва писалъ также прозою.

Первое сочиненіе *Разбойники* (die Räuber) сдѣлало необыкновенное впечатлѣніе; несмотря на погрѣшности, пропивныя изящному вкусу, въ сей трагедіи видны слѣды драматическаго Генія, великаго и образцоваго. *Разбойники* сперва явились на Мангеймскомъ, и скоро потомъ на всѣхъ Нѣмецкихъ театрахъ; пріобрѣли своему Автору славу, которую онъ заслужилъ сочиненіями болѣе исправными. Шиллеръ въ то время, когда писалъ сію трагедію, находился при военной Академіи Шиншгардской, въ которой воспитывался; онъ учился Медицинѣ и готовился къ выпуску съ чиномъ полковаго Лѣкаря. Желаніе — впрочемъ весьма естественное — бытъ въ Мангеймѣ при первомъ представленіи своей трагедіи, заставило его уѣхать въ сей городъ, безъ дозволенія отъ начальства. Не нужно сказывать, что блестящій успѣхъ трагедіи былъ весьма пріятенъ Автору; его Геній, любящій независимость, оштрафовался ошъ цѣпей строгой

военной службы и отъ тѣснаго круга дѣятельности. По прибытіи изъ Мангейма, Шиллеръ понесъ наказаніе за самовольную оплучку; эпо обспояшельство еще большую поселило въ немъ охоту, оставивъ званіе свое и опечество, посвятить себя Мельпоменѣ.

Послѣ *Разбойниковъ* Шиллеръ сочинилъ трагедію *Фіеско*, потомъ драму *Пронырство и любовь* (*Kabale und Liebe*). Сія припіесы принадлежатъ къ первой эпохѣ еіо таланта. Онѣ писаны прозою, но изобилуютъ красками піитическими. Шиллеръ особенно подражалъ Шакеспиру, котораго сочиненіями занимался почти исключительно, и котораго Геній ближе, нежели всѣхъ другихъ Поэтовъ, подходитъ къ Генію Шиллерову.

Скоро потомъ онѣ захотѣлъ достигнуть высшей цѣли совершенства. Онѣ увидѣлъ, что Авторъ не все сдѣлалъ еще, разположивъ піитически свою трагедію; увидѣлъ, что внѣшнія формы Поэзіи необходимо нужны въ піитическомъ сочиненіи, назначаюмъ быть въ числѣ перво-класныхъ; увидѣлъ, что піитическія идеи должны быть величественно выражены въ прекрасныхъ стихахъ. Гете, окончившій въ то время *Иогенію* и *Тассея*, примѣромъ своимъ проложилъ дорогу Шил-

леру, которой и рѣшился испытать силы своей сочиненіемъ, ближайшимъ къ совершенству.

Онъ взялъ для себя предметомъ Дона Карлоса, несчастнаго сына Филиппа II; Геній Поэта явился въ новомъ блескѣ. Правда, въ сей трагедіи есть погрѣшности; за то она изобилуетъ піиическими красотами первой степени. Никогда еще не было на сценѣ такого характера, какой данъ Маркизу Позѣ, который представленъ идеальнымъ Героемъ человечества. Сіе твореніе утвердило славу Шиллерову, достойно пріобрѣтенную имъ первыми трагедіями. Онъ могъ уже равняться съ знаменитѣйшими Трагиками.

Шиллеръ, сочиняя Карлоса, поселился въ Веймаръ, и скоро былъ допущенъ въ славное общество, которое Гете, Виландъ и Гердеръ составляли при Дворѣ Монарха, покровителя изящной Словесности. Онъ читалъ свою Трагедію Герцогу, которой, желая удержать при себѣ опличнаго Поэта, пожаловалъ его Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Исторіи и изящной Словесности при Енскомъ Университетѣ.

Съ того времени Шиллеръ нѣсколько лѣтъ сряду особенно занимался Исторіею и Философіею. Сочиненія его, до сихъ Наукъ касающіяся, служатъ доказательствомъ,

что онъ могъ прославиться въ качества Историка и Философа, не менѣе, какъ и Стихотворствомъ. Среди сихъ важнѣйшихъ занятій, онъ не забывалъ Поэзіи, и сочинилъ множество Лирическихъ стихотвореній, принятыхъ публикою съ отличнымъ вниманіемъ. Спустя семь лѣтъ, Шиллеръ снова явился на трагическомъ поприщѣ, написавъ важное сочиненіе, котораго Герой, Графъ Вальштейнъ, прославился въ продолженіе войны придашилѣпней; Поэтъ не задолго передъ тѣмъ окончилъ Исторію о сей войнѣ.

Шиллеръ оставилъ Енскаій Университетъ, и переселился въ Веймаръ, гдѣ жилъ до самой своей смерти. Тамъ онъ единственно занимался драматическою Поэзіею, и сочинилъ Трагедіи: *Марія Стюартъ*, *Иоанна д'Аркъ*, *Мессинская невѣста* и *Вильгельмъ Тель*. Последнее сочиненіе, писанное для Театра, есть *Благоговѣніе Искусствъ*, Лирическая Интермедія на случай прибытія въ Веймаръ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини **МАРІИ ПАВЛОВНЫ**.

Шиллеровы творенія особенно отличаются отъ драматическихъ сочиненій другихъ Поэтовъ разнообразіемъ. Всѣ его Трагедіи не походятъ одна на другую ни планомъ, ни частями. Можно сказать, что

онъ сколько сдѣлалъ новыхъ опытовъ, сколько написалъ Трагедій, и что бралъ всѣ возможныя формы для своего искусства. Впрочемъ, самыя содержанія подавали поводъ къ сему разнообразію; въ Трагедіи *Іоанна д'Аркѣ* содержаніе соотвѣтствовало Лирическому выраженію; въ *Маріи Стюартѣ* надлежало держаться тона Историческаго; въ *Вильгельмѣ Телѣ* Поэтъ дозволилъ себѣ возноситься до Эпопеи; въ *Мессинской невѣстѣ* онъ попытался представить на сценѣ древніе хоры; въ *Вальштейнѣ* видно смѣлое намѣреніе соединить въ одномъ сочиненіи при драмы разныхъ качествъ.

Ни одинъ изъ драматическихъ Поэтовъ не сравнился съ Шиллеромъ ни въ пышномъ, изящномъ выраженіи, ни въ Поэзіи слога, ни въ способахъ изображать мысли высокія и смѣлыя. Шакеспиръ часно бываетъ еще смѣлѣе, но въ немъ нѣтъ столько блеска, столько пышности, столько философическихъ мыслей.

Мы сказали, что Шиллеръ писалъ стихи Лирическіе. Сіи произведенія, и имѣ подобныя, помѣщенныя въ Трагедіяхъ, а особливо въ *Іоаннѣ д'Аркѣ* и въ *Мессинской невѣстѣ*, столь близки къ совершенству, что многіе почитали Шиллера болѣе Поэтомъ Лирическимъ, нежели драматическимъ. Не удивительнымъ покажется, что

Шиллеръ имѣлъ сіи два таланта, разсудивъ, сколь тѣсно они соединены между собою, а особливо у Древнихъ, у копорыхъ хоръ соспавлялъ существенную часть Трагедіи. Мы новѣйшіе соединили хоры съ Оперою.

Мѣлкія спихотворенія Шиллеровы соспавляютъ два тома. Каждое изъ сихъ сочиненій можетъ почесться образцовымъ въ своемъ родѣ. И здѣсь должно сказать, что спихи его отличаются обиліемъ идей философическихъ, копорыми ни одинъ Поэтъ не умѣлъ такъ хорошо украсить свои сочиненія.

Любимая часть Философіи для Шиллера были Теорія искусства, или Эстетика, а особливо относительно къ Трагедіи. Онъ разпространилъ и усовершенствовалъ Кантово ученіе о сущности изящнаго. Вообще, умъ его проникалъ быспро и глубоко все то, чѣмъ занимался. Онъ имѣлъ способность однимъ взглядомъ обозрѣвать всю обширность предмета, и разбирать его часпи. Это наиболее доказалъ въ Историческихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ то: въ *Исторіи объ отложеніи Нидерландъ*, которая однакожь не окончана, и въ *Исторіи войны тридцатилѣтней*; обѣ онѣ весьма уважаются въ Германіи. Его глубокая проницательность, вразсужденіи хода про-

изшествій, рѣдкое знаніе сокровеннѣйшихъ стѣбровъ чловѣческаго сердца, особливою даръ наблюдать и изображать характеры, показывають въ Шиллерѣ столь же превосходнаго Историка, сколько и Драматическаго Поэпа; однакожь согласишься можно, что онѣ знаменитѣе по Спихотворству, нежели по Исторіи и Философїи, но что Натура весьма рѣдко надѣляетъ одного чловѣка сими тремя талантами. Имя Шиллера будетъ вѣчно незабвеннымъ въ Лѣтописяхъ Нѣмецкой Литтературы; опечеснво причислишь его къ Авторамъ классическимъ и будетъ гордиться его славою.

Не считаемъ нужнымъ говорить о многихъ небольшихъ сочиненїяхъ или разсужденїяхъ философическихъ, разсѣянныхъ по разнымъ Журналамъ, и собранныхъ потомъ въ четыре тома. Умолчимъ также и о Романѣ, подъ названїемъ: *Духовидецъ* (der Geisterseher), котораго одна только часть извѣстна публикѣ. Сїе образцовое сочиненїе произвело множество подражанїй; но ни одно не сравнилось съ своимъ подлинникомъ.

Сколько Шиллеровы таланты достойны удивленїя, столько личныя качества его имѣють право на уваженїе. Когда вся Германїя читала и восхищалась творенї-

ями Шиллера, въ то время его друзья, забывъ о великомъ Поэтѣ, видѣли въ немъ только превосходнаго человека. Нѣкоторыя сочиненія его переведены на языки иностранцыя, но къ сожалѣнью шакъ, что трудно по переводамъ судить объ Авторѣ (*). Въ началѣ революціи Шиллеру дано право на Французское гражданство. Въ 1802мъ году Римскій Императоръ возвелъ его въ Дворянское достоинство.

Не многіе Поэты столь счастливо и быстро усовершенствовали свой Геній. Онъ составилъ для себя высокую идею о достоинствѣ Поэзіи, и неутомимо стремился къ цѣли совершенства. Его смѣлое воображеніе въ первыхъ сочиненіяхъ не было ничѣмъ удерживаемо; но мало по малу Шиллеръ увидѣлъ потребность въ правильной умѣренности. Силь онъ обязанъ — и, можетъ быть, весьма много — примѣру и обществу знаменитаго Гете, съ коимъ въ послѣдніе годы жилъ въ согласіи совершенномъ, рѣдкомъ между двумя великими Художниками одного Искусства. Сіе согласіе основано было на взаимномъ почтеніи къ личнымъ каче-

(*) Издашеть думаетъ, что это не относится къ Рускому переводу Трагедіи *Разбойники*.

епвамъ, а еще болѣе на уваженіи, котораго
они взаимно оказывали къ дарованіямъ
другъ друга.

(Изъ Фран. Журн.)

VII.

*Къ благодѣлительнѣ Кривобокковой,
нынѣшнѣ и будущѣмъ.*

Въ двадцатомъ Нумерѣ Вѣспника Европы,
на 1804й годъ издавнаго, напечатано пись-
мо изъ Оренбурга отъ неизвѣстной особы.
Соспрадательный незнакомецъ желалъ,
чпобы письмо сдѣлалось извѣстнымъ Пуб-
ликѣ, а Издатели желали, чпобы доброе
сердце его было обрадовано счастливымъ
успѣхомъ. Къ чести . . . скажу смѣло,
къ чести Читайпелей Вѣспника послѣднее
желаніе сбылось въ точности.

Издапель на сихъ дняхъ получилъ
увѣдомленіе изъ Войсковой Уральской Кан-
целляріи, чшо на изкупленіе дѣшей не-
счастной Акулины Кривобокковой, спра-
ждаущихъ въ невольничествѣ у Хивин-
цевъ, доставлено въ упомянутую Кан-
целлярію отъ разныхъ благопворителѣй
тысячу сто рублей, для врученія матери.

За выкупъ по подряду должно запла-
 шипъ *двѣ тысячи шесть сотъ* рублей;
 Казна выдаешъ за каждаго плѣннаго Рос-
 сіянина по *двѣсти* рублей; слѣдственно
восемь сотъ рублей будущъ оппущены опъ
 Правительсва въ свое время. Еще недо-
 снаешъ только *семи сотъ* рублей. . . .
 Опъ сей суммы теперь зависишь судьба
 дѣлаго семейсва. При нынѣшнемъ на-
 правленіи умовъ и сердецъ къ благошвори-
 тельности, позволено надѣяться, что чет-
 веро нашихъ соотечественниковъ скоро воз-
 вратятся къ неутѣшной матери. Вой-
 сковая Уральская Канцелярїя поручаетъ
 Издашелю объявишь о семъ великодушнымъ
 благошворителямъ Кривобоковой, и напеча-
 тать въ Вѣспникѣ имена особъ, посвятив-
 шихъ часть избытковъ своихъ на дѣло
 богоугодное. Съ особливымъ удовольствї-
 емъ исполняемъ сіе препорученіе :

При сообщеніи изъ Тешюшев-
 ской Почповой Экспедиціи въ про-
 шломъ году въ Декабрѣ мѣсяцѣ
 прислано въ Войсковую Уральскую
 Канцелярїю, опъ жителей города
 Тешюшей.

80 руб.

При двухъ отношенїяхъ въ оную
 же Канцелярїю опъ Г-на Коллеж-

скаго Совѣтника Алексѣева, въ нынѣшнемъ году доставлены деньги, присланныя отъ нижеозначенныхъ особъ :

Отъ Г. Селярка.	-	100	руб.
— — Алексѣева	- -	100	—
— — Синильникова.	- -	100	—
— — Ивана Альшева.	- -	100	—
— — Шигарева.	- -	50	—
— — Бибикова.	- -	25	—
— — Куннева.	- -	5	—
— — Сикселя.	- -	10	—
— — Сысоева.	- -	5	—
— — Трофима Федотова.	- -	2	—
— — Ивана Неухаева.	- -	1	—
— — Писарева.	- - -	5	—
— — Неизвѣстныхъ особъ.	-	127	—

При прошеніи отъ Г-на Штабс-Ротмистра Карпова предсданы деньги, присланныя отъ нижеписанныхъ особъ :

Отъ Г. Константина Хрущева.	8	руб.
— Гжи. Марѣы Бѣлогрудовой.	5	—
— Г. Франца Конштуповича.	- 5	—
— — Штабс-Лѣкаря Диклера.	- 5	—
— — Николая Карпова.	- 15	—
— — Ротмистра Власова.	- 2	—

Отъ Г. Андрея Кукколя-Яснополь-				
скаго.	-	-	5	руб.
— — Пустовойтова.	-	-	10	—
— — Ласкевича.	-	-	5	—
— — Волкова.	-	-	1	—
— — Неизвѣстныхъ особъ.	-	-	229	—

Въ разныя времена доставлено
 чрезъ Почту также отъ неизвѣ-
 стныхъ особъ

100. —

И того 1100 руб.

ПОЛИТИКА.

I.

Грузія подъ Скипетромъ АЛЕКСАНДРА I.

Еще въ 1800 мѣ году Царь Иракліи призналъ себя, Князей своихъ и Дворянъ подданными Россійской Имперіи, а области свои: Карпалинію, Кахетію, Шамахію, Мингрелію, Гурію и Ахалцигъ объявилъ навсегда Россійскими провинціями. Въ 18 й день Генваря 1801 го года Императоръ ПАВЕЛЪ I обнародовалъ Манифестъ, по содержанию котораго Грузія со всѣми Князьями, Дворянствомъ и народомъ принята подъ Россійскую Державу. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, Котораго опеческое сердце не терпитъ никакого принужденія, скоро по возшествіи Своемъ на Престоль объявилъ, что соизволяетъ Грузіи и ея Государямъ возвратитъ прежнюю независимость; потомки Иракліевы и все Дворянство снова принесли всеподданнѣйшую прозбу о присоединеніи Грузіи къ Россійской Имперіи, и признались, что сія одна только мѣра можетъ облегчить несча-

стѣ ихъ отечества. Человѣколюбивый АЛЕКСАНДРЪ склонился на повѣренныя прошенія, и 12 го Сентября 1801 го года Грузія торжественно объявлена Россійскою провинціею.

. Теперь Грузія раздѣляется на пять округовъ; Тифлисъ есть главный и Губернскій городъ. Округи называются: Тифлискимъ, Горійскимъ, Ананурскимъ, Телавскимъ и Сигнахскимъ. Въ каждомъ округѣ считается отъ 50 до 60,000 человекъ. Уѣздные города имѣютъ своихъ Коммендантовъ, ~~Полицеймейстеровъ~~, Казначеевъ, уѣздныхъ Судей и Капитановъ - Исправниковъ. Въ Тифлисъ, обыкновенномъ мѣстопребываніи Губернатора, находятся экспедиціи верховнаго Грузинскаго правительсва: Исполнительная, Казенная, Уголовная и Гражданская, каждая подъ предсѣдательствомъ особаго Начальника.

МОНАРХЪ, равно пекущійся о всѣхъ Своихъ подданныхъ, повелѣлъ, чтобы судебныя дѣла производились по законамъ Грузинскимъ, прежде окончательнаго ихъ рѣшенія по законамъ Россійскимъ; даже въ самыхъ приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ должно соображаться съ понятіями народа Грузинскаго. Живущіе въ Грузіи иностранцы: Армяне, Персіане, Татары Ордынскіе и Горскіе, Евреи, Греки и про-

чихъ націй люди подѣ кропкимъ правленіемъ АЛЕКСАНДРА наслаждаются совершенною свободою вразсужденіи исповѣданія Вѣры.

Грузія по климату и плодородію земли можетъ назваться садомъ Напурь, который для будущихъ родовъ превратится въ насажденіе Едемъ — если только жители, пользуясь защитою Правительства, снаноупѣ прилѣжнѣе работамъ. Виноградъ и овощи растутъ сами собою, не требуя присмотра, размножаются до невѣроятности, и припомѣ весьма вкусны; всякой хлѣбъ родится изобильно. Народъ особенно занимается шелководствомъ, дѣланіемъ вина и обработываніемъ хлопчатой бумаги, которая есть немаловажная отрасль народной промышленности. Скоповодство было бы еще прибыточнѣе, когда бы кочующіе народы не вводили къ себѣ цѣлыхъ стадъ съ пастухами — это случается весьма часто. Благословенная земля сія отъ попеченій мудраго Правительства ожидаетъ довершенія своего счастья.

Грузія лежитъ подѣ полосою отъ 41 го до 43 го градуса сѣверной широты и отъ 59 го до 65 го град. долготы; содержитъ въ себѣ 872 квадратныя мили земли. Грузины раздѣляются на два класса: на дворянъ, въ числѣ которыхъ полагаются

Князья, и на рабовъ. Языкъ ихъ есть смѣсь, составленная изъ словъ Персидскихъ, Арменскихъ и Турецкихъ. Дворянство большею частію говоритъ по Персидски; языкъ сей почитается моднымъ.

Грузины вообще имѣютъ ростъ высокой, глаза живые, волосы черные; они болѣе сухощавы, нежели полсны, лицемъ смуглы, мужественны, обходительны, вѣрны, великодушны и страстные охотники до вина. Натура производитъ ихъ съ хорошими способностями, которыхъ однакъ не только остаются въ небреженіи, но даже портятся отъ дурнаго воспитанія. Женщины въ Грузіи почти всѣ вообще прекрасны; Турки и Персіяне прежде старались наполнять ими свои Гаремы. Теперь Указомъ строго запрещено продавать дѣвушекъ за границу.

Дворяне любятъ пышность; они учтивы, рѣшительны, сластолюбивы, хвастаютъ платьемъ и пированіями; отъ гордости желаютъ казаться щедрыми и расточительными, а въ самомъ дѣлѣ скупы, несправедливы, испительны и безчеловѣчны въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Сіи бѣдные люди весьма часто ходятъ въ рубищахъ, но всегда наблюдаютъ опрятность. Грузины въ одѣянніи подражаютъ частію Черкессамъ, частію Армянамъ;

живутъ въ мазанкахъ о двухъ и трехъ низкихъ этажахъ. Нижнее жилье обыкновенно составляетъ большую, сделанную безъ полу комнату, въ которой обрабатываютъ хлопчатую бумагу, готовятъ вино и красильныя пряды; двадцать или болѣе такихъ домовъ составляютъ деревню. Въ Кахетіи, провинціи, сопредѣльной съ жилищами хищныхъ Лезгинцевъ (*), въ каждой деревнѣ находи-

(*) Сии разбойники и теперь еще беспокоятъ пограничныя Грузинскія провинціи. Они живутъ среди неприспупныхъ скалъ Кавказскихъ; почему весьма трудно усмирить ихъ, а изгнать еще труднѣе. Для опогнанія Лезгинцевъ отъ предѣловъ Грузіи, въ 1803 мѣ году выступили Россійскія войска подъ начальствомъ Генерала - Майора Гулякова, взяли укрѣпленный городъ Белаканъ, опятаый разбойниками у Грузіи, и прѣбрались въ Джарскую провинцію, въ которой живутъ Лезгинцы, и откуда они почти ежедневно дѣлаютъ набѣги. Персидскій Баба - Ханъ дерзнулъ съ угрозами требовать отъ Главноуправляющаго Генерала Князя Циціанова, чтобы онъ вывелъ изъ Грузіи Россійскія войска. Князь, вмѣсто отвѣта, двинулся съ осмидесячнымъ корпусомъ пѣхоты и конницы

ся по одной башнѣ съ пушками, а обширнѣйшія деревни имѣютъ по нѣскольку такихъ башенъ. Въ случаѣ непріятельскаго нападенія, женщины съ дѣтьми и имѣніемъ своимъ прячутся въ нижнемъ этажѣ башни, а мужчины восходятъ на верхній, и защищаются. И въ другихъ провинціяхъ многія деревни имѣютъ такія же башни. Въ Грузіи видны слѣды деревень и монастырей, сожженныхъ или опустошенныхъ, которыхъ жилища опведены въ плѣнъ, или разбѣжались. Въ Карпаліи всѣ дома вкопаны въ землю. Въ Имеретіи комнаты, кѹхни и кладовыя весьма обширны.

Тифлисъ, главной городъ всей Грузіи, лежитъ на берегу рѣки Кура. Онъ построенъ въ 1469 мѣ году Царемъ Вахпангомъ I; въ немъ жителей считается болѣе 20,000, множество церквей и мона-

въ Ериванскую провинцію; 30 го Іюня 1804 го года разбилъ 27000 непріятелей при деревнѣ Кассагорѣ, въ семи верстахъ отъ крѣпости Еривана, и ошнאלъ весь обозъ у Персовъ. Лезгинцы, подущенные Бабою-Ханомъ и Грузинскими Царевичами, при семъ случаѣ снова напавши на предѣлы Кахетіи и Шамакіи, безчеловѣчно грабили и умерщвляли жителей.

стырей, въ числѣ которыхъ Греческихъ 20, Армянскихъ 15, Каполическая 1, Турецкая мечеть 1, и Еврейская Синагога. Сверхъ того въ городѣ находится нѣсколько соловарень и небольшихъ фабрикъ, на которыхъ дѣлаются разныя матеріи, шерстяныя, бумажныя и полушелковыя. Онъ отстоитъ отъ С. Петербурга въ 2627 ми верстахъ, и имѣетъ положеніе весьма пріятное.

Улицы и переулки въ Тифлисѣ очень шѣсны, не вымощены, глинисты, всегда нечисты, а послѣ дождя вязки; дома не высоки; плоскія кровли вымазаны глиною; въ окнахъ нѣтъ стеколъ, вмѣсто которыхъ оконницы обтянуты пузыряною кожею. Со времени вступленія Русскихъ въ Грузію многое перемѣнилось, и новые дома, построенные для разныхъ надобностей казенныхъ, отличаются превосходствомъ своимъ передъ другими. Городъ обведенъ стѣною, которая примыкаетъ къ рѣкѣ Куру; лежащей на сей рѣкѣ мостъ ведетъ къ крѣпости на противной берегъ. Тифлисъ окруженъ виноградниками и садами съ плодовитыми деревьями, за которыми смотрѣть жители. Татаре, Армяне и Жиды упражняются въ рукодѣліяхъ; Армяне и Жиды занимаются неважною торговлею, развозя по деревнямъ товары свои, про-

даютъ и мѣняютъ ихъ на шелкъ, хлопчатую бумагу и тому подобное.

Когда намѣренія Правительсва исполняются ; когда начатыя уже полезныя заведенія приведены будутъ къ окончанію ; когда прилѣжаніе и искусство вмѣстѣ съ трудолюбивыми Колонисаами переселены будутъ на лучшую землю Грузіи : въ то время созрѣетъ благо народа , бывшаго до сихъ поръ въ угнетеніи и въ невѣжествѣ.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

О Голландіи, торговлѣ ея, характерѣ и духѣ жителей ().*

Еще нѣтъ двухъ столѣтій , какъ семь Соединенныхъ провинцій стали на ряду съ прочими націями и Государствами Европы ; но онѣ уже въ упадкѣ. — Голландія и теперь еще богата ; но приближается къ состоянію бѣдности. Если благодѣтельная, сильная рука не дастъ ей новаго бытія , то гибель ея кажется неизбежною. — Число жителей въ Голландіи не преы-

(*) Выписка изъ Memoire sur la Hollande, sur son commerce, son esprit et ses

шаешь двухъ миллионѣвъ ; не смотря на то , поверхность земли едва можетъ прокормить осмью часью еполь немноглюднаго населенія. Слѣдственнѣ торговля во всѣ времена была единственнѣмъ средствомъ къ пропитанію и поддержанію могущества Батавіи. — Всѣ разрушившіяся Государства по пути ошибокъ , заблужденій и пороковъ шли къ своей гибели ; Батавіи угрожаетъ равное несчастіе , хотя она не можетъ упрекать себя ни ошибками , ни заблужденіями , ни пороками. — Батавія приближается къ разрушенію , не по тому , что она перемѣнилась , но по тому , что все перемѣнилось вокругъ ея. — Батавія въ самомъ дѣлѣ и теперь почно то же , какою была въ цвѣтущую эпоху своего благоденствія. И теперь господствуетъ въ ней по же трудолюбіе , по же навѣкъ бережливости , по же духъ порядка , по же догадливости въ изобрѣженіи машинъ для облегченія трудовъ человека , копорой ; устройвая пружины ; заставляешь ихъ содѣйствовать своимъ изобрѣженіямъ. — Народное просвѣщеніе въ Голландіи нынѣ также процвѣтаетъ , и число ученыхъ людей ничѣмъ не меньше прежняго. — Батавія не охотно уступаетъ свои богатства ; у нее отнимаютъ ихъ насильно ; почти весь шаръ земной сдѣ-

лалъ заговоръ противъ сей Республики. — Чѣмбы судить правильно о состоянїи Бапавїи, надлежитъ обратиться къ эпохѣ ея славы, и изслѣдовать причины благоденствїя. Съ сего возвышенїя удобнѣе можно увидѣть, какъ и для чего она упала. — Когда получено извѣстїе о потерянїи Суринама, то удивлялись не отнятію у насъ сей колонїи, но тому, какъ случилось, что ее прежде не отняли. — Мысль Доброй Надежды и Бапавїя еще не доѣхались Англичанамъ. Кто прилѣжно наблюдалъ дѣла Индїйскїя, тотъ видитъ, что сильныя Англичане щадили и теперь щадятъ Голландцевъ въ Индїяхъ; могу прибавить, что они во всѣхъ мѣстахъ щадятъ ихъ. Это дѣлается не по взаимному соглашенїю; но — какъ думать надобно — по тайному доброхотству Англичанъ. Оно, ничего не стоая Бриттанїи, удерживаетъ Голландїю отъ совершеннаго паденїя. Англїйское правительство надѣется сею пощадою получить право на благодарность, которая при извѣстныхъ обстоятельстввахъ можетъ быть для нее гораздо полезнѣе завоеванїй, имѣющихъ слѣдствїями болѣе опустошенїя, нежели прїобрѣшенїя.

Голландїя не есть уже Держава; ибо сіе названїе не принадлежитъ такому

Государству, которое не имѣетъ силы защищаться. Право назначаетъ мѣсто для націи, но одна сила, и сила доспапочная спавипѣ ее на ряду съ Державами. — Теперь Голландія на всѣхъ моряхъ имѣетъ не болѣе пятнадцати кораблей военныхъ. Если выставитъ въ поле 50,000 человекъ сухопутнаго войска, по разрушеніи отношенія, необходимо долженъ спвучища бытъ между населеніемъ и войскомъ въ Государствѣ. — Голландія имѣетъ много крѣпостей пограничныхъ, копорыхъ содержаніе стоипѣ для націи очень дорого, в копорыя при нынѣшнемъ состояніи Государства не могутъ бытъ почипаемы средствами защитенія. — Голландцы надѣются на свои шлюзы, всегда въ исправности находящіяся, и на плотины, копорыя вдругъ прорытъ могутъ; но запоще отечество, еще не значипѣ спасти его. Сверхъ того перемѣнились общоипельсипва обѣихъ Индій, куда Голландцы прежде надѣялись уйши на корабляхъ своихъ; да и самая Голландія не имѣетъ уже сполько кораблей, чшобы вдругъ щѣлой націи можно было переправитъся на противоположную половину земнаго шара. — Лишь сполько раздаспся первой пунечной спстрѣль, означающій войну между тремя сильными Государствами, окружающими

Голландію, по одно изъ сихъ Государствъ непременно займетъ ее, по выгодности ея мѣстоположенія и по тому, что она есть богатой магазиномъ военныхъ потребностей. Это сіе необходимо должно случиться; для предохраненія онаго истребится, чтобы три сильныя Державы, оставивъ политическія выгоды, послѣдовали правиламъ одной Морали — такому чуду еще не было примѣра. — Многія революціи, не имѣвшія никакой связи съ Голландією, имѣли на нее такое вліяніе, что сила ея и торговля пришли въ упадокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ она захотѣла поддержать свое могущество, то разрушила бы торговлю до основанія; равнымъ образомъ, захотѣвъ поддержать торговлю, потеряла бы всю силу. Въ жизненные начала сего Государства, всѣ пособія ея благоденствія, всѣ части ея существа въ одно время потряслись и ослабѣли отъ внезапнаго удара.

Чтобы понять, какъ нужна скорая помощь сему Государству, надобно знать нынѣшнее его состояніе; чтобы не ошибиться въ средствахъ къ его спасенію, надобно совершенно знать духъ и образъ мыслей народа Голландскаго. — Содержаніе Французскихъ войскъ въ Батавіи стоить Республикѣ до сихъ поръ болѣе тридцати трехъ милліоновъ гуль-

деневъ ; столь великія издержки сдѣланы въ такое время, когда богатства нація уже изпощились. — Долги Батавіи возрасли до сорока прехъ милліоновъ гульденовъ ; хотя сама нація открываетъ банки заемные въ Голландіи, однакожь это дѣлается не для произведенія въ дѣйствіе пышныхъ плановъ, не для удовлетворенія прихотей, но по крайней необходимости. — Содержаніе каналовъ, шлюзовъ, плотинъ въпренныхъ мѣльницъ нынѣ стоитъ гораздо дороже, нежели прежде. — Чтобы соспавить достаточную сумму на обыкновенныя и чрезвычайныя издержки государственныя, правительство было принуждено наложить подать не только на всѣ земныя произведенія, на промышленность и торговлю, но даже на самые капиталы. Одного сего обстоятельство уже довольно, чтобы ускорить приближеніе гибели Голландіи, и сдѣлать ее неизбежною. Ибо собирають подати съ капиталовъ, значить разоряють капиталы, или — что все одно — разоряють Голландію. — Большая часть капиталовъ Голландіи состоитъ въ бумагахъ. Извѣстно, съ какою удобностію и безопасностію купцы, живучи на одномъ мѣстѣ, переводяють деньги свои, куда за благо разсудяють. Были примѣры, что богатѣйшіе дома купеческіе, прежде нежели

сами выѣхали изъ опечества, высылали впередъ свои капиталы. Кто увѣренъ въ истинѣ сихъ событій, тому не трудно предусмотрѣть погибель Голландіи. Странно, что Голландцы, будучи въ сихъ обстоятельствахъ, среди бѣдствій опечества — когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, умамъ и характерамъ надлежало бы питать вражду между собою — живутъ спокойно, хопя и видяшъ, что Республика скорыми шагами приближается къ разрушенію. Правда, ненависть гнѣздится въ душахъ Голландцевъ, но никогда не дѣйствуетъ съ явною силою; они рѣдко спараются испить другъ другу, хопя никогда не прощають. Изъ числа партій, нынѣ существующихъ въ Батавіи, Оранская всѣхъ менѣе уважается; однакожь она едва ли не болѣе другихъ опасна, попому что имѣетъ связь съ Англичанами. Республиканская партія раздѣляется на двѣ части. Одна состоитъ изъ Республиканцевъ по уму, какими были Барневельдтъ и Иоганнъ Виштъ; другая — изъ людей, принявшихъ основанія Французской революціи. Не трудно соединить сіи партіи, попому что онѣ обѣ любятъ опечество. Четвертая партія почти сходна съ первыми по отношеніямъ политическимъ, но совершенно отлична отъ нихъ по Религіи.

я говорю о Каполикахъ, которые никогда не были допускаемы къ опправленію гражданскихъ должностей, хотя въ семъ Государствѣ всѣ исповѣданія пользуются терпимостію и защитою.

Голландцы болѣе, нежели Англичане, Французы и другіе народы, удержали національной свой характеръ; но это произошло не отъ любви къ отечеству — нѣтъ! Небо, земля, климатъ, образъ жизни — все у нихъ оплично и не походитъ на небо, землю, климатъ, образъ жизни другихъ народовъ. Богатые Англичане, богатые и бѣдные Французы во всѣ времена путешествовали и путешествуютъ по Европѣ; Голландца нигдѣ не увидите, кромѣ какъ въ Голландіи, или на кораблѣ. Кто своими руками построилъ для себя домъ, тотъ живетъ въ немъ до смерти. Голландцы, обработавши землю свою, кажутся, безиреспанно говорятъ сами себѣ: „что сдѣлано нашими трудами, то сдѣлано очень хорошо.“ Вотъ для чего они не могутъ разстаться съ родиною, не могутъ полюбить мыслей, склонностей и забавъ, которыя чужды ихъ отечеству. Цвѣшны, распуціе въ Гарлемскихъ теплицахъ, въ вѣчномъ шуманѣ, въ дыму табачномъ, не имѣющіе никакого запаха, болѣе пріятны ихъ чувствуютъ, нежели благоуханія драгоцѣнныя.

цѣннѣйшїя. Сїе изображенїе взято не изъ фанпазіи; оно есть слѣдствїе наблюденїя.

Окончанїе отвѣта на статьи и клеветы, помѣщенныя во Французскихъ Журналахъ, не можеть быть напечатано въ Вѣстникѣ: Нумеръ иностранной газеты, въ которой содержится сїе окончанїе, не дошелъ до рукъ Издашеля.

III.

Извѣстія и замѣтанїя.

Наконецъ всѣ сомнѣнїя исчезли, и война на твердой землѣ въ Европѣ кажется неизбѣжною. Французскїя войска, которыя назначены были для высадки, внезапно двинулись отъ береговъ Океана къ Рейну, гдѣ должна составиться такъ называемая великая армія изъ 190,000 человекъ пѣхоты и конницы. Бонапарте будетъ начальствовать надъ нею. Онъ уже возвратился изъ Булони въ Парижъ, и скоро отправится въ Спразбургъ, гдѣ на первой случай предположено быть главной квартирѣ. Дворъ Австрійскій далъ ясно выразумѣть Наполеону, что своевольное присвоенїе областей Италіанскихъ есть

не что иное, какъ вызовъ на войну, и что благоуспроенныя Государства должны заблаговременно пеѣчь о своей безопасности. Уже и Австрійскія войска переправились черезъ рѣку Иннъ и вступили въ Баварію, не смотря на Ноту Французскаго Министра, копорой возвѣстилъ Сейму въ Регенсбургѣ, что вступленіе Австрійскихъ войскъ въ Имперскія обласи признано будетъ объявленіемъ войны противъ Франціи. Курфирстъ Баварскій съ поспѣшностію оставилъ свою столицу Минхенъ и отправился въ Вирцбургъ; Французскій Посланникъ Опто равнымъ образомъ выѣхалъ изъ Минхена въ Парижъ. Въ Газетахъ не написано, что это значитъ; но люди догадливые понимаютъ, какъ изъяснить сіи происшествія. Любопышно теперь знать, какую сторону примутъ прочіе Князья Нѣмецкіе. Изъ Штуттгарда пишутъ слѣдующее: „Французской Посланникъ Диделотъ поданною Нотою требовалъ отъ нашего Курфирста (Виртембергскаго), чтобы онъ рѣшительно объявилъ свои намѣренія по случаю нынѣшнихъ крипическихъ обстоятельствъ, и въ то же время далъ замѣтить, что если онъ не соединится со Франціею, то войска сего Государства немедленно займутъ его владѣнія. Прибавляютъ, что Фран-

дїя, въ сходство какой-то тайной статьи мирнаго трактата, требуетъ отъ Курфюрста 10000 человекъ вспомогательнаго войска. Г. Диделонъ, по врученїи упомянутой Ношы, немедленно поѣхалъ въ Карлсруге для объявленїя Курфюрсту Баденскому подобнаго изрезованїя. Полагаютъ, что оба Курфюрсты заключатъ союзъ съ одною великою Державою неутральною.“

Не лзя не замѣтить, что Г. Бонапарте вывелъ изъ терпѣнїя самаго Папу Новья разпоряженїя, по дѣламъ церковнымъ въ Верхней Италиі, одѣлами въ Римѣ великое впечатлѣнїе и склонили Святаго Отца послать въ Парижъ *представленїе*, въ которомъ упоминается, что вводимыя Г. мѣ Бонапарте перемѣны нарушають статьи Конкордата и самую власть Апостольскаго престола. Кардиналъ Фешъ, Посолъ Французскій, со всѣмъ своимъ старанїемъ не могъ возпрепятствовать напечатанїю упомянутаго *представленїя*, которое разошлось по рукамъ въ Римѣ и сдѣлалось извѣстнымъ каждому. — Упомянувъ о Папѣ, не излишнимъ считаемъ прибавить, что всѣ любители искусствъ одобряють благородную щедрость Его Святейшества вразсужденїи возобновленїя памятниковъ древняго Рима. По его приказанїю, Пантеонъ вычищенъ, по-

правленъ и приведенъ въ прежнее состояніе. Коллизей будетъ открытъ для Публики; всякому позволено будетъ разсматривать части сего обширнаго плана. Уже храмъ Сибиллы въ Тиволи обращаетъ на себя общее вниманіе. Двое воротъ, Септимія Севера и Конспаншина, и столбъ Антониновъ, обрѣты кругомъ и являющіяся, взорамъ во всемъ своемъ великолѣпїи. Храмъ Весты, на берегу Тибра, и храмъ Фортуны возникли изъ кучи сора, которыми они завалены были. Святой Опець не менѣе печется и о зданїяхъ новѣйшихъ. Славная ротонда, построенная въ 1502 году Брамантомъ, сіе мастерское произведеніе Зодчества, которое Французскіе Вандалы назначили было продать, нынѣ поправляется во всѣхъ частяхъ.

Адмиралъ Нельсонъ, знаменитый Герой Абукирскій, опять полепѣлъ на поле славы. Онъ будетъ начальствовать на Средиземномъ морѣ. Сиръ Сидней Смитъ также снова появляется на сценѣ политическихъ происшествій. Онъ отправится въ море съ двумя своими новоизобрѣшенными перевозными судами, надъ которыми дѣланы были недавно опыты. Цѣль сей экспедиціи есть — Булонская флотилля.

Докторъ Галль удивляетъ всю Германію своимъ Черепословіемъ. Къ нему прислано было въ городъ Галле изъ Ены шесть головъ человѣческихъ съ запечатанными описаніями жизни каждою изъ тѣхъ людей, чьи были головы. Надобно знать, что онѣ прежде украшали пуловища Шиндерганеса, извѣстнаго разбойника, и его сообщниковъ. Докторъ Галль нашелъ въ сихъ черепахъ органы воровства и убійства, и съ удивительною точностію опгадалъ, какія головы болѣе, какія менѣе склонны были ко злу. При опытѣ находился Учитель Шуцъ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ прошивниковъ Галлевой системы. Онъ подалъ Доктору голову одной особы, весьма коропко ему знакомой. Галль, осмотрѣвъ и оцупавъ руками черепъ, въ присутствіи двухъ сотъ человѣкъ поспоронихъ, сказалъ, что эта голова должна была принадлежать женщино вътрянной и легкомысленной, что на черепѣ не виднѣ никакихъ слѣдовъ наблюденія и прилѣгательности, и что открываетъ органъ воровства. Удивленный Шуцъ принужденъ былъ увѣрывать въ Систему Черепословія, и сказалъ: „Эта голова есть одной дѣвушки, копорую воспитывалъ я съ особливимъ спараніемъ. Она сдѣлалась актрисою; сколько съ одной стороны любилъ ее

пріяшныя дарованія, сполько съ другою
навидѣли за лежкомысліе. Потомъ она
принялась за воровство; бывъ поимана,
бросилась въ колодезь отъ опчаянія, и
тамъ утонула.“

О Ш И Б К А.

Въ 18 Нумерѣ Вѣстника на стран.
108, строка 16, напечатано: Близко Сызрани;
надобно чистить: Близко Сызрана.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ 1805.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Варфоломеевская ночь.

(Окончаніе.)

На башнѣ Сен-Жерменской заблагоговѣспили къ заутренѣ. — „Слышите ли? — вскричалъ нетерпѣливый Гизъ къ сообщникамъ: — пора за дѣло!“ — и пошелъ къ жилищу Колиньи вмѣстѣ съ дядею своимъ Дюкомъ Омалемъ, Великимъ Пріоромъ Франціи, и со множествомъ людей военныхъ. Одна часть вооруженныхъ окружила домъ, другая начала выламывать двери. Домоправитель и слуги брошены въ низъ съ лѣспницы. Колиньи слышитъ шумъ, предчувствуетъ близкой конецъ свой, и заботится не о себѣ, но о Врачахъ и Священникѣ, при немъ находившихся. „Друзья! —

онъ говоритъ имъ: — спасайтесь; теперь я не имѣю нужды въ помощи человѣческой!“ — Потомъ вспаепъ съ поспели и хочепъ молился. Въ это самое время съ дикою яростію вбѣгають въ спальню: Бемъ, молодой Нѣмецъ, вѣрной служитель дома Гизова, Пепруччи Италіянецъ, Барлабу и двое другихъ Капитановъ Французскихъ.

Бемъ, со шпагою въ рукѣ подскочивъ къ Адмиралу, спрашиваетъ: „ты Колинъ?“ — Я — ошвѣчаетъ почтенный мужъ: — молодой человекъ! имѣй уваженіе къ сѣдинамъ старца. Дѣлай, что тебѣ угодно, лишь только прекрапи жизнь мою безъ мученій. — Наемный варваръ, не уваживъ ни спарости, ниже беззащитности славнаго мужа, передъ копорымъ нѣкогда враги Франціи препетали, вонзилъ шпагу въ грудь его; потомъ, выщипавъ ее всю въ крови, изрубилъ, съ помощію сообщниковъ своего злодѣйсва, лице невиннаго спрадальца. Колинъ умирая произнесъ: „для чего лишаясь жизни не опъ руки Героя, но подлаго убійцы!“

„Все окончано!“ закричалъ Бемъ изъ окна къ стоящему внизу Дюку Гизу, копорой съ нетерпѣніемъ дожидался окончанія. — „Графъ Ангулемскій — ошвѣчалъ

Гизъ — не повѣритъ сему до тѣхъ поръ, пока не увидитъ мертваго трупа передъ собою!“ Немедленно выброшено черезъ окошко на улицу тѣло Адмирала.

Смерть Колинъи была знакомъ ко всеобщему побѣенію. Вездѣ зазвонили въ набатъ, вездѣ запылали факелы; солдаты побѣжали въ Лувръ. Гугеноты, внезапно пробужденные, по большей части полунагіе, безоружные, не опамятовавшіеся ото сна, разсыпающіяся по улицамъ и падающія подъ убійственными ударами свирѣпыхъ Капюликовъ. Нѣкоторые толпами сбѣжали въ Лувръ, желая узнать о причинѣ нечаянной тревоги, или найти безопасное убѣжище; стража и Швейцары лишали ихъ жизни при самомъ входѣ: кому удавалось спастись отъ рукъ стражи, тотъ попадался солдатамъ Дюка Гиза, или вооруженнымъ гражданамъ. Убійцы бѣгали даже по домамъ несчастныхъ Протестантовъ, изъ которыхъ многіе, лежа на постеляхъ, получали смертельные удары, прежде нежели узнать могли о предстоящей опасности. Вездѣ ожидала ихъ смерть, нигдѣ не было спасенія; перешагивая черезъ улицы цѣпи останавливали убѣгающихъ. Скоро всѣ улицы около Лувра, гдѣ жила большая часть Дворянъ Протестантскаго исповѣданія, наполнились мертвыми тѣ-

лами и потоками крови. Оружейные и пистолетные выстрѣлы, стоны умирающихъ, охриплый вой убійцъ, крики: „бей до смерти! руби Протестантовъ!“ нарушали тишину ночи. Графъ Ангулемскій, Дюкъ Гизъ и Дюкъ Монпансье, подобно Ангеламъ смерти, при блѣдномъ свѣтѣ пламенниковъ бѣгали по улицамъ и раздражали ярость въ убійцахъ. — „Не щадите крови! въ Августѣ также здорово опворятъ жилы, какъ и въ Сентябрѣ!“ — кричалъ Маршалъ Таваннъ, впрочемъ храбрый военачальникъ, но столь бѣшенный суевѣръ по Религїи, что, будучи уже на смертномъ одрѣ, восхищался подвигами Варооломеевской ночи, какъ самыми лучшими въ своей жизни. Спраспи начальниковъ сообщились народу. Кровожадность заняла мѣсто всѣхъ чувствованій. Не было пощады ни возрасту, ни полу, ни заслугѣ. Разсвирѣпѣвшіе убійцы умерщвляли родспвенниковъ, сосѣдовъ, домочадцовъ и прїятелей; даже десятилѣтніе дѣти убивали меньшихъ, находившихся въ колыбели.

Францискъ Ларошфуко, прїятель и собесѣдникъ Короля, спокойно спавшій на своей постелѣ, проснулся, услышавъ стукъ у дверей комнаты. Ему пришло на мысль, что вѣрно Король съ Придворными въ необыкновенное время пришелъ къ нему для

какой - нибудь шулки. Францискъ отворяетъ дверь; толпа переряженныхъ злодѣевъ бросается на него, и умерщвляетъ.

Между тѣмъ, какъ въ домахъ и на городскихъ улицахъ происходили явленія столь ужасныя, въ самомъ Луврѣ совершались убійства съ такою жестокостію, что черезъ часъ по началіи кровопролитія всѣ углы завалены были трупами. Король Наваррскій сидѣлъ съ своими друзьями и вѣрными служителями подлѣ постели Маргаритиной; онъ рѣшился на другой же день пребыть отъ Короля Французскаго удовлетворенія за злодѣйской выстрѣлъ въ Адмирала. Когда спало разсвѣтаетъ, онъ вышелъ съ собесѣдниками своими изъ спальни, съ тѣмъ, чтобъ поиграть въ мячъ, пока Король вспанетъ. Генрихъ не зналъ, что близко отъ него кровь льется потоками.

Лишь только они вышли въ переднюю, крѣпкая справа принудила ихъ остановиться. Король Наваррскій и Принцъ Конде должны были отдать свои шпаги; всю свисту изрубили передъ ихъ глазами. Хотя Генриху не опредѣлено было лишиться жизни; однакожь онъ вытерпѣлъ всѣ ужасы смерти. Подъ мрачными сводами коридора караульные стояли съ алебардами и ружьями, мимо которыхъ ему идти

надлежало. Генрихъ въ нерѣшимости и страхѣ три раза отступалъ назадъ. Капитанъ Лашатръ совѣтовалъ ему ободриться, и божился, что онъ ничего не долженъ опасаться. Генрихъ, мучимый ужасами смерти, наконецъ рѣшился идти мимо солдатъ, которые грозили стрѣлять изъ ружей и рубить алебардами. Генриха и Принца Конде привели къ Карлу; Король, вспрѣшивъ ихъ съ грознымъ лицомъ, съ нылающими глазами, произнесъ: „все, что вы видите, дѣлается по моему повелѣнiю; вы одни избавишесь отъ казни, постигшей вашихъ единовѣрцевъ; требуется только, чтобы вы заслужили сiю милость, отреклись отъ пагубной ереси, и присоединились ко святой церкви Каполической.“ Генрихъ и Конде отвѣчали тономъ нерѣшимельнымъ. Раздраженный Карлъ объявилъ имъ съ клятвою, что по прошествiи трехъ дней они должны или согласиться слушать Каполическую обѣдню, или готовиться къ тюремному заключенiю. Принцу Конде, которой говорилъ смѣлѣе, нежели Генрихъ передъ Карломъ, сказано было, что онъ, какъ мятежникъ, лишится головы на эшафотѣ. Оба узники отданы подъ присмотръ стражи; вопли несчастныхъ собесѣдниковъ ихъ, умерщвляемыхъ безъ милосердiя, пронизали сквозь темнич-

ныя стѣны, и страшно отдавались въ сердцахъ сихъ знаменитыхъ Гугенотовъ.

Одинъ Реформатъ изъ свиты Генриховой, по имени Гаспонъ Леранъ, въ ужасномъ страхѣ прибѣжалъ къ спальнѣ своего Короля, и сильно толкая въ дверь, кричалъ: „Государь! Государь!“ — Молодая Королева, оставшись одна, подумала, что нѣтъ уже никакой опасности и спокойно заснула; громкой крикъ и стукъ въ дверяхъ разбудилъ ее. Она приказала отпереть, починая, что идетъ Генрихъ; вмѣсто того, раненый, преслѣдуемый четырьмя солдатами Гаспонъ вбѣгаетъ въ комнату и бросается прямо на постелю Королевы, желая спасти жизнь свою. Маргарита, полумертвая отъ ужаса, поспѣшно вспаетъ, прячется за постелю; Гаспонъ бѣжитъ за нею, прижимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ: оба просятъ о помилованіи. По счастью, является Нансай, Капитанъ Гвардіи, выгоняетъ солдатъ изъ спальни, и изъ уваженія къ Королевѣ даруетъ жизнь Гаспону. Капитанъ, между тѣмъ, какъ Маргарита одѣвалась, рассказалъ ей о всемъ случившемся. Она просила его проводить себя въ комнату Дюшессы Лопарингской; дорогою, передъ ея глазами, въ трехъ шагахъ отъ нее закололи Гугенота. Маргарита, видѣ

себя отъ ужаса , упала на землю ; ее отнесли въ комнату Дюшессы.

Король Карль съ безчувственнымъ равнодушїемъ смопрѣлъ на побїеніе Гуге-ноповъ въ Луврѣ , и ободрялъ Швейцарскихъ солдатъ , говоря : „убивайте ерешиковъ ! ни одного не щадите !“ Варваръ самъ стрѣлялъ по бѣгущихъ своихъ подданныхъ , копорые хопѣли уйши вплавъ черезъ Сену. Многие видѣли его въ самое время кровопролитїя стоявшаго съ ружьемъ въ рукахъ подлѣ окна ; девяностилѣтній старикъ , бывшій въ молодости своей Королевскимъ пажемъ , признавался , что въ сію страшную ночь находился при Карлѣ и заряжалъ для него ружье.

Наспалъ день тихій и ясный ; но свѣтъ солнечный не только не погасилъ неисповой ярости въ убійцахъ , но еще большую возбудилъ спрасть къ кровопролитїю. Одинъ изъ новѣйшихъ Писателей говоритъ : „Ни одинъ городъ въ свѣтѣ не представляетъ зрѣлища , подобнаго Парижу , когда сильныя спрасти бываютъ въ немъ въ движенїи ; пошому что ни въ одномъ городѣ нѣтъ столь быстраго сообщенїя , нѣтъ столь общей , непрерывной дѣятельности. Парижъ наполненъ гражданами изъ всѣхъ частей Франціи ; отъ спеченїя столь различныхъ свойствъ составляетъ народъ

ной характеръ, издавна отличавшійся удивительною живостію и дикимъ фанатизмомъ.“ Сія живость, сей дикой фанатизмъ родили ужасы въ двадцать четвертой день Августа! Какую картину освѣтило восходящее солнце! какія явленія глазамъ представились! какіе вопли наполняли воздушныя пространства! Крики убійць, стоны умирающихъ, оружейные и дисшолопные выстрѣлы, трескъ отъ разбиваемыхъ оконъ и дверей... опчаяніе преслѣдуемыхъ и свирѣпство гонителей... Варвары безжалостно умерщвляли спариковъ, схвативъ ихъ за сѣдые волосы и ударяя о камень. Ни слезы, ни молодость, ни красота, ни самая невинность, не спасли цѣлующихъ дѣвицъ отъ мучительной смерти. Вырывали младенцевъ изъ объятий матерей и передъ ихъ глазами разбивали о каменные стѣны. Убійцы, облитые кровію, вмѣсто бѣлыхъ кресловъ для отличія прикалывали къ шляпамъ уши, отрѣзанныя у несчастныхъ Гугеновъ, и хвастались своими подвигами. Одинъ мясникъ гордо рассказывалъ передъ Королемъ, что въ минувшую ночь сто пятьдесятъ ерешиковъ пало подъ его сѣкирою. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Крюсъ, показывая окровавленную руку, кричалъ съ саманинскою радостію, что эта рука отняла жизни

у четырехъ сотъ Пропештаншовъ. Одинъ извергъ, отнявши малолѣтнее дитя у родителей — въ то самое время, когда безпомощной младенецъ съ довѣренностію ласкался къ своему мучителю — бросилъ его въ Сену. Одна неисповая Фурія предала мужа своего убійцамъ, когда онъ, переплывъ черезъ рѣку, скрылся-было въ домъ пріятеля.

Тамъ влекутъ несчастныхъ изъ убѣжищъ ихъ и терзаютъ на часпи, изрыгая насмѣшки и ругательства; здѣсь бросаютъ ихъ внизъ съ высокихъ кровель, на которыхъ они надѣялись спасти жизнь свою. Взрослые мальчики ходятъ толпами по улицамъ, играютъ мерзвыми шѣлами, и тащатъ въ Сену младенцевъ, пеленами обвитыхъ. Выбрасываютъ въ окна изъ домовъ трупы людей побитыхъ; яростный народъ со свистомъ и крикомъ тащитъ ихъ по улицамъ; смерть не удовлетворяетъ неистовыхъ. Тамъ догоняютъ бѣгущаго Пропештанпа и бросаютъ въ рѣку; здѣсь умерщвляютъ беременную женщину въ самое время ея разрѣшенія. На всѣхъ улицахъ, на всѣхъ порогахъ у дверей разбросаны трупы; Сена зардѣлась отъ потоковъ крови.

Толпа дикихъ Каннибаловъ безстыднымъ образомъ ругается надъ трупомъ.

Адмирала. Сперва съ насмѣшливыми криками волочапъ его по улицѣ, попомъ жгутъ на огнѣ и бросающъ въ Сену, напоследокъ прицѣпляющъ къ висѣлицѣ. Одинъ солдатъ опрубилъ голову опъ прупа, и торжественно поднесъ Королевѣ Катеринѣ, копорая, набалзамировавъ ее, опослала въ Римъ къ Кардиналу Лопарингскому.

Разпорглись всѣ союзы любви и дружбы, вѣрности и благодарности. Родственники и супруги сами убивали или предавали на убійство другъ друга. Клермонъ умертвилъ роднаго своего брата. Ни возрастъ, ни званіе, ни заслуга, не спасали опъ смерти. Храбрый Герши и Бове, Гофмейстеръ Короля Наваррскаго, лишились жизни. Перро, славный Законовѣдецъ, Клодъ Гондмьель, превосходный музыкантъ, Гужонъ, одаренный искусствомъ одушевлять мертвый мраморъ, Франкуръ, Канцлеръ Королевы Иоанны Албре, копорой своими совѣтами много способствовалъ къ совершенію несчастнаго бракосочетанія, терпѣли мучительную смерть наравнѣ съ прочими Гугенотами. Дюбріень, осмидесятилѣтній воспитатель Принца Конши, умерщвленъ безъ жалости; ни его сѣдины, ни высокой санъ питомца не защищали его опъ гибели. Телинъ, осыпанный милостями Королевскими, два раза спасал-

ся отъ смерти; его любезность — какъ говоришь одинъ Французскій Писатель — укрощаа неистовыхъ тигровъ; наконецъ Аршанъ, Капитанъ Гвардіи Дюка д'Анжу, приказалъ умертвить его. Даже Пиль, храбрый защитникъ Сен-Жана д'Анжели, изрубленъ на дворѣ Луврскомъ. Онъ умеръ съ геройскою неустрашимостію, и въ самую минуту кончины, указывая на кучу убитыхъ своихъ единовѣрцовъ, прокричалъ Королю, которой съ равнодушіемъ смотрѣлъ на позорище: „Вотъ исполненіе слова Королевскаго! вотъ плодъ мира, заключеннаго съ клятвою! Всемогущій! опомнись за вѣроломство!“ — Такъ умерли знаменитые Гугеноты; люди, со славою сражавшіеся за отечество на полѣ рашномъ, пали подъ ударами убійцъ клятвопреступныхъ. Многіе изъ нихъ встрѣпили смерть съ гордою неустрашимостію, изъясняя презрѣніе къ своимъ непріятелямъ.

При общемъ смятеніи сама Религія не спасала отъ смерти. Мщеніе скрывалось подъ личиною изувѣрства; разъяренные злодѣи, пользуясь случаемъ, побивали своихъ непріятелей, и Каполиковъ и Протестантовъ. Петръ Рамюсъ, славный Математикъ, былъ ревностный Каполикъ; не смотря на то, Шарпантье, зависникъ дарованій Рамюса и товарищъ по Колле-

гѣи , умертвилъ его; приказалъ ученикамъ своимъ сѣчь розгами трупъ, и потомъ выбросить его за окошко. Ламбекъ , другой Каполикъ ученой же , умеръ отъ страха , услышавъ о злосчастной кончинѣ перваго. Рюильяръ , Вильемиръ и Сальцеда , бывъ усердными Каполиками, изрублены за то, что навлекли на себя ненависть Гизовъ.

Нечаянной случай подалъ поводъ ревностнымъ Священникамъ еще болѣе разгорячить умы Парижскихъ жителей. Въ самой день несчастнаго побѣенія , на кладбищѣ Протеспаншовъ какое-то дерево разцвѣло въ другой разъ. Сполъ необыкновенное явленіе почтено дѣломъ сверхъестественнымъ. Духовные закричали о новомъ чудѣ, а предубѣжденный народъ тотчасъ всему повѣрилъ. Это значить — разглашали Духовные — что церковь Божія снова процвѣпешъ; каждой спѣшилъ къ кладбищу смотрѣть на знаки небснаго благоволенія. Самъ Король съ матерью своею и со всѣмъ Дворомъ ѣздилъ для поклоненія святому мѣспу. Толпа Дворянъ съ обнаженными мечами спѣснилась около дерева; каждому хопѣлось срубить чудотворную вѣткку или по крайней мѣрѣ одинъ листокъ; надлежало приставить караулъ, для сбереженія дерева.

Когда Король возвращался во Дворецъ изъ кладбища, Каперина и придворныя Госпожи насыщали взоры свои, смотря на голые шрупы, копорыми покрытъ былъ берегъ Сены. Тѣло Карла Дюпона возбудило въ Королевѣ особое любопытство, попому что супруга его нѣкогда жаловалась въ судѣ на слабое сложеніе своего мужа. Сполъ велико было тогда развращеніе нравовъ, что ужасное позорище подавало поводъ къ постыднымъ наслажденіямъ.

Ввечеру Карлъ казался весьма довольнымъ. Онъ съ веселымъ видомъ сказалъ Хирургу Паре: „сего дня все сдѣлается Каполическимъ!“ Даже на другой день въ понедѣльникъ не оставяла его прежняя веселость. Споя подлѣ окна и увидѣвъ ясной день на дворѣ, онъ оборотился къ окружавшимъ его людямъ и сказалъ: „я думаю, погода опъ того хороша, что ерешики побиты!“ — Карлъ со свитою отправился къ тому мѣсту, гдѣ было повѣшено тѣло Адмирала. Легкомысленный варваръ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на изуродованный шрупъ несчастнаго Колонья, котораго недавно называлъ *батюшкою*. Когда одинъ изъ бывшихъ шамъ людей далъ замѣтить, что тѣло уже начинаеть дурно пахнуть, Король, подобно пирану Вишеллю, отвѣчалъ: „запахъ отъ убиша-

го врага всегда прїятель обонянію!“ Столь грубая нечувствительность кажется невѣроятною, вымышленною. Маршалъ Монпморанси въ темную ночь приказалъ снять съ висѣлицы тѣло своего друга и родственника, и похоронить въ Шанпильской часовнѣ.

Уже передъ вечеромъ 24го Августа въ Воскресенье при звукѣ трубъ объявлено было Королевское повелѣніе, чтобы всѣ граждане положили оружіе и остались въ покоѣ. Однакожъ не легко было обуздать разъяренный народъ власнїю законовъ, когда онъ вышелъ за предѣлы общественнаго порядка. Кровопрولیіе и ужасы на другой день начались по прежнему. Чернь бѣгала по улицамъ и угрожала смернїю каждому, кто осмѣлился скрывать Гугеновъ; кому изъ сихъ несчастныхъ удалось спрятаться, того нашедши немедленно предавали смерти. Грабежъ и хищеніе порожествовали подѣ знаменами усердія къ Вѣрѣ. Имѣніе Кальвинистовъ было почтишаемо законною добычею. Болѣе шести сотъ домовъ ограблено; окна и двери въ нихъ разбины. Долго потомъ жители Парижа носили на себѣ одежды и наряды, похищенные въ пагубный день сей, и тщеславились ими, какъ знаками прїумфа. Король и Королева охотно принимали по-

дарки, состоящие изъ ограбленныхъ драгоценностей.

Каперина Медицисъ и ея пріятеля увѣрили Короля, что всѣ станутъ считать Гизовъ виновниками кровопролитія. Онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился удалить отъ себя подозрѣніе и всю вину возложилъ на Дюка Гиза, который будто бы хотѣлъ отомстить за смерть своего дяди. Къ чужестраннымъ Дворамъ посланы грамоты, въ которыхъ Король изъяснялъ, что „печальное происшествіе случилось безъ его вѣдома и участія, и было не что иное, какъ слѣдствіе ненависти Дома Гизовъ противъ Адмирала и его сообщниковъ; что Гизы, извѣстясь о намѣреніи Адмираловой партіи мстить за выстрѣлъ въ ихъ предводителя, изъ предоспорожности собрали вокругъ себя такое множество людей вооруженныхъ, что не оставалось средствъ удержать общее волненіе.“ Но когда начала составляться прешья партія, которая требовала удовлетворенія за смерть Колиньи и его несчастныхъ товарищей; когда самые Гизы кричали противъ несправедливыхъ обвиненій, которыми ихъ безчестяли: тогда Король принужденъ былъ заговорить другимъ языкомъ. Вмѣстѣ съ матерью и Вельможами Королевства, 26 го числа онъ отправился въ

церковъ для выслушанія обѣдни и для принесенія Богу теплой благодарности за побѣду, одержанную надъ ерешиками. Оттуда со всею свитою поѣхалъ въ Парламентъ, и объявилъ, что „побѣненіе Гугенотовъ послѣдовало по его повелѣнію, для предотвращенія мятежа и слѣдствіей заговора, которой сдѣланъ былъ Адмираломъ Колиньи и другими Протестантами противъ Короля, его матери, брата, и даже противъ Короля Наваррскаго; цѣлю сего заговора было возведеніе Принца Конде на престолъ Франціи.“ Сіе объявленіе и опредѣленіе объ изслѣдованіи вины Колиньи и его сообщниковъ вписаны были въ Журналь Парламента, спустя потомъ два дни, и обнародованы во всемъ Королевствѣ; оспавшимся Гугенотамъ обѣщана личная безопасность. Однакожъ сіе послѣднее обѣщаніе совсѣмъ не исполнено. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней необузданная чернь дѣлала неистовства. Въ Парижѣ семь дней господствовали ужасы и кровопролитіе; въ первые три дни съ большею яростію, въ послѣдніе четыре — съ меньшею. Около шести тысячъ Гугенотовъ, въ томъ числѣ отъ пяти до шести сотъ Дворянъ, сдѣлались ихъ жертвою. Однакожъ многимъ удалось спастися. Гизы, Таваннъ и самъ Король, по представельству сестры его

Маргариты, нѣкоторыхъ Протестантовъ подарили жизнию. Молодой Сюлли, бывшій потомъ славнымъ Министромъ при Генрихѣ IV, тогда учился въ Бургоньской Коллеіи въ Парижѣ, и только по одному счастливому случаю избавился отъ смерти. Его слуги, испуганные внезапнымъ шумомъ въ первую ужасную ночь, выѣжали на улицу съ намѣреніемъ узнать, что тамъ происходитъ; но ни одинъ изъ нихъ назадъ не возвратился, и никто не могъ послѣ свѣдать, что съ ними случилось. Самъ Сюлли въ поропливости побѣжалъ въ Коллеію, захвативъ подъ руку печальный молившословъ. Многіе караульные и шайки убійцъ нападали на него дорогою; но видя въ рукахъ церковную книгу, считали его православнымъ Католикомъ и давали свободной пропускъ. Такимъ образомъ Сюлли счастливо добрался до Коллеіи; сослуживельный начальникъ, принявъ съ любовію своего отличнаго ученика, далъ ему у себя убѣжище и держалъ нѣсколько дней, пока родственники нашли его и взяли къ себѣ. — Многіе Гугеноты, жившіе на другой сторонѣ Сены, заблаговременно спаслись бѣгствомъ. Нѣкоторые, подобно Сюлли, избавились отъ гибели какимъ нибудь особливимъ чудеснымъ случаемъ; другіе откупились

деньгами. Арманъ Биронъ обязанъ жизнью собственнoй своей храбрости.

Яросль противъ Гугенотовъ разпространилась по всѣмъ провинціямъ Государства ; большая часть Намѣстниковъ исполнили въ точности повелѣніе Королевское. Гоненіе на Протестантовъ свирѣпствовало съ большею жестокостію въ Троя , Мо , Орлеанъ , Ліонъ , Тулузъ , Анжеръ , Буржъ , Поансьеръ , Неверъ , Руанъ и Бурдо. Въ Ліонъ ихъ связывали въ кучу и разспрѣливали. Болѣе девяти сотъ замучено въ шюрьмахъ отъ мясниковъ и мапросовъ. Въ другихъ мѣстахъ пошопляли ихъ въ водѣ. Въ Орлеанъ кричали съ насмѣшкою , когда несчастные ведены были на казнь : „гдѣ Богъ вашъ ? пусть онъ избавитъ васъ отъ смерти !“ Даже въ малыхъ деревняхъ были убійцы и убиваемые. Отцы въ объятіяхъ дѣтей , невѣсты на рукахъ жениховъ , братья отъ братьевъ , друзья отъ друзей лишались жизни. Поля покрыты были непогребенными трупами , копорые сираднымъ испареніемъ заражали воздухъ. Рона , Саона , Лоара многіе дни сряду рдѣлись отъ крови , и были наполнены тѣлами Протестантовъ ; жишели Анжера долго не могли пить воды изъ Лоары , ниже ѣсть рыбы , въ сей рѣкѣ пойманной. Во многихъ мѣстахъ отпра-

вляли торговлю человѣческимъ жиромъ, и продавали его на фунты, попому что одинъ Аптекарь объявилъ жиръ сей лѣкарствомъ весьма полезнымъ. Во весь Сентябрь мѣсяцъ убійства продолжались въ провинціяхъ. Болѣе тридцати тысячъ, а по свидѣтельству Сюллиеву, около семидесяти тысячъ Гугеношевъ разнаго возраста и пола лишилось жизни; большая часть сихъ людей погибла невинно, только за то, что думали иначе, нежели какъ учила господствующая церковь. Одинъ иностранной Писатель говоритъ справедливо: „Никогда напура человѣческая не бываетъ столь гнусною, столь отвратительною, какъ при гоненіи за Вѣру: тогда люди нечеспіемъ своимъ превосходятъ баснословныя существа ада, а по безразсудности стоятъ ниже пварей.“

Однакожъ, въ то ужасное время, когда буря изступленія свирѣпствовала со всею яростію, нѣкоторыя дѣла человѣколюбія, подобно благодѣтельнымъ звѣздамъ, свѣтились во мракѣ; онѣ упѣнишельны для друга людей, которой, видя ихъ, ободряется и на часъ забываетъ, до какой крайности страсти доводятъ человѣка. Многіе великодушные Католики, подвергая собственную жизнь опасности, избавляли Гугеношевъ отъ гибели. Рене,

дочь Короля Лудовика XII, покровительница Наукъ, приняла въ свой замокъ Монтаржи шесць соипъ гонимыхъ Пропеспаншовъ, и велѣла сказать Дюку Гизу, которой приготовился палить изъ пушекъ по замку, что „она сама спанеть на проломѣ и посмоприть, осмѣлятся ли Гизъ умертвить дочь Королевскую.“ — Клавдій Савойскій, Намѣстникъ Прованса, получивъ бумагу о побѣнїи, увѣрялъ всѣхъ, что повелѣнїе написано безъ воли Королевской. Геранъ Моншморень, Намѣстникъ Овернскій, объявилъ, что исполнилъ приказанїе не иначе, какъ въ присуствїи самаго Монарха. Вице-Графъ Горшъ, Намѣстникъ Байоны, отвѣчалъ Королю: „Государь! я объявилъ вашу волю военнымъ людямъ и гражданамъ Байоны; но они поступили какъ храбрые воины и добрые подданные, и ни одинъ не захотѣлъ быть палачемъ.“ Намѣстникъ Каружа, Левенёръ, всячески старался удержатъ убійцъ; наконецъ самъ поѣхалъ къ Королю ходатайствовать за Пропеспаншовъ. — Иоаннъ Генньюеръ, Епископъ Лизьёскій, писалъ къ Намѣстнику своей Епархїи, къ которому наряду съ прочими прислано было повелѣнїе объ умерщвленїи Пропеспаншовъ: „какъ добрый пастырь, буду стараться заблуждшихся овецъ привесити ко снаду,

но не могу допустить, чтобъ ихъ убивали.“ Онъ склонилъ Намѣстника на свою сторону, взялъ всю вину на себя, и шѣмъ спасъ жизнь всѣмъ Гугенопамъ въ своей Епархіи. — Поступокъ Шарля, благомыслящаго палача, не долженъ оставаться въ забвеніи. Когда было ему приказано умертвить Кальвинистовъ въ пюрьмѣ, онъ отвѣчалъ съ гордостью и негодованіемъ: „мои руки работаютъ только для законовъ и справедливости!“ — Имена сихъ людей великодушныхъ достойны были преданными попомству; но несчастію, нѣкоторые изъ нихъ скоро попомъ умерли; это доказываетъ истину подозрѣнія, что смерть ихъ была слѣдствіемъ челоуѣкоубиваго непослушанія свирѣпой волѣ Двора Французскаго.

Напрошивъ того Парламентъ Парижскій посрамилъ себя недстойнымъ поступкомъ. Онъ не только объявилъ Адмирала государственнымъ преступникомъ, память его — безчестною, а дѣтей его лишилъ правъ гражданства (*), но даже опредѣлилъ „въ воспоминаніе освобожденія Королевства, день Варломея ежегодно торжествовать крестнымъ ходомъ.“ Все это сдѣлано вопреки внутренней увѣренности,

(*) 27 го Октября 1572.

и только для угожденія Двору: ибо первый Президентъ, славный Историкъ де Ту, въ Парламента сильно вооружался пропивъ гоненія на Протестантовъ.

Скоро слухъ о Вареломеевскомъ побѣеніи разнесся по всѣмъ Государствамъ; Европа приняла его съ ужасомъ и отвращеніемъ. Капюлики и Протестанты равно гнушались ненавистнымъ поступкомъ: никто не повѣрилъ молвъ о мнимомъ заговорѣ Гугеновъ пропивъ Короля и Королевства. Даже большая часть Французскихъ Капюликовъ явно не одобряла нечесливаго злодѣйства. Нѣкоторые люди просвѣщенные, Дора, Фаве, Жодаль, называли его полищическою уловкою; напрошивъ того другіе открыто говорили, что такимъ Королемъ должно гнушаться, которой брачную одежду сестры своей обагрилъ кровію. Сама супруга Карлова, Елисавета Австрійская, дочь Императора Максимилиана Второго, Государыня крошкая и благонравная, услышавъ о повелѣніи убивать Протестантовъ, залилась слезами и просила Бога, чтобы опустилъ Королю сей злодѣйской поступокъ.

Нигдѣ сіе извѣстіе не принято съ такимъ негодованіемъ, какъ въ Англіи. Весь

народъ требовалъ войны противъ убійцъ; самъ Дворъ, которой не всегда склоняется на пылкія, въ жару спраспи изъясляемая желанія народа, въ семъ случаѣ былъ съ нимъ одинакаго мнѣнія. Королева Елисавета, на первой аудіенціи послѣ печальнаго произшествія, приняла Французскаго посла Фенелона въ залѣ, обитой черною матеріею, и сама была въ черномъ плащѣ. Фенелонъ въ донесеніи своемъ объ аудіенціи Королю Французскому написалъ: „Презрѣніе и негодованіе видны были на всѣхъ лицахъ; мертвая пишина господствовала въ чертогахъ. Придворныя Дамы и Кавалеры спояли въ глубокомъ траурѣ по обѣимъ сторонамъ; когда я проходилъ мимо, никто не удостоилъ меня пріятнымъ взглядомъ, никто не отвѣчалъ на мои привѣтствія.“ Посолъ, и безъ того уже приведенный въ уныніе другими посшдыными произшествіями, въ его опечествѣ случившимися, потерялъ все присутствіе духа отъ сего пріема, и едва могъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе своего Государя. Елисавета отвѣчала на его Рѣчь: „жалѣю, что вашъ Государь принялъ такія мѣры!“ Фенелонъ былъ довольно чиспосердеченъ; онъ заключилъ донесеніе свое Королю словами: „теперь я смѣжусь называться Французомъ.“

Императоръ Максимиліанъ , которой болѣе оказалъ перпимоспи , нежели кпо-нибудъ изъ его попомковъ , ближайшихъ и опдаленныхъ , въ письмѣ къ Генералу своему Лазарю Швенди упоминалъ о семъ произшеспвіи слѣдующимъ образомъ : „Эпо кладетъ вѣчное пятно на царствованіе моего зяпя. Еслибъ онъ попросилъ у меня совѣта , я всячески поспарался бы опклонить его отъ споль ненавистнаго поступка. Пусть Франція думаетъ о томъ , какъ хочетъ ; однакожь Небесный Судія попребуетъ опчелна.“ — Вся Германія согласна была со мнѣніемъ добраго Императора.

Когда Дюкъ д' Анжу , братъ Короля Карла ІХ , признанъ былъ Кандидатомъ престола Польскаго , Каполики и Протестанты въ Польшѣ сперва не хотѣли — было имѣть его Королемъ своимъ , за то , что онъ принималъ участіе въ кровопролитіи. Однакожь выборъ утверждень , и Анжу въ слѣдующемъ году опправился въ Польшу черезъ Нидерланды и Германію. Дорогою онъ долженъ былъ вытерпѣть многія непріятности. Въ нѣкопорыхъ городахъ Нидерландскихъ народъ встрѣчалъ его бранными восклицаніями ; на ночлегахъ въ гостинницахъ не рѣдко онъ находилъ изображенія убитыхъ Гугенотовъ. Болѣе всѣхъ

изъявилъ негодованія Курфирстъ Пфальц-скій, Фридрихъ III, ревностный послѣдователь Кальвинскаго ученія. Госпою дозволено было прѣхать въ Гейдельбергъ, Курфиршескую Резиденцію, не иначе, какъ съ малою свитою и подъ крѣпкимъ прикрытиемъ конныхъ солдатъ. По прибытіи его къ замку, караулы у воротъ удвоены, и при всѣхъ входахъ разставлены пушки. Никто не вышелъ къ нему на встрѣчу; въ передней принялъ его одинъ Чиновникъ съ двумя Французскими Дворянами, коимъ удалось избавиться отъ Парижскаго побоища. Старый Курфирстъ принялъ своего госпя съ важнымъ видомъ, и повелъ его въ комнату, въ которой вмѣсто украшенія стояла большая картина, представлявшая ужасы Вареломеевской ночи; всѣ главныя лица, убійцы и убитые, изображены были весьма живо. Курфирстъ, копорой не спускалъ глазъ съ картины, спросилъ Дюка: „знакомы ли вамъ сіи лица?“ Анжу отвѣчалъ утвердительно. „Убитые — продолжалъ Фридрихъ — были честные люди и добрые Французы: убійцы — измѣнники и злодѣи!“ — За вечернимъ споломъ изумленному Принцу служили одни Дворяне - Гугеноты, убѣжавшіе изъ Парижа. Онъ вездѣ видѣлъ угрожающіе взгляды, слышалъ полу-

громкимъ шопотомъ произносимыя имена его любимцевъ, Невера, Майенна; слышалъ восклицанія: „Италіянскіе разбойники! Лотарингскіе мясники!“

Чтобы еще болѣе увеличить его безпокойство, ночью ударили тревогу; настало ужасное смятеніе въ замкѣ; было въ движеніи; множество голосовъ кричало безъ умолку; и все это произошло опъ бездѣлицы — въ трубѣ загорѣлась сажа. Генрихъ, будучи внѣ себя отъ страха, подумалъ, что наступилъ послѣдній часъ его, часъ возмездія за побіеніе Протестантовъ. Онъ поспѣшилъ убраться изъ замка, и на возвратномъ пути изъ Польши во Францію уже не поѣхалъ черезъ Курфиршескія владѣнія.

Только при Дворахъ Римскомъ и Мадридскомъ извѣстіе о побіеніи Гугенотовъ принято было съ радостію. Въ Мадридѣ по сему случаю торжественно пѣли *Тебе Бога хвалимъ*, и въ присутствіи Короля читали похвальное слово, подъ заглавіемъ: *Тріумфъ воюющей церкви*. Папа Григорій XIII почтилъ злодѣйское побіеніе особымъ празднованіемъ, какъ побѣду Католической вѣры. Онъ торжественно отправился съ Кардиналами въ церковь Св. Лудовика, въ которой Кардиналъ Лотарингскій совершалъ литургію; съ крѣпости Ангела

раздавались пушечные выстрѣлы; весь городъ освѣщенъ былъ великолѣпно; въ память безпримѣрнаго злодѣйства шиснушы медали. Однакожь нѣкоторые Историки утверждаютъ, что Папа Григорій наружно радовался, а внутренно оплакивалъ ненавистное происшествіе. Великій Герцогъ Тосканскій Козма столько унизился, что отправилъ чрезвычайнаго Посла къ Французскому Королю и его матери, для поздравленія ихъ съ блистательною побѣдою.

Спрашивается, что выиграли Католики побѣненіемъ Гугенотовъ? Событіе показало, что сіе злодѣйство не послужило никому въ пользу, и что ни партіи, ни Дворъ не достигли чрезъ то своей тайной цѣли. Хотя Король Наваррскій и Принцъ Конде, изнемогшіе подъ тягоспѣю заключеній, потомъ приняли Католическую вѣру; хотя многія тысячи Протестантовъ погибли: но они до конца не изпреблены — какъ сперва надѣялись Карлъ IX, Катерина Медичисъ, Король Испанскій и Папа. Выпви дерева обрублены, но корень остался невредимымъ. Опчаяніе и опасность еще тѣснѣе соединили Гугенотовъ, избавившихся отъ гибели. Они заняли важнѣйшія крѣпости, и защищали Рошель отъ нападеній Королевскаго

войска. Такимъ образомъ началась четвертая война междоусобная тогожъ года; въ теченіе еще двадцати шести кровавыхъ лѣтъ многія тысячи Капюликовъ смертію своею заплатили за мучительство Варооломеевской ночи. Наконецъ, въ царствованіе добраго Генриха IV, богиня тишины примирила враждующихъ, и Гугенопы, по силѣ славнаго въ Исторіи Нантскаго указа, получили свободу отправлять свое богослуженіе.

Дорого стоило Карлу его злодѣяніе. Оно не только сдѣлало его предметомъ омерзѣнія современниковъ и потомства, но лишило спокойствія на вѣки. Ужасныя мечты терзали его душу; онъ во снѣ и наяву безпреспанно видѣлъ окровавленные тѣни убитыхъ съ лицами обезображенными. Онь того характеръ его и самыя черты лица измѣнились. Онь сдѣлался свирѣпѣе, дичѣе, кровожаднѣе. Грусть, недовѣрчивость и досада овладѣли имъ и ужасали каждого, кто къ нему приближался. Гизы и всѣ тѣ, по совѣту которыхъ онъ рѣшился на побѣненіе, стали ему ненавистными. Онь началъ бояться своего брата Анжу, котораго никогда не любилъ; началъ бояться даже своей матери. Избраніе Дюка въ

Польскіе Короли обрадовало его до крайности, и подало ему поводъ помышлять объ удаленіи отъ себя Каперины. Тѣлесныя недуги — слѣдствіе распущной жизни и пристрастія къ охотѣ. — увеличивали печаль его. По отъѣздѣ Дюка въ Польшу, состояніе Карлова здоровья сдѣлалось еще опаснѣе; чахотка пожирала его тѣло; кровавой потъ выходилъ изъ всѣхъ скважинъ; тоска доводила его до сумасшествія. Видя близкой конецъ свой, онъ поручилъ матери управлять Королевствомъ до тѣхъ поръ, пока братъ его возвратится изъ Польши. Не задолго передъ смертью велѣлъ позвать къ себѣ Короля Наваррскаго, поручилъ ему остающуюся свою супругу, обнялъ мать, и сказалъ: „Я радъ, что не имѣю сына; для тяжкаго бремени правленія надобенъ мужъ, а не отрокъ.“ Карлъ IX умеръ въ Троицынъ день, 30 го Мая 1574го года, въ три часа послѣ полудня, имѣя только двадцать пять лѣтъ отъ роду. Онъ былъ роста высокаго, сухощавъ, и ходилъ нагнувшись. Пріятныя черты, украшавшія лице его въ лѣтней молодости, наконецъ совершенно измѣнились; видъ его сдѣлался дикимъ, отвратительнымъ. Спранная болѣзнь, отъ которой Карлъ лишился жизни, заставила многихъ думать, что ядъ уско-

риль его кончину, и что сама Катерина была виновницею смерти старшаго своего сына, для того, чтобы младшаго скорѣе возвести на престолъ Франціи. Можеть бышь, сіе подозрѣніе не справедливо; по крайней мѣрѣ извѣстно, что гнуемая душа ея способна была къ столь ненавистному поступку.

Катерина Медицисъ жила еще около пятнадцати лѣтъ послѣ смерти несчастнаго своего сына. Вся Европа справедливо почитала ее главною виновницею ужаснаго происшествія, здѣсь описаннаго; всеобщее негодованіе изливалось на нее въ язвительныхъ сапиряхъ и письмахъ ругательныхъ. Она любила заниматься Астрологіею подъ руководствомъ славнаго Носпрадама. Будучи перзаема всегдашнимъ безпокойствомъ и сильными, неукротимыми спраспями, Катерина дожила до шестидесяти - девяти - лѣтняго возраста, и умерла въ Блоа отъ яда, или въ росянѣ, отъ печали и досады, лишась всего драгоценнѣйшаго въ жизни, и видя дѣшей своихъ несчастными.

Ни одна слеза любви и сожалѣнія не упала на могилу сей ужасной женщины. Добрый Генрихъ IV говаривалъ, что изъ всѣхъ женщинъ ее только одну ненавидѣлъ отъ всего сердца.

Въ царствованіе слабаго и набожнаго Генриха III — копорой болѣе всякаго упражненія любилъ завивать волосы на головѣ супруги своей, мышь и крахмалишь ея бѣлье — внутреннія безпокойства во Франціи достигли до высочайшей степени; тогда соснавился извѣстной союзъ de la Ligue, копорымъ управляли Гизы. Судьбѣ угодно было сдѣлать Генриха III орудіемъ мести за убійство Адмирала Колиньи, спустя шесънадцать лѣтъ (*) послѣ смерти знаменитаго спрадальца. Генрихъ Гизъ и братъ его Кардиналъ Лопарингскій лишились жизни въ Блоа, по приказанію Генриха III, копорой, въ свою очередь, палъ опъ злодѣйской руки Якова Клименпа, Доминиканскаго монаха (**). Съ жизнью сего Короля пресѣкся Домъ Валлоа, двѣсти шесъдесять лѣтъ царствовавшій во Франціи.

Такимъ образомъ Судьба опомстила виновникамъ ужасовъ Вареломеевской ночи. Бемъ, убійца Адмирала, Коссень, Дюгю и многіе другіе, ранѣе или позже, равнымъ образомъ умерли насильственной смертію.

(*) 23 го Декабря 1588.

(**) 1 го Августа 1589.

Другое племя воцарилось во Франціи. Гугеноты снова были гонимы, разсѣяны; наконецъ быспрый пошокъ времени унесъ съ собою даже имя ихъ; но осталось учене, которое они исповѣдывали. Франція получила новой видъ; народъ не перемѣнилъ своего характера. Произшествія, случившіяся въ наше время, возобновили въ памяти явленія ужасной Варооломеевской ночи.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

Гимнъ Непостижимому (*).

Къ тебѣ я духомъ возвышаюсь,
Первоначальная Вина!
Источникъ вѣчной жизни, свѣта! —
Предъ Кѣмъ парящій разумъ мой —
Едино только изумленье,
А чувства сердца моего —
Едина только благодарность!
Непостижимый! — кто дерзнетъ

(*). Сія піеса была напечатана въ *Утренней Зарѣ*; она теперь является въ свѣтъ со многими поправками и прибавленіями, слѣдственно имѣетъ цѣну новости. *Изд. No 20.*

Во прахъ смертности живущій ,
 Твое величіе , обняшь ?
 Но — Ты Отецъ нашъ ! — Ты позволилъ
 Дивиться благости Твоей !

*

Когда я въ сладкомъ восхищеньи
 Дерзаю мыслить о Тебѣ ,
 Я самъ кажусь непостижимымъ !
 Ты въ тайнѣ сердца моего
 Скрылъ сущности Твоей всѣ тайны ,
 И невмѣщаемый въ мірахъ
 Вмѣстилъ Себя — для слабыхъ смертныхъ —
 Въ небесномъ чувствіи добра ,
 Въ надеждѣ радостной безсмертья ! . . .
 Природа — Твой гіероглифъ ;
 Такъ ! — Каждый свѣта лучъ приноситъ
 Благословенье намъ Твое ! —

*

Кто смѣетъ положить предѣлы
 И кругъ и дни Твоимъ дѣламъ ?
 Могла ли всесовершенно Благость ,
 Могла ли не дѣйствовать когда ? —
 Пусть чада вѣчности сокрытой ,
 Пусть вѣки сотрясутъ свой сонъ ,
 И станутъ , и рекутъ предъ нами :
 „Мы зрѣли первый жизни лучъ !“ —
 Отецъ ! — нашъ міръ тогда созданъ
 Какъ стали чувствовать Тебя ,
 И разумѣть Твои щедроты ;
 Твой міръ для насъ непостижимъ !

*

Въ таинственномъ судебъ чоршого
 И жизнь и смерть служа Тебѣ,
 Согласно держашъ цѣль твореній!
 Огонь, обнявшій свѣтлу твердь, —
 Ревущи воды въ темныхъ безднахъ —
 Въ потопахъ, трусѣ и громахъ: —
 Все Богу благости покорно! —
 Въ пространномъ царствѣ бытія
 Недвижность держится движеньемъ,
 Нетлѣнность тлѣнностью цвѣтѣтъ;
 Въ премѣнахъ скрыто постоянство,
 И единица — въ числахъ немъ! . . .

Отъ трона Твоего — какъ искры,
 Мелькая въ мракѣ пустыи, —
 Лютятся солнцы безпрестанно,
 И новы множатся міры,
 Какъ духи, окрестъ предъ тобою!
 Безбрежной жизни Океанъ
 Волнуясь подъ Твоей рукою,
 Вдругъ кажетъ гробъ и колыбель!
 Ты прѣмысломъ Твоимъ всесильнымъ
 На безконечность разпростраешь,
 Единой мыслью сопрягаешь
 Начала, средства и конецъ!

Не Ты ли держишь, Несказанный!
 И нравственный, чудесный міръ? . . .
 Твою велику мысль и волю
 Словами пламенными намъ

Вездѣ Природа начершала ;
 Любовь Божественна сошла ,
 И сердцу ихъ изполковала , —
 И встали царства средѣ пустынь ! —
 Жезлъ пастыря нарекъся — скипетръ ;
 И холмъ семейственный — Престоль ;
 Отецъ въ Царя преобразилъся ,
 А Царь — въ подобіе Твое !

Подобно грознымъ исполинамъ ,
 Сіи моральные міры ,
 Народы , племена и царства
 Возходятъ на лицѣ земли !
 Ты ихъ питаешь , движешь , славишь ;
 Ты судишь миръ , ты судишь брань !
 Речешь — какъ тѣни исчезаютъ ;
 Возришь — и снова оживутъ !
 Цвѣтутъ , созрѣютъ и увянутъ ,
 Когда Ты соберешь съ нихъ плодъ ! —
 Паритъ духъ сильный разрушенья
 И сѣетъ зерна бытія ! — . . .

Великій Боже! что есть смертный? . . .
 Въ преступной дерзости своей ,
 Мечтаетъ онъ съ небесъ похитить
 Сей дивный мірозданья планъ ,
 Въ Твоемъ сокрытый разумъни ! . . .
 Не вышель нашихъ слабыхъ силъ
 Тебѣ въ самихъ себѣ дивиться ? —
 Тебя въ самихъ себѣ искашь

Не есть ли вѣчность наслаждений? —

Рабы мечтаній и суеты!

Мы ищемъ тамъ, гдѣ Ты тайнственъ,

Иль тамъ, гдѣ нѣтъ Тебя для насъ. . .

Единой благостью приближенъ

Ко смертному Безсмертный Ты.

Что человекъ безъ ней? — Ничтожность!

Бѣдѣ нѣчто, чѣмъ ничто! —

Когда слѣпая заблужденя,

Издавъ гордости его,

Творятъ сей міръ пустыней бѣдствій,

Тираномъ — Бога; зломъ — добро;

Огнемъ могильнымъ — здравый разумъ; —

Когда, какъ въ паушинѣ червь,

Я померкаю и помлюся

Въ своихъ же собственныхъ сѣняхъ: —

Тогда блеснетъ небесна Благость,

И сердцу придаетъ крылъ,

Паритъ туда, гдѣ умъ не можетъ, —

И бѣдный смертный, прахъ земный,

Во свѣтѣ Ангеловъ сіяетъ,

И въ братскомъ хорѣ ихъ цвѣтетъ,

И съ ними ссединяетъ руки

Въ цѣпи Божественной любви,

Изъ міра къ міру разпростертой,

И опъ небесъ на небеса!

Тогда, Творецъ и міръ оправданъ!

Тогда, во мнѣ и въ мірѣ рай!

Тогда — благая Непоспѣшность,
 Я чувствую, дышу Тобой,
 И жизни день — и ночь могилы,
 Тогда все свѣтло для меня!
 Чего, чего страшиться болѣ? —
 Пускай жестокой рокъ совѣтъ
 Въ рукахъ своихъ неупоминныхъ
 Удѣльный свитокъ нашихъ дней;
 Пусть кровь творенія, движеніе —
 Замерзнетъ въ жилахъ вещества,
 И пульсъ всеобщій прекратится,
 И все покроетъ мертвый сонъ; —

Но Ты велишь — и вѣчность снова
 Обвинитъ и пробудитъ все!
 Тогда возстанетъ, какъ свѣтло,
 Твоя предъ нами правда, —
 И мракъ прошедшаго вечерній
 И будущаго ранній свѣтъ
 Въ единый полдень превратятся,
 Въ зеркало славы Твоея!
 Тогда падетъ сей міръ ничтожный
 Какъ въ безпредѣльномъ полѣ цѣпѣ,
 Съ котораго минуша жизни
 Соирала небу ошматъ!

Сочти, сочти мой для жизни,
 Скажи мнѣ, боже мой, когда
 Мой тихой кинарисъ надгробный
 Увидитъ сей великій день,

И гласъ гармоніи небесной
 Пробудитъ въ гробъ персть мою? . . .
 Скажи! сынамъ, Тобой живущимъ,
 И смерть и радость есть одно: —
 И смерть и радость — даръ небесный
 Великой благости Твоей! —
 Единый даръ, въ которомъ, Отче!
 Ты намъ открышься возхождѣвъ! . . .

А. Мрзлкв.

III.

О Римскихъ баняхъ.

Бани почипались въ Римъ необходимою потребностію до шѣхъ поръ, пока не вошло въ обыкновеніе носить бѣлье. Однакожъ бани общеспвенныя не прежде построены были, какъ въ началъ войны междоусобной, за которою слѣдовалъ конецъ Республики. Скоро потомъ начали купанье употреблять во зло. Праздные люди приходили въ бани убивать время. Спихотворцы приносили шуда свои сочиненія, будучи увѣрены, что найдутъ для себя слушателей. Кипо носилъ трауръ, тому благоприсойность не дозволяла посѣщать бани.

Надобно знать, что бани Римскія были большія зданія, однѣ къ другимъ

примыкающія. При нихъ находились комнаты для гимнастическихъ упражненій, библіотеки, амфитеатры, сады и палаты пиршесственныя. Великолѣнные портики со столбами служили вмѣсто преддверія. Приходящіе раздѣвались въ передней залѣ, и завѣсившись полошеницомъ отправлялись въ другую комнату; тамъ натирали тѣло свое приготовленнымъ масломъ, чтобы сдѣлать составы болѣе гибкими; потомъ ходили въ отдѣленіе гимнастическихъ упражненій, и для вспоможенія играли мячемъ или шаромъ; наконецъ уже всупали въ баню, сухую или влажную. Баня сухая нагрѣвалась посредствомъ трубъ, влажная — водою, въ пары превращенною. На серединѣ сухой бани дѣлано было опверзашіе, для впусканія теплоты изъ печи; оно накрывалось большою заслонкою, на подобіе щипца, которую снимали, когда надобно было прибавить жару.

Въ баняхъ, сухой и влажной, густой потъ дымился изъ тѣла, которое терли скреблицами, нарочно сдѣланными для сего употребленія. Изъ бани ходили въ теплую купальню — такъ называлось пространное зданіе, окруженное маленькими отдѣленными каморками гранишными, мраморными и порфировыми. Вышедши изъ теплой купальни, одни бросались въ холодную

воду, другіе прохаживаясь по комнатамъ, посредственнo нагрѣтымъ, дожидались пока высохнетъ тѣло. Для охотниковъ плавать стояли обширныя водоемы съ теплою и холодною водою. Потомъ, намастивъ тѣло разными благоуханіями, и одѣвшись, отправлялись въ гимнастическія комнаты, въ библіотеку, въ садъ, или въ пиршественную палану.

Римляне проводили большую часть дня въ сихъ мѣснахъ, наслаждаясь пріятными впечатлѣніями.

Славнѣйшія въ Римѣ бани построены Агриппою. Возобновленный имъ Пантеонъ былъ только преддверіемъ бань, или пристройкою. Неронъ распространилъ ихъ еще болѣе, — употребивъ на построеніе девять лѣтъ времени и десять тысячъ работниковъ. При освященіи сихъ бань, онъ уснановилъ игры Гимническіе, на которыхъ получилъ пальму за музыкальнсе искусство. Кто смѣлъ оспаривать первенство у Нерона?

Въ Тишово царствованіе городъ Геркуланъ залилъ лавою, вытекшею изъ Везувія. Сіе происшествіе сдѣлало въ жителяхъ Рима столь сильное впечатлѣніе, что Императоръ для забавы народа счелъ нужнымъ построить бани, великолѣпнѣйшія прежнихъ, и занять Римлянъ зрѣлищами, которыя превосходили всякое вѣрояніе.

Домиціанъ достроилъ бани Типовы. Каракалла воздвигъ еще другія шеплицы, въ которыхъ найдена славная шапуга Геркулеса Фарнезскаго.

Діоклиціанъ построилъ бани, о которыхъ имѣемъ болѣе подробныхъ извѣстій, нежели о первыхъ. Десять тысячъ Христіанъ семь лѣтъ работали надъ построеніемъ сихъ бань; вокругъ купальной считалось три тысячи каморокъ, изъ которыхъ каждая могла вмѣщать въ себѣ по нѣскольку человекъ. Здѣсь найдено множество бюстовъ и статуй, украшавшихъ библіотеку. Константинъ соорудилъ въ Римѣ огромныя бани на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ нынѣ находится садъ Беншиволіо. Полагаютъ, что въ баняхъ Діоклиціановыхъ ежедневно могло мыться болѣе ста тридцати тысячъ Римлянъ, и что въ короткое время нагревалось въ нихъ воды сто пятьдесятъ тысячъ кубическихъ футовъ. — Легко понять, сколько Римляне должны были любить сія зданія, гдѣ чувствовали они въ одно время множество впечатлѣній, дѣлающихъ жизнь пріятною, и полезныхъ для продолженія самой жизни.

Спарціанъ оставилъ намъ анекдотъ, дѣлающій честь Императору Адриану. Мывшись одинъ разъ въ публичной банѣ,

онъ увидѣлъ солдата, которой теръ шло свое обѣ спѣну. Адриану извѣстны были заслуги ратника; онъ спросилъ его, для чего это дѣлаешь. Солдатъ отвѣчалъ: „для того, что не имѣю слуги.“ Императоръ тотчасъ подарилъ ему невольниковъ и деньги для ихъ содержанія. Скоро по всѣмъ частямъ Рима разнесся слухъ о такой щедрости. Лишь только Адрианъ въ первой разъ послѣ того явился въ публичной банѣ, многіе старики захопѣли такимъ же образомъ обратитъ на себя вниманіе Государя. Адрианъ подзвалъ ихъ къ себѣ, вмѣсто богатыхъ подарковъ, которыхъ они ожидали, приказалъ дать каждому по одной скреблицѣ, и совѣщивалъ имъ тереть другъ друга.

(Изъ Модн. Журн.)

IV.

Путешествіе вокругъ Парижа ().*

Прежде, кто хотѣлъ научиться, тотъ съ удовольствіемъ объѣзжалъ Парижскія окрестности, напоминающія о многихъ событіяхъ историческихъ; повсюду, такъ

(*) Писано Французомъ.

сказать; Исторію Франціи, и не могъ довольно насыпитьъ глазъ своихъ памятниками, копорые живо представляли славнѣйшія эпохи прежней Монархіи. Шель, Сен - Дени, Шанпильи, Сен - Жермень, Компьень обращали на себя все наше вниманіе.

Теперь мѣста сіи лишились очаровательности. Въ Сен - Дени, громоподобный голосъ Революціи проникъ во внутренность гробницъ Королевскихъ. Изверги похищали прахъ Государей изъ безмолвныхъ обласней смерти, для того, чтобы — какъ тогда говорили — сдѣлать ихъ мѣщанами (roturier). Ихъ въ самомъ дѣлѣ перенесли на небольшое кладбище, и смѣшали съ мѣлами Бенедиктинскихъ монаховъ. Въ одинъ день всѣ династїи и всѣ сполѣтїя брошены въ яму, изрытую Варварствомъ, засыпанную Невѣжествомъ. Филиппъ Августъ не различенъ отъ Лудовика XIV, Генрихъ — отъ Лудовика XI. Французы, опягченные игомъ желѣзнымъ, не могли смотрѣть равнодушно, когда наилучшихъ Государей извлекали изъ подземныхъ сводовъ, и драгоценные остатки ихъ бросали въ общую могилу. Ни Генїи, ни Религїя, ни рыдающее ошечество, не могли спасти Государей отъ ярости революціонной. Многія стапуи изуродованы или сокрушены бѣс-

нующимися. Опровергнуты пышные памятники, и не осталось ниже надписи: *Nic jacet, здѣсь лежитъ*. Но статуи и надписи не даютъ безсмертія. „Написанное на мѣди и мраморѣ — взываетъ Цицеронъ Французскій — скоро изглаживается; написанное на сердцѣ остается вѣки.“ Лудовикъ XII и Генрихъ IV умерли въ объятіяхъ безсмертія; ихъ плѣнные останки могутъ быть разрушены, но память ихъ переживаетъ все величіе человеческое. Я видѣлъ, какъ злодѣи оскверняли послѣднія убѣжища мертвыхъ; слышалъ, какъ они, по невѣжеству и по варварской жестокости, основы Далматскихъ и Испанскихъ Принцессъ называли Австрійскими, и ругались надъ ними; ихъ нечестивыя руки не пощадили самаго Дюгескленя; по непонятному ожесточенію они поносили Героя, бывшего ужасомъ для нашихъ непріятелей, мечемъ и шипомъ опечества прошивъ вѣроломныхъ островитянъ. Тюрень чудеснымъ образомъ спасся отъ неистовства. Такую неслыханную ярость показали одни только Кареагенцы, когда подъ стѣнами Сиракузъ вырывали изъ гробовъ трупы! Въ то время мертвые опомнили живымъ: злодѣйство сіе наказано ужаснымъ моремъ, которой пожралъ болѣе трехъ частей Кареагенскаго войска.

Впрочемъ, Революція ускорила только дѣйствіе времени, которое конечно изпребило бы остатки Королей, какъ развѣяло оно прахъ Цезаря. Чтобы защититься отъ сего злаго непріятеля, чтобы скрыться отъ ярости будущихъ поколѣній, Цари приказывали отводить рѣки и заспавлять оныя пещь надъ ихъ могилами. Такъ сдѣлалъ Апшилла. Татарскіе Хань передъ кончиною своею приказывали насыпать горы надъ гробами, чтобы защитить себя отъ насильства людей и времени.

Шанпильи, сіе чудо Искусства во Франціи, нынѣ есть нечто иное, какъ пѣнь того, чѣмъ оно было прежде. На счастливыхъ берегахъ Нонены происходятъ такія же явленія, какія были надъ Сеною. Однакожь Напура, которая переживаетъ людей, не лишилась здѣсь прелней красоты своей.

Въ Фонтенебло памятники не потерпѣли большаго ущерба. Такое уваженіе къ мастерскимъ произведеніямъ Искусства служитъ похвалою для жителей города. Галлерей Франциска I осталась неповрежденною; статуи и картины и теперь еще удивляютъ своею свѣжестью. Здѣсь есть Училище для Марсовыхъ пиномцевъ. Лѣсъ, растущій вокругъ замка, достоинъ особеннаго вниманія. Кто любитъ мысленно

жить въ прошедшемъ, тогда найдеть для себя пріятнѣйшее наслажденіе въ обширной пустынѣ, которую нѣкогда посѣщали Короли наши съ блестящею свитою. Величіе Монарховъ наполняетъ сей лѣсъ пространный. Могу сказать съ древнимъ Философомъ: „Я никогда не былъ *менѣе* *уединенъ*, какъ въ то время, когда *одинъ* въ немъ находился.“ Все вокругъ меня одушевлено было; самая тишина усиливала очарованіе. Сколько столѣтій обнималъ я умомъ своимъ! сколько часто воображалъ Государей и Придворныхъ, гонящихся за ланью! какое множество лицъ являлось мысленнымъ взорамъ моимъ! Казалось, что вижу Монарховъ, которые выходили изъ длинныхъ аллей, пересѣкающихъ рощу. Здѣсь появлялся Филиппъ Августъ, окруженный храбрыми своими Рыцарями; опшуда выступалъ Филиппъ Прекрасный: первый славенъ военными подвигами, вѣпорой спорами съ Папою. Тамъ ходилъ я по слѣдамъ мудраго Карла V, которой выдумывалъ средства, выгнать Англичанъ изъ Королевства, и загладить пятно Поашьерское. Мрачный Лудовикъ XI поселялъ трепетъ въ душѣ моей, когда онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Тристаномъ гонялся за жителами лѣса. Карлъ VIII, Лудовикъ XII, великодушный Фран-

иискъ I ободряли меня; но Карлъ IX, обогранный кровію своихъ подданныхъ, снова заставлялъ меня трепетать отъ ужаса, заставлялъ воздыхать изъ глубины сердца объ участи Государей, которые слѣпо отдають себя въ волю жинщинъ вѣроломныхъ. Увидѣвъ Генриха IV, я побѣждалъ къ нему на встрѣчу: онъ любилъ красоту и звѣриную охоту, но любилъ и Французовъ, какъ дѣтей своихъ.

Наконецъ явился Лудовикъ XIV во всемъ блескѣ своего величія, окруженный толпою Придворныхъ (*) . . . Сей лѣсъ былъ некогда театромъ шумныхъ забавъ; теперь оставленъ въ заустѣннн. Онъ оставленъ — но существуетъ, между тѣмъ какъ сильные Монархи лежатъ въ могилахъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ въ семъ городѣ, есть дерево, известное подъ названіемъ *Королевскаго букета*. Оно совсѣмъ не имѣетъ вѣтвей, въ сороку футахъ отъ земли раздѣляется на два ствѣла, и оканчивается прекрасными пучками. Сіе дерево, самое лучшее въ Европѣ, возносится выше всѣхъ своихъ сосѣдовъ и образуетъ великолѣпной столпъ Коринтскаго ордена. Впрочемъ окрестности Фои-

(*) Всѣ упоминаемыя здѣсь Государя жила въ Фонтеблѣ.

тенебло болѣе странны, нежели милы, болѣе живописны; нежели пріятны. Множество разбросанныхъ утесовъ представляеть видъ романтической. Напура нѣкопрымъ образомъ играеть пренятствами; изъ разсѣлинъ утесовъ вырастають куспы, и, кажепся, хопяпъ украсипъ обнаженную Напуру. Сухіе пески напоминають намъ пустыню Ойвайды; Лудовикъ XI не безъ причины подписывалъ на письмахъ: *изъ пустыни Фонтенебло*. Еловый, всегда зеленѣющійся лѣсъ среди самага лѣша изображаеть намъ холодныя страны Сѣвера; нѣпъ ни луговъ, ни ручьевъ, ни куспарниковъ. Фонтенебло можетъ нравипся охотникамъ до звѣриной ловли, осиропѣвшимъ любовникамъ, или пѣмъ людямъ, копорые, оставивъ свѣпъ, хопяпъ наслаждаться утѣхами жизни уединенной — но такое наслажденіе для человека общественнаго скоро дѣлаеться до крайности тягоспнымъ. . . .

(Изъ Минервы.)

С м ѣ с ь.

Нѣкто, по имени Ламберъ, объявляетъ, что открылъ способъ управлять шарами воздухоплавателями. Онъ уже дѣлалъ опыты въ оранжереѣ Хранипельнаго Сената, и намѣревается, при первой благоприятной погодѣ, предпринять воздушное путешествіе изъ Тиволи, или другаго мѣста, направитъ полетъ къ куполу Инвалиднаго дома, окружитъ сіе зданіе, потомъ летитъ въ Версаль, Мёдонъ, или куда за благо разсудитъ — объявивъ однакожь напередъ, гдѣ захочетъ опуститься.

Намъ кажется — такъ написано въ Журналѣ, изъ котораго почерпаемъ сіе извѣстіе — что аэроптатами сколько же трудно управлять, какъ и людьми; что вѣтры не менѣе людей упрямы и часто вѣютъ слоями въ разныя спороны. Однакожь не смѣемъ возноситься мыслями до странъ эфирныхъ, и охотно станемъ удивляться успѣху, если Авторъ объявленія въ самомъ дѣлѣ исполнитъ свое обѣщаніе. — Какое удовольствіе для охотниковъ до путешествій! завтракать въ Пекинѣ, обѣдать въ Римѣ, попомъ гулять надъ прекрасными садами Сералля, и похищивъ какую-нибудь прелестную Черкашенку, возвра-

пидься въ Парижъ къ спектаклю и на
ночлегъ !!

*

Вотъ произхожденіе ордена Коринеска-
го: Одна дѣвушка умерла въ Коринѣ;
кормилица ея, собравши въ корзину малень-
кіе сосуды, любимыя игрушки покойницы,
поспавила ихъ на камнѣ, которымъ была
покрыта могила. Камень имѣлъ видъ
столба, какіе употреблялись для над-
писей. Чѣобы сохранишь ошъ повреж-
денія корзину, кормилица накрыла ее чере-
пицею. Корень правой медвѣжьей лапа, слу-
чайно бывшій подъ корзиною, пустилъ
ошъ себя стебли съ листьями, которые
выросли до самой черепицы, и встрѣпивъ
препятствіе, принуждены были склонить
внизъ верхи свои. Ваятель Каллимахъ, про-
ходя мимо сего памятника, срисовалъ ли-
сты, выросшіе изъ корзины, и первой на-
чалъ украшать ими капители столбовъ
въ Коринѣ. Сія подробности описаны Ви-
трувіемъ.

(Изъ Модн. Журн.)

*

Живописецъ Дойенъ пришелъ къ Гра-
финѣ Дюбарри въ то самое время, когда
она сидѣла въ ваннѣ: его впустили. Раз-
говоръ начался погодою. „Ровно годъ тому —

валъ себѣ кружку пива, и сѣлъ у огня подлѣ камина. Мѣсто сіе сполько понравилось госпю, что онѣ никакъ не хотѣлъ вспасть, а хозяинѣ изъ учтивости оставилъ его въ покоѣ. Всѣ разошлись спать по комнатамъ. На другой день по утру узнали, что у несчастнаго спранника сгорѣла нога, и что онѣ не прежде проснулся, какъ уже въ то время, когда огонь дошелъ до колѣна. — Надобно успокоить сострадательныхъ Чипателей, и поскорѣе объявить имъ, что у Ирландца была нога — деревянная.

ПОЛИТИКА.

†.

*Нота, поданная Имперскому Сейму
въ Регенсбургѣ отъ французскаго По-
вѣреннаго въ дѣлахъ Г-на Башера.*

При нынѣшнихъ обстоятельствевахъ, когда пригопвленія и движенія Австрійскаго Дома угрожаютъ твердой землѣ новою войною, Е. В. И. Французовъ признаетъ необходимымъ явно и торжественно изобразить чувствованія, которыми онъ былъ одушевленъ и нынѣ одушевляется, для того, чтобы современникамъ и потомству доставить возможность основательно судить, если снова откроется война, кто былъ ея зачинщикомъ.

Нижеподписавшійся Французскій Повѣренный въ дѣлахъ при Нѣмецкомъ Сеймѣ имѣетъ повелѣніе представить вѣрное начертаніе правилъ, которыми Франція руководствовалась, вразсужденіи своего поведенія противъ Австріи.

Наполеонъ равнодушно смотрѣлъ на все, что ни дѣлала сія Держава вопреки духу и буквальному смыслу договоровъ.

Онъ не жаловался ни за непомѣрное разпространеніе права присвоенія, ни за овладѣніе Линдавою и другими мѣстами въ Швабіи, перемѣнившее послѣ пракшата Люневильскаго положеніе сосѣдственныхъ Государствъ въ южной Германіи, — ниже за разныя другія пріобрѣтенія, о копорыхъ, какъ извѣстно всей Германіи, и теперь еще идутъ переговоры; онъ показывалъ, будто не знаетъ, что Венеціанскій государственный долгъ не только не выплаченъ, но объявленъ уничтоженнымъ, вопреки духу и буквальному смыслу пракшатовъ Кампо - Формійскаго и Люневильскаго; онъ не вступался за то, что его подданнымъ, жителямъ Милана и Мантуи, отказано въ правосудіи, когда, вопреки формальнымъ условіямъ, ни одинъ изъ нихъ въ Вѣнѣ не получилъ заплаты; не вступался за то, что Австрія признала неправо право блокады, которое Англія себѣ присвоиваетъ; видя, что за неутралищенъ Австрійскаго флага, столь часто нарушаемый ко вреду Франціи, Вѣнской Дворъ не починалъ нужнымъ жаловаться, онъ по любви къ миру хранилъ молчаніе.

Наполеонъ очистилъ Швейцарію, которая сдѣлалась спокойною и счастливою чрезъ акты посредничества; оставилъ

въ Италіи не болѣе войска, какъ сколько нужно для удержанія за собою на краю полуострова мѣсць, въ помѣ намѣреніи, чшобы защищать Левантскую торговлю, чшобы обезпечить для себя участокъ вознагражденія, и чшобы склонить Англію очистить Мальпу, а Россію вывести изъ Корфу свои войска; оставилъ на Рейнѣ и внутри Имперіи не болѣе войскъ, какъ сколько необходимо нужно для охраненія крѣпостей.

Единственно занявшись приготовленіями къ войнѣ — къ началю которой онъ не подавалъ повода, къ войнѣ, которую ведетъ за выгоды Европы и свои собственные, къ войнѣ, которой цѣль есть возстановленіе равновѣсія торговли и равенство въ господствованіи на моряхъ — онъ расположилъ всѣ войска свои лагеремъ на берегахъ Океана, далеко отъ границъ Австрійскихъ; употребилъ всѣ средства на построеніе флотовъ, на собраніе морскихъ служителей, на рытье пристаней; въ то самое время, когда онъ съ совершенною довѣренностію полагается на исполненіе трактатовъ, возстановившихъ миръ на твердой землѣ, Австрія внезапно принимаетъ военной видъ, спавить силы свои на военную ногу, посылаетъ армію въ Италіанскія свои владѣнія, соспа-

вляеть другую, споль же многлюдную, въ Тиролѣ; закупаеть лошадей, учреждаетъ магазины, производитъ работы надъ полевыми укрѣпленіями, ужасаетъ сими пригошовленіями Баварію, Швабію и Швейцарію, и шѣмъ ясно обнаруживаетъ, что имѣеть намѣреніе сдѣлать опводъ въ пользу Англїи — опводъ, болѣе вредный для Франціи, нежели война объявленная.

При споль важныхъ обспоятельспвахъ Наполеонъ почель необходимымъ испыпать всѣ средспва возвратитъ Вѣнской Дворъ на путь истинныхъ его выгодъ. Всѣ предспавленія, какія миролюбіе могло внушитъ, были сдѣланы и разнымъ образомъ повпорены. Вѣнской Дворъ объявилъ, что уважаетъ пракпаты, соединяющіе его со Франціею; — однакожъ шѣмъ съ болшею дѣяшельноспію продолжались военныя пригошовленія въ то самое время, когда опзывы его были наполнены дружескими выраженіями.

Авспрія объявила, что не имѣеть неприязненныхъ намѣреній прошивъ Франціи.

Противъ кого же дѣлаются всѣ сіи пригошовленія? Не уже ли противъ Швейцарїи, противъ Баварїи, или противъ Нѣмецкой Имперїи?

Наполеонъ препоручилъ нижеподписавшемуся объявить, что нападеніе на Нѣ-

нецкую Имперію , а особливо на Баварію , онъ поспетъ формальнымъ вызовомъ на войну.

Наполеонъ не полагаетъ никакого различія между выгодами своей Имперіи и выгодами Нѣмецкихъ Князей , находящихся съ нимъ въ союзѣ. Всякое несчастье , до нихъ касающееся , всякая опасность , имъ угрожающая , входятъ въ кругъ его попечительности.

Нижеподписавшійся , будучи увѣренъ , что Князья и Чины Нѣмецкой Имперіи одушевлены теми же чувствами , именемъ своего Государя пребудетъ , чтобы Сеймъ соединился съ нимъ , и благоразумными , справедливыми представленіями склонилъ бы Австрійскаго Императора не подвергать настоящія поколѣнія неминуемому бѣдствію , и пощадить кровь множества людей , назначенныхъ быть жертвою войны , которой цѣль столько противна выгодамъ Германіи , что и въ то время , когда она начнется , никто не будетъ знать истинной ея причины.

Безпокойства твердой земли тогда прекращаются , когда Австрійскій Императоръ , склонясь на справедливыя и неопступныя представленія Германіи , уничтожитъ военныя свои приготовленія , въ Швабіи и Тиролѣ оставитъ столько войскъ

сколько нужно для крепостных гарнизонов, и приведетъ армию свою въ прежнее мирное состояніе. Не ясно ли было по самымъ условіямъ Люневильскаго договора, что выступленіе Австрійскаго войска изъ внутреннихъ областей Австріи должно считаться дѣйствіемъ непріятельскимъ? Австрія видѣла, что Франція, бывъ тогда замѣшана въ постороннюю войну, вывела войска свои изъ Швабіи, остановила движенія, которыя весьма полезны были бы для корпуса, находившагося въ Швейцаріи; слѣдственно не противно ли справедливости за такую довѣренность платить наступательными приготовленіями? Нынѣ тѣ же обстоятельства со стороны Франціи: для чего же мѣры Австріи столь отличны? Для чего содержитъ она шестидесять баталіоновъ въ Тиролѣ и въ Швабіи въ то время, когда всѣ Французскія силы собраны для предпріятія высадки въ Англію?

Теперь не существуютъ никакія несогласія между Швейцаріею и Нѣмецкою Имперіею; нѣтъ никакихъ споровъ между Баваріею и Австріею; если вѣрить объявленіямъ Вѣнскаго Двора, то между имъ и Франціею также нѣтъ несогласія. И такъ, какія неизвѣстныя причины побу-

дили Вѣнскій Дворъ собрать такое множество войска ?

Одно только можетъ быть намѣреніе, а именно : держать Францію въ нерѣшимости и бездѣйствіи , и остановить ее въ то время , когда она твердо положила исполнить свое предпріятіе. Но сіе намѣреніе не можетъ имѣть успѣха прочнаго. Франція была обманута ; теперь она вышла изъ заблужденія. Она была принуждена откладывать исполненіе своего предпріятія ; откладываетъ его еще и теперь ; ожидаетъ , какія слѣдствія имѣть будущая представленія и Нѣмецкаго Сейма : но когда всѣ старанія приведутъ Австрію или къ рѣшительному миру , или къ рѣшительной войнѣ , останутся тщетными ; въ то время Наполеонъ исполнитъ свои обязанности , возложенныя на него доестествомъ его и могуществомъ ; тогда онъ всѣ усилія свои направитъ туда , гдѣ Франція будетъ угрожаема. По благоспи Провидѣнія онъ имѣетъ довольно силы одною рукою побѣдить Англію , другою защитить честь орла своего и права своихъ союзниковъ (!!).

Если Сеймъ уважитъ сіе представленіе , которое нижеподписавшемуся повелѣно сдѣлать ; если онъ успѣетъ внушить Его Величеству , Императору Австрійскому ,

вѣ какомъ положеніи находится нынѣ твердая земля Европы отъ его движеній, можетъ быть, необдуманнхъ движеній, которыя, можетъ быть, сдѣланы не для видовъ непріятельскихъ, но только по наущенію постороннему; если онъ успеетъ увѣрить своего Монарха, справедливаго и человеколюбиваго, въ томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ непріятелей; что границы его находятся въ совершенной безопасности отъ нападенія; что Франція два раза могла навсегда лишиться его цѣлой половины наслѣдственныхъ областей, если бы она захопѣла другихъ условій, не тѣхъ, которыя содержатся въ договорахъ Кампо - Формійскомъ и Люневильскомъ; что своими распоряженіями — которыя при самомъ началѣ уже много вредятъ Франціи — онъ вмѣшивается въ ссору, для него совершенно постороннюю и бесполезную: тогда Сеймъ окажетъ услугу Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи, всей Европѣ, кромѣ одного народа, ненавидящаго общее спокойствіе, народа, основавшаго благоденство свое на намѣреніи — упорномъ и непреклонномъ, — несогласіи, вражду и безпокойства сдѣлать вѣчными на твердой землѣ.

Подписано: *Башеръ.*

II.

Отзывъ къ Императорскимъ Королевскимъ посольствамъ въ Регенсбургъ.

Объявленіе, которое Французскому Повѣренному въ дѣлахъ вѣрно было сдѣлать Сейму, представлено Его Императорскому Королевскому Величеству.

Цѣль сего объявленія есть увѣришь Чиновъ Нѣмецкой Имперіи, что вооруженія и насильственные поступки Наполеоны въ Италіи не должны были принудить Австрію къ прошиву оруженіямъ; что Франція — не Австрія — хочетъ возстановленія общаго мира; что для возстановленія мира Франція готовилась сдѣлать въ Англію высадку, которую Австрія нынѣ намѣрена остановить, и пѣмъ возпрепятствовать досниженію предполагаемой цѣли.

Къ сему объявленію прибавлены угрозы напасть на Нѣмецкую Имперію, если Австрія, по требованію Франціи, не положишь оружія.

Его Величество, бывъ вызванъ симъ объявленіемъ, сдѣланнымъ Нѣмецкому Сейму, почиаетъ себя принужденнымъ открышь всѣмъ Чинамъ Имперіи, чрезъ со-

общеніе прилагаемыхъ здѣсь бумагъ (*), причины и намѣренія вразсужденіи вооруженія, предпринятаго по необходимости. Чины увидяшъ, что Австрія предлагала свое посредничество для возстановленія мира и спокойствія; что Франція отвергла сіе посредничество; что Франція пребуесть обезоруженія, не мира; а такое беззащитное состояніе не только не естъ миръ, но заѣе самой войны, когда Держава, страшная по своей силѣ, одна остается вооруженною, не встрѣчаетъ нигдѣ препятствій, занимаетъ области своими войсками, угнетаетъ мирныя независимыя Государства, и порабощаетъ оныя одно послѣ другаго.

Цѣль вооруженія Дворовъ Императорскихъ, Австрійскаго и Россійскаго, естъ — прекратить сіе состояніе. Достоверныя событія свидѣтельствуютъ, что первой изъ упомянутыхъ Дворовъ имѣлъ сильныя причины взять осторожныя мѣры для собственной своей безопасности, послѣ страшныхъ вооруженій Французовъ въ Италіи: тому доказательствомъ, слишкомъ яснымъ, служатъ спашьи, помѣщен-

(*) При отзвѣ приложены копии съ разныхъ бумагъ дипломатическихъ, относящихся къ сему предмету.

ныя въ Монитерѣ 11 го Мая и 13 го Іюня текущаго года.

Желаніе Австріи и Россіи открытъ переговоры на основаніяхъ справедливости и умѣренности доспашочно свидѣтельствомъ, что предложенныя выше причины — не виды корысполюбивыя — заставили ихъ рѣшиться на вооруженія. Это еще доказываютъ успокоивающія обѣщанія, данныя ими на случай войны неизбежной, обѣщанія сохранитъ въ цѣлости Нѣмецкую Конституцію и всѣ владѣнія Имперскія. Всѣ Чины безъ сомнѣнія съ полною довѣренностію примутъ сіи обѣщанія; Министры Его Императорскаго Королевскаго Величества получили повелѣніе возобновитъ и торжественно подтвердитъ оныя.

Между тѣмъ, угрозы Наполеоновы вшоргнувшись въ Нѣмецкую Имперію показываютъ, столь нужно приличными средствами и распоряженіями по возможности привести ее въ оборонительное состояніе. Опытъ, о копорыхъ никогда забыть нельзя, научили, съ какими слѣдствіями сопряжены бывають подобныя угрозы со стороны Франціи; тѣмъ послѣднѣе надлежитъ предупреждать ихъ, чѣмъ очевиднѣе, что многіе Князья Округовъ пограничныхъ убѣждены Наполеономъ возсталъ противъ

своего Императора и Чиновъ Нѣмецкой Имперіи, и что на сей конецъ состояющія новые союзы, между нѣмъ какъ заключенные прежде состояющія безъ уваженія.

Его Величество надѣется, что всѣ Чины или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, увидятъ, сколь опасны такія намѣренія, увидятъ надобность единодушнѣю, вѣрностію и твердостію не допустить, чтобы Нѣмецкое опечество подверглось той же участи, какая постигла Италію и другія области, подпавшія совершенной или частной зависимости отъ Франціи. Слѣдственно Чины одобрятъ справедливыя предпріятія Австріи и Россіи, и помогутъ имъ; въ противномъ случаѣ спасительныя ихъ намѣренія останутся безъ исполненія: ибо никакому сомнѣнію не подвержено, что возстановленіе прочнаго мира зависитъ отъ приговоровъ дѣятельныхъ способовъ, на которыхъ основывается послѣдняя надежда спасенія — если бы иначе невозможно было достигнуть сей желанной цѣли.

Подписано:

Лудовикъ Графъ Кобенцель.

Вѣна. 9 го Сент. 1805.

*О введеніи Грегоріянскаго Календаря
во Франціи.*

Сенаторъ Лапласъ доноситъ отъ имени Коммиссіи, наряженной для разсмотрѣнія плана Сенапскаго опредѣленія :

„Сенаторы! планъ Сенапскаго опредѣленія, представленный вамъ въ минувшее засѣданіе, и нынѣ предлагаемый на ваше разсмотрѣніе, имѣетъ цѣлю введение во Франціи Календаря Грегоріянскаго, съ 11 го числа будущаго Нивоза, то есть съ 1 го дня Генваря 1806 го года. Дѣло идетъ не о разсмотрѣніи, какой изъ всѣхъ возможныхъ Календарей ближе къ Натурѣ и простѣе; скажемъ рѣшительно, что ни старой, ни новой не имѣютъ сихъ опличій. Ораторъ правительства со всѣмъ сравненіемъ изъяснилъ вамъ ихъ выгоды и неудобства. Главная погрѣшность нынѣшняго Республиканскаго Календаря состоитъ въ способѣ прибавленія нарастающаго времени. Опредѣляя начало года въ полночь, предшесвующую истинному осеннему равноденствію на Парижской Обсерваторіи, онъ выполняетъ въ строгой точности условіе постоянно начинать годъ въ одно и то же время; но такіе годы перестаютъ бытъ правильными періодами времени,

удобными дѣлаться на дни, а это необходимо долженъ спвуесть привести въ замѣшательство Хронологію, и безъ того уже отъ множества Эрѣ слишкомъ замушанную. Астрономы, которые болѣе другихъ предвидѣли сіе неудобство, много разъ представляли о введеніи перемѣны. Еще до наступленія перваго высокаго года, по новому Календарю, они представляли Комитету общественнаго просвѣщенія о введеніи правильнаго прибавленія времени, и пребываніе ихъ было уважено. Въ сію эпоху Національный Конвентъ, возвратясь на прямой путь благоразумія и занимаясь успѣхами просвѣщенія, оказывалъ ученымъ мужамъ приличное уваженіе, которое до сихъ поръ осталось въ ихъ памяти. Они не забудутъ никогда, что многіе Члены Конвента, одушевленные благородною опвагою, среди бурныхъ мяшежей революціи, умѣли сберечь памятники Наукъ и Художествъ отъ совершеннаго разрушенія. Роммъ, главный сочинитель новаго Календаря, созвалъ многихъ Ученыхъ; написалъ вмѣстѣ съ ними планъ закона, силою котораго правильное прибавленіе времени должно было засупить мѣсто дошолѣ существовавшего; но спустя нѣсколько дней, онъ погибъ, а съ нимъ вмѣстѣ и планъ предназначаемаго

закона. Однакожъ надлежало бы непременно возвратиться къ упомянутому предположенію, если бы опредѣлено было удерживать нынѣшній Календарь; а допустивъ сію перемѣну въ одномъ изъ главныхъ его основаній, надлежало бы допустить не правильность высокоса. Уничтоженіе декады произвело важнѣйшую перемѣну. По декадамъ можно было во всякое время угадать число мѣсяца; но по окончаніи года прибавочные дни смѣшивали порядокъ въ дѣлахъ, отправляемыхъ въ извѣстные дни декады. Употребленіе малаго періода, независимаго отъ мѣсяцевъ и годовъ, на примѣръ недѣли, отвращаетъ сіе неудобство; во Франціи уже принятъ сей седмичный періодъ, котораго начало теряется въ самой глубокой древности, и которою безпрепятственно дошелъ до временъ нашихъ, входя въ составъ Календарей разныхъ народовъ.

Но самая главная невыгода новаго Календаря состоитъ въ замѣшательствѣ, которое онъ дѣлаетъ во внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ, отдѣляя насъ отъ прочихъ Государствъ Европы. Это никогда не перемѣнилось бы: ибо намъ нельзя надѣяться, чтобы Календарь нашъ когда нибудь вошелъ во всеобщее употребленіе. Эпоха его единственно относится къ на-

шей Исторіи; начало года установлено весьма невыгоднымъ образомъ, потому что нераздѣльные дѣйствія и работы раздѣляются на двѣ части, и входятъ въ начало одного и окончаніе другаго года; еще одно неудобство его для гражданской жизни состоитъ въ томъ, что, по обыкновенію Астрономовъ, день начинается въ самой полдень. Сверхъ того начало года относится къ одному меридіану Парижскому. Каждой народъ считаетъ долготу Географическую отъ своего меридіана; такъ можно ли ожидать, чтобы всѣ они согласились годъ свой начинать вмѣстѣ съ нашимъ? Потребна была власть Религіи и два вѣка, для введенія во всеобщее употребленіе Календаря Грегоріанскаго. Въ семъ — то *всеобщемъ* употребленіи состоитъ вся важность; чѣмъ съ большею прудностію достигаютъ до предположенной цѣли, тѣмъ дороже цѣнишь должно удачу. Сей Календарь нынѣ принятъ почти всѣми народами Европы и Америки; онъ долго существовалъ во Франціи, и теперь назначаетъ наши церковные праздники; на немъ основывается счетъ сполнѣній. Правда, и въ немъ видимъ многія несовершенства: неспросту и неровность въ продолженіи мѣсяцевъ и начало года, не соответствующее ни одному годовому време-

ни; за то онъ соотвѣтствуетъ главному назначенію Календаря, удобно раздѣляясь на дни, и сохраняеть начало года почти въ непремѣнномъ разстояніи отъ равноденствія. Способъ прибавлять нарастающее время есть самой простой и удобной. Извѣстно, что къ четвертому году прибавляется день высокосный; въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ въ концѣ каждаго вѣка высокосъ уничтожается; а при четвертомъ столѣтій нарастающій день не отбѣмлетя отъ года. Если сообразно съ симъ расчетомъ по прошествіи каждаго четырехъ тысячъ лѣтъ уничтожать по одному дню высокосному, то Календарь въ точности будетъ сходенъ съ теченіемъ времени. Но при нынѣшнемъ его состояніи надобно, чтобы пропекло сорокъ столѣтій прежде, нежели начало *средняго* года опуститъ однимъ днемъ отъ начала года *истиннаго*. Французскіе Ученые всегда соображали съ Грегорианскимъ Календаремъ астрономическія свои таблицы, на копорыхъ основаны дневныя записки всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ.

Можетъ быть, нѣкоторые побоятся, чтобы за возстановленіемъ прежняго Календаря не послѣдовало введеніе старинной мѣры. Но Орапоръ правительства поспарался предотвратитъ сн опасенія. Мы

увѣрены, подобно ему, что правитель-ство, зная пользу однообразной системы въ мѣрахъ и совершенство системы метрической, не только не возобновитъ старинныхъ мѣръ, но употребитъ дѣятельнѣйшія средства, какъ можно скорѣе сдѣлать новыя всеобщими и опровергнетъ пре-пятства, которыя и нынѣ еще встрѣча-ются отъ старинныхъ привычекъ, исчеза-ющихъ со дня на день.

По симъ причинамъ Коммиссія пред-ставляетъ вамъ для утвержденія планъ Сенатскаго опредѣленія, предложенный правительствомъ.

(Изъ Монитёра.)

IV.

Извѣстія и замѣтанія.

Публичные листки становятся день ото дня занимательнѣе. Вся Европа нынѣ пред-ставляетъ обширный театръ военный. Нѣтъ Государства независимаго, которое могло бы сказать о себѣ, что внѣшнія дѣйствія войны для него не страшны. Миротлюбивый Дворъ Копенгагенскій собираетъ военныя силы свои въ Герцогствѣ Голштинскомъ; всей арміи велѣно быть

въ готовности къ походу. Въ Пруссіи господствуетъ необыкновенная дѣятельность. Уже учреждены военные Почтамты; Артиллерія, полевая пекарня и проч. отправлены въ южную Пруссію; полки, назначенные въ Померанію, находятся въ дорогѣ. Впрочемъ извѣстно, что пригопвленія Дворовъ Датскаго и Прусскаго имѣютъ цѣлю неупралишетъ вооруженный, копорой они содержатъ намѣрены, по крайней мѣрѣ, до нѣкотораго времени. Можетъ бытъ, свиданіе двухъ великихъ Монарховъ, копорое, по увѣренію многихъ Нѣмецкихъ Газетперовъ, должно бытъ въ Польшѣ, рѣшительно покажетъ, кого Европа должна почитать въ особѣ Фридриха Вильгельма, защитника ли ея спокойствія и правъ народныхъ, или Государя, копорой для мнимой пользы собственноравнодушно смотритъ на необдуманная зашѣи властолобца.

Французы въ революцію сражались удачно. Это не должно удивлять насъ, если вспомнимъ, въ какомъ положеніи находились тогдашніе непріатели Франціи, и съ какимъ ослепеніемъ Республиканцы шли на смерть очевидную замечательное равенство. Нынѣ совсѣмъ другія обстоятельствова. Тогда Французскія головы кружились ошѣ эпидемическаго

угару ; теперь онѣ опямятовались ; теперь каждой знаетъ удовольствія общежитія , сладостныя обязанности родства и дружбы , слѣдственно знаетъ цѣну жизни. Бонапарте спрашенъ только для слабыхъ. Какія выгоды принесла ему послѣдняя война съ Англіею , — съ Государствомъ , которое не имѣло союзниковъ , которое половиною менѣ Франціи въ населеніи , и котораго владѣнія малыми частями разбросаны по всему свѣту ? Чѣмъ кончились угрозы Наполеоновы покорить всю Бриттанію ? Въ самомъ дѣлѣ покажется невѣроятнымъ , что ни одна Англійская колонія не завоевана , и что морская торговля не потерпѣла почти никакого убытка , тогда какъ опытнѣйшіе Французскіе мореходцы безпрестанно разбѣзжали на моряхъ , и старались нанести ей ударъ смертельной. Какіе военные подвиги Бонапарте оказалъ на твердой землѣ Европы ? занялъ беззащитный Ганверъ , присвоилъ Ломбардію , овладѣлъ Генуею , поработилъ Лукку : вотъ единственныя завоеванія , въ нынѣшнюю войну имъ сдѣланныя. Но похвальны ли такія пріобрѣтенія ? . . .

Кажется , что Испалія , Баварія , Швабія и Французскіе берега будутъ театромъ военныхъ дѣйствій. Римскій Императоръ прибылъ въ Минхенъ , откуда ,

какъ слышно , немедленно отправится въ Ландсбергъ , что на рѣкѣ Лехѣ , гдѣ ожидаетъ его Эрцгерцогъ Фердинандъ , главнокоммандующій Австрійскою арміею въ Германіи. Войско уже переправилось черезъ Лехъ ; главная квартира находится въ Меммингенѣ , въ Швабіи. Съ рѣки Майна пишутъ , что корпусъ Французскихъ войскъ перешелъ черезъ Рейнъ , что Австрійскія войска заняли Шафгаузенъ , и что на рѣкѣ Адигѣ начались непріятельскія дѣйствія. Последнее кажется тѣмъ невѣроятнѣе , что , по извѣстіямъ изъ Парижа , Графъ Кобенцль еще находится въ сей столицѣ , и что Французскій Посоль Рошфуко не выѣхалъ еще изъ Вѣны , хотя , какъ увѣряюшъ , и получилъ уже пропускные виды.

*

Принцъ Мюра имѣетъ титулъ перваго Генераль-Лейтенанта , потому что самъ Наполеонъ будетъ начальствовать надъ войскомъ. Прочіе Маршалы : Су , Ней , Ланнъ и Даву , въ качествѣ корпусныхъ начальниковъ , также будутъ называться Генераль-Лейтенантами. Италіянская армія поручена Массенѣ. — Г-на Бонапарте ожидали въ Стразбургѣ въ концѣ Сентября мѣсяца ; часть свиты его уже прѣехала въ сей городъ. — Вниманіе Парижской

публики обращено теперь на чрезвычайное заседание Сената, коим собранъ былъ по повелѣнію Наполеона. Предметъ сего заседания есть объявленіе причинъ, буди бы побуждающихъ Францію спѣшить на помощь Баваріи и Швабіи, угнетаемымъ оми Римскаго Императора.

Англійская морская экспедиція, которая подъ начальствомъ Генерала Берда, поплыла изъ Корка, направила путь свой къ Мысу Доброй Надежды. Если удастся ей овладѣть сею колоніею Голландскою, то, вѣроятно, сдѣлаемъ покушенія противъ острововъ Иль де Франса и Бурбона. До сихъ поръ не знали о назначеніи такъ называемой великой экспедиціи, которая вооружаема была съ неусыпною дѣятельностію; нынѣ извѣстно, что пятьдесятъ тысячъ человекъ высаднаго воиска, пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ Герцога Йоркскаго, переправятся на твердую землю. Болѣе ста перевозныхъ судовъ стоятъ въ Дюнахъ во всей готовности для переправы сего ополченія.

Въ наслѣдственныхъ Австрійскихъ областяхъ жаръ патриотической одушевленности всѣхъ жителей. Можетъ быть, Австрійцы никогда съ такимъ единоду-

шiemъ не желали войны, какъ нынѣ; ибо никогда сполько не были увѣрены, что благо опечесшва шребуешъ сей жертвы. Благоразумныя мѣры правительсшва ободряюшъ всѣхъ подданныхъ, шѣмъ болѣе, что Австрiя никогда еще не дѣйствовала съ такою живоспiю и не показала такой тонкой оборотливости въ Полишикѣ, какъ при настоящемъ случаѣ. Декларации Дворовъ Вѣнскаго, Петербургскаго и Парижскаго — шѣ самыя, о которыхъ упомянуто въ Нотѣ Римскаго Императора, поданной Регенсбургскому Сейму, и которыхъ Публика Россiйская уже читала въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ — переведены на всѣ языки, употребительныя въ обласпяхъ Австрiйскихъ, и напечатаны для всенароднаго извѣспiя.

Конецъ ХХIII Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ. № 17.

	Стран.
I. Принцесса Урсинская.	- 3
II. О причинахъ изложенія Никона, Московского Патриарха.	- 32
III. Письмо къ другу.	- 48
IV. Сказка (изъ Боккалини).	- 52
V. Какъ опасно медлить и откладывать при нынѣшнемъ состоя- ннн политическимъ дѣлѣ въ Европѣ.	- 53
VI. Изображеніе нынѣшняго состоя- ннн Франціи.	- 62
VII. Извѣстія и замѣчанія.	- 75

С Е Н Т Я Б Р Ъ. № 18.

I. Разговоръ Мармонтеля съ Шам- форомъ въ началѣ Революціи.	81
II. Первый Институтъ въ Россіи для воспитанія дѣтей глухо- нѣмыхъ отъ рожденія.	- 90
III. Клодъ - де - Дорре.	- 97

	Стран.
IV. Осуженъ.	102
V. Дѣто.	107
VI. О причинахъ изложенія Никона, Московскаго Патріарха. (Окон- чаніе.)	109
VII. Галлъ.	124
VIII. Смѣсь.	130
IX. Отвѣтъ на нелѣпыя статьи и клеветы, помѣщенные во Фран- цузскихъ Журналахъ и Газе- тахъ.	135
X. Извѣстія и замѣчанія.	154

О К Т Я Б Р Ъ, № 19.

I. Варволомеевская ночь.	161
II. О ссорѣ Фридриха съ Вольте- ромъ.	193
III. Отвѣтъ Сочинителю стиховъ, подъ названіемъ: Дѣто.	202
IV. Къ ней.	203
V. Берръ - Бингъ.	204
VI. О Шиллеровыхъ сочиненіяхъ.	207
VII. Къ благотворителямъ Кривобо- ковой, нынѣшнимъ и будущимъ.	216
VIII. Грузія подъ Скипетромъ АЛЕ- КСАНДРА I.	220
IX. О Голландіи, торговлѣ ея, ха- рактерѣ и духѣ жителей.	227
X. Извѣстія и замѣчанія.	235

О К Т Я Б Р Ъ. № 20.

I. Варооложеевская ночь. (Окончаніе.)	-	-	241
II. Гимнъ Непостижимому.	-	-	273
III. О Римскихъ баняхъ.	-	-	279
IV. Путешествіе вокругъ Парижа.	-	-	283
V. Смѣсь.	-	-	290
VI. Нота, поданная Имперскому Сейму въ Регенсбургъ отъ Французскаго Повѣреннаго дѣла Г-на Башера.	-	-	294
VII. Отзывъ къ Императорскимъ Королевскимъ посольствамъ въ Регенсбургъ.	-	-	302
VIII. О введеніи Грегорианскаго Календаря во Франціи.	-	-	306
IX. Извѣстія и замѣчанія.	-	-	311

О Ш И Б К И

ВЪ Но 19 мѢ Вѣспника Европы:

Налетано.

Читай.

Стран. строк.

195 1 Пробныя репе- Репетиціи
пиціи

198 17 и къ которо- и котораго онъ ино-
му онъ иногда гда навѣщаль
навѣдывался

